

ЕЖЕГОДНИК ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ

ВЫПУСК VI

(Проблемы истории русской общины)

ВОЛОГДА
1976

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ЕЖЕГОДНИК ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ

ВЫПУСК VI

(Проблемы истории русской общины)

ВОЛОГДА
1976

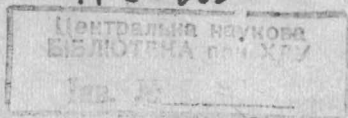
Вопросы аграрной истории Европейского Севера СССР

Выпуск 6

Публикуемая книга является очередным (шестым) томом изданий, осуществляемых кафедрой истории СССР Вологодского государственного педагогического института и Вологодским проблемным объединением по аграрной истории Европейского Севера СССР. Для данного сборника отобраны материалы по проблеме: история русской общины.

Редколлегия: П. А. Колесников (ответственный редактор),
В. П. Данилов, В. Л. Янин.

№ 85255

П. А. Колесников

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОЙ ОБЩИНЫ *

Община Европейского Севера издавна привлекла внимание исторической науки. Многие важные вопросы ее истории были выяснены в работах дореволюционных исследователей. В советское время основные аспекты развития сельской общины нашли отражение в общих и специальных работах Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина, Н. Е. Носова, А. И. Копанева, А. Л. Шапиро, Л. В. Даниловой, Ю. Г. Алексева, А. П. Пьянкова, Н. М. Дружинина, В. А. Александрова, П. Н. Першина, С. П. Трапезникова, С. М. Дубровского, Е. А. Луцкого, В. П. Данилова и других историков и этнографов. В последние годы научный интерес к общине возрос в огромной степени, усилилась теоретическая и конкретно-историческая разработка этой интересной и сложной проблемы, свидетельством чему может служить, в частности, работа секции «Общинные организации сельского населения» на последних трех сессиях Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы¹. Все это позволяет предпринять попытку периодизации истории общины на Русском Севере, выявить основные этапы ее развития в связи с общим ходом социально-экономического процесса, главным образом с изменениями положения бывших черносошных (с XVIII в.— государственных) крестьян.

Установление и характеристика основных этапов развития сельской общины в северном регионе, игравшем важную роль в

* Публикуемый материал П. А. Колесникова, как и других авторов данного сборника, обсуждался на XV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы и Совете Вологодского проблемного объединения по аграрной истории Европейского Севера СССР.

¹ См. «Тезисы докладов и сообщений XII сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы» Вып. I, М., 1970, стр. 19—40; «Тезисы докладов и сообщений по аграрной истории Восточной Европы», М., 1971, стр. 130—136; 212—227; «Тезисы докладов и сообщений XIV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы». Вып. II, М., 1972, стр. 164—221.

социально-экономической истории Русского государства, поможет выяснить некоторые неясные и спорные моменты организации и жизнедеятельности русской крестьянской общины в целом на разных стадиях исторического прошлого — не только в условиях феодализма и капитализма, но и в сравнительно кратковременный период ее существования в советское время. Изучение сельской общины на русском Севере будет содействовать также более глубокому и полному осмыслению истории большой категории крестьян, знавших «над собой только власть государства»².

Вопросы периодизации развития русской сельской общины в дореволюционной историографии нашли слабое отражение (в основном в связи с изучением ее происхождения)³. В советской историографии эта проблема также до сих пор не получила достаточного освещения. Попытка обобщенной характеристики основных стадий развития русской общины на протяжении всей ее истории предпринята Л. В. Даниловой и В. П. Даниловым. Они выделяют следующие стадияльные типы русской общины: вервь эпохи Киевской Руси, средневековая община-волость, крестьянская полукрепостная община позднего феодализма, ее трансформация в условиях капитализма, община как свободный союз равноправных пользователей национализированной землей после Великой Октябрьской социалистической революции⁴. Такая стадияльно-типологическая характеристика не решает непосредственных задач периодизации истории общины, но содействует их правильной постановке.

Настоящая статья не претендует на полное освещение факторов, определивших развитие общины. Объем публикации позволяет выдвинуть на обсуждение лишь принципиальное обоснование предлагаемой периодизации. При этом основное внимание уделяется наименее изученным и вызывающим больше всего споров ранним периодом развития общины (до реформы 1861 г.).

В ходе исторического развития на общину одновременно действовали разлагающие и консолидирующие факторы (экономические, географические, демографические, правовые), которые в свою очередь непрерывно трансформировались под

---

² В. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., М.—Л., 1946, стр. 20.

³ См.: Л. Н. Вдовина. Вопрос о происхождении крестьянской общины в русской дореволюционной историографии. — «Вестник Московского университета. История», 1973, № 4, стр. 33—50.

⁴ См.: Л. В. Данилова, В. П. Данилов. Община. — «Большая Советская энциклопедия», т. 18, М., 1974, стр. 252—256.

влиянием общих законов общественно-экономических формаций. Поэтому представляется необходимым эволюцию общины рассматривать прежде всего в хронологических рамках каждой формации.

Являясь своеобразной организацией крестьянства, связанной со строем и уровнем сельскохозяйственного производства, отвечая потребностям мелкого производства, община, сохраняя длительное время реликты ранних социальных институтов, претерпела сложную эволюцию. Она дожила до первых этапов строительства социализма в связи с теми укладами или теми их элементами, которые сохранились от предшествующего периода исторического развития⁵.

Поэтому критерием для периодизации взят, прежде всего, строй сельскохозяйственного производства в широком понимании, включающем системы земледелия и землепользования, связь с рынком и уровень земледельческого производства. Особенности сельской общины на Севере диктуют необходимость учитывать совокупность природных условий, специфику заселения и освоения региона, эволюцию государственного устройства, взаимосвязи государственной власти и общинных институтов.

* * *

Реконструирование процесса становления общины на Европейском Севере затрудняется скудностью сведений, которые мы можем почерпнуть из письменных источников. Существенные дополнения содержат археологический и этнографический материалы. Однако и при комплексном использовании источников целый ряд вопросов возникновения и развития русской общины невозможно осветить с достаточной полнотой.

Северная славянская община — община переселенцев — сложилась на обширных и редко заселенных пространствах, где аборигенное население не имело собственной государственности, а Новгородская республика и Ростово-Суздальские княжества только устанавливали даннические отношения. Она сформировалась в процессе народной колонизации и в течение длительного времени существовала без воздействия или при слабом воздействии на нее феодального государства и его институтов. В силу отмеченного обстоятельства изучение первоначальных форм северной общины представляет особенно большой интерес. Экологические условия и этническая среда, в которых оказывались славянские переселенцы, безусловно, накладывали свой отпечаток на северную общину. Но в целом это была

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 205—245.

организация, в наибольшей степени соответствовавшая хозяйственному строю и социальным отношениям восточнославянского общества. Порывавшие в местах выхода с соседской общиной переселенцы на Севере занимали наиболее пригодные для земледелия и промысловой деятельности места по берегам рек, озер и морей и образовывали такие же общины-волости с реликтами родовых и патронимических связей, как и в областях, из которых они пришли. Они привносили с собой тот строй сельскохозяйственного производства и быта, который сложился в центральной Руси, тот же тип общинных институтов. Вместе с этим, в силу указанных выше особенностей, исходной формой северной общины, приходящейся на начальный период славянского заселения Европейского Севера, является своеобразная *свободная соседская община*, состоящая из малых и больших семей.

Первая волна массовой народной колонизации датируется X—XII вв. — временем развития процесса феодализации, распространения христианства, когда древнеславянская вервь все более и более утрачивала черты, унаследованные от родовой и большесемейной общины, превращаясь в типичную сельскую соседскую организацию. По мере углубления феодальных отношений наряду с соседской общиной на государственной земле возникает зависимая крестьянская община на частновладельческих землях. Территориальная же община-волость, состоящая из непривилегированных владельцев общинной и семейной собственности, со временем оказывается в тесной и все более усиливающейся зависимости от государства⁶.

Сохраняя в местах заселения господствующие формы сельскохозяйственного производства и поселения, славянские пе-

---

⁶ В современной советской историографии идет полемика относительно природы чернососного землевладения в период раннего и развитого феодализма. Ряд историков считает, что крестьяне черных волостей сохраняли право собственности на обрабатываемые ими земли вплоть до XV—XVI вв. Соответственно, оказывается дискуссионной и грань между периодами раннего и развитого феодализма. Изложение существа полемики см., например, в статьях Н. Е. Носова, А. И. Копанева, Ю. Г. Алексеева, Д. И. Раскина, И. Я. Фроянова, А. Л. Шапиро (сб. «Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л., 1972), статье Л. В. Черепнина «Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.» (в кн.: А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма. М., 1972). Для целей настоящего исследования важно, во-первых, подчеркнуть растущую от века к веку административную, судебную и фискальную зависимость черной волости от государства, а во-вторых, отметить более длительное сохранение свободы северными общинами.

реселенцы неизбежно должны были их видоизменять и совершенствовать в соответствии с почвенными, климатическими и иными естественно-географическими условиями севера. Исследователи единодушно отмечают господство «займовщины» как формы заведения земледельческого хозяйства. Не вызывает сомнений и однодворный тип поселений, продержавшийся в черных волостях Севера почти до XV в.

Отсутствие «государственного устройства» благоприятствовало тому, что община некоторое время была верховным собственником всех включенных в оборот пахотных угодий, лесов, рек и доступной для промыслов акватории Северного Ледовитого океана. В рамках общинной собственности складывался крестьянский аллод. Однако суровые природно-климатические условия диктовали складничество как форму объединения трудовых ресурсов; складничество же порождало долевую форму землепользования. Складнически-долевой характер земледельческо-промысловой деятельности являлся специфической формой выражения дуалического характера общины (общее владение — единоличное пользование)⁷.

Характеризуя условия формирования северной общины, весьма важно отметить мирный характер славянской колонизации севера, проявлявшейся в тесных хозяйственных и культурных контактах аборигенов и переселенцев, по соседству расположенных поселениях и могильниках, создании смешанных миров. При наличии более высокого уровня общественно-го развития и производственного опыта у славян, последние ассимилировали одни племена (весь) или вклинивались в более плотные очаги расселения других (карелы, коми и др.). Аборигенные соседско-родовые общины инкорпорировались в состав славянских свободных соседских общин⁸.

С усилением государственной власти и распространением даннических отношений аборигенные соседско-родовые кол-

---

⁷ Таким образом, с первых лет славянского заселения Европейского Севера возникает не задружная форма коллективной собственности много-семейных коммун, как представляла А. Я. Ефименко (См.: А. Я. Ефименко. Исследование народной жизни. М., 1884), а свободная соседская община с реликтами родовых и патронимических связей. Патронимические гнезда поселений положили начало волостной общинной организации с присущим ей наличием альменды и аллода.

⁸ Подробнее по этому вопросу см.: А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951; Л. В. Данилова. Феодальное землевладение и хозяйство в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955; Б. А. Романов. Изыскания о русском сельском поселении. — «Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. М.—Л., 1960, стр. 342. «Археологические открытия». Сборники Института археологии АН СССР за 1966—1974 гг., и др.

лективы Севера и свободные общины славянских переселенцев трансформировались в государственно-зависимые чернокунские общины. Этот процесс явился также и начальным шагом уравнения славянского и местного населения, объединения того и другого в категории чернокунских крестьян, зависимость которых выражалась сначала в уплате дани, а затем в наложении государственного тягла. Подобное превращение происходит не одновременно; в отдаленных новых местах заселения некоторое время могла сохраняться и свободная от государственных повинностей и управления община.

Чернокунская община пережила в своем развитии два этапа: первый — от включения свободных крестьян в даннические и другие формы зависимости до вхождения Поморья в состав единого государства; второй — с конца XV в. и до земских реформ XVI столетия.

Уже при новгородском владычестве на Севере проводились описания с целью определения податей и повинностей населения (в денежном исчислении). В Устюжской земле, раньше других северных областей вошедшей в состав Московского княжества, к XIV в. складывается система «государственного устройства» (упорядочение сбора дани, переход к сбору налогов, превращение опорных пунктов «ушкуйного» типа в центры государственного управления и иные попытки превращения соседской общины в общину-волость с функциями административного характера и т. д.)⁹.

Само собой разумеется, что на эволюцию общины, кроме усиливающихся государственных начал, оказывала влияние вся совокупность социально-экономических факторов. Земельный механизм общины, ее социальные функции развивались и трансформировались в соответствии с ростом экономики, усложнением общественной жизни.

Вторая волна крестьянской колонизации Севера совпала с монголо-татарским нашествием и разорением русских княжеств. Увеличение плотности населения, заселение и освоение новых территорий привели к изменению строя земледельческого производства, к повышению его уровня. К концу XV в. в районах ранней колонизации не менее половины естественнопригодных под сельское хозяйство участков было введено в земледельческий оборот, распространялось трехполье. Расширялась промысловая деятельность, развивалось солеваре-

---

⁹ Так, сведения об уплате двинскими крестьянами различных податей со своих земель Великому Новгороду дошли до нас уже от XII в. См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова (далее ГВНП), М.—Л., 1949, № 89.

ние и крестьянская железодельная промышленность, судостроение, металлообработка¹⁰. Экономическое значение Северной Руси непрерывно возрастало. Освоение территории сопровождалось ростом сельских поселений, особенно интенсивным в XIII — первой половине XV в. Так, например, 86,9% населенных пунктов, учтенных в Олонецкой губ. (на территории бывших Заонежских погостов) в конце XVIII в., были построены до 1496 г. В Важском и Двинском уездах 88% поселений, зарегистрированных в начале XVI в., также были построены до середины XV в. Таковы же показания источников и о времени возникновения селений в Тотемском, Устюжском, Сольвычегодском уездах. В большинстве районов преобладали одно-двухдворные деревни¹¹. По нашим подсчетам, даже к середине XVI в. среднее количество дворов на деревню в Поморье составляло около 2,5—3.

На этом этапе развития чернокунской общины ее права как верховного собственника земель приобретали другие оттенки: постепенно складывалась та форма собственности, которая получила название разделенной феодальной собственности¹². К XIV в. на Европейском Севере сложилось своеобразное «равновесие сил» между правосознанием, отраженным в обычном общинном праве, и тем, которое внедрялось наступающим на крестьянские общины государством. Это равновесие выражалось в том, что юридически верховная собственность на земле черносошных общин принадлежала государству, в реальной повседневной жизни землю владели и распоряжались волость и крестьяне-аллодисты¹³. Ни одна из сторон не имела доста-

¹⁰ Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в. М.—Л., 1965; К. Н. Сербина. Крестьянская железодельная промышленность Северо-Запада России XVI — первой половины XIX в. Л., 1971; Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI вв. Л., 1971.

¹¹ П. А. Колесников. Некоторые вопросы аграрных отношений на Европейском Севере в период позднего феодализма. В кн.: «Аграрная история Европейского Севера СССР». Вологда, 1970, стр. 64—93.

¹² А. Л. Шапиро определил хронологические рамки сложения этого вида собственности XIV—XVI веками. (См.: А. Л. Шапиро. О природе феодальной собственности на землю.— «Вопросы истории», 1969, № 12, стр. 70—71). В совместной статье Д. И. Раскина, И. Я. Фроянова и А. Л. Шапиро «О формах черносошного крестьянского землевладения XIV—XVII вв. («Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России» стр. 10), переход от безраздельной общинной собственности к собственности раздельной датируется XIV—XV веками.

¹³ Д. И. Раскин, И. Я. Фроянов, А. Л. Шапиро. Указ. соч., стр. 16; Н. Н. Покровский. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начале XVI в., Новосибирск, 1973.

точно сил, чтобы нарушить его в свою пользу, и государственное устройство сосуществовало с дуализмом общины, в которой складнически-долевая форма землевладения и землепользования сначала с их идеальными, а затем и реальными долями сочеталась с расширяющейся практикой распоряжения землей на правах частной собственности. Реальной базой волостного землевладения все в большей и большей степени становится не общинная, а частная собственность крестьян на занимаемые ими земли¹⁴. Исключительное даже в условиях Севера относительное малоземелье в Подвинье продиктовало (вероятно, еще до XVI в.) практику вервления, но не с целью уравнительных переделов, а для приведения в соответствие реального владения дворохозяина с его долей (вытью) в общинном землевладении и приобретенными по купчим¹⁵. В других зонах Поморья земельных участков, удобных для сельского хозяйства, было больше; благоприятнее были и климатические условия. Этим обстоятельством, по-видимому, и можно объяснить отсутствие там практики вервления и переделов в той форме, в какой это осуществлялось в Подвинье.

Иным путем создавались крестьянские общины в северных вотчинах новгородских бояр. Опираясь на государственную власть и дружины ушкуйников, бояре захватывали земли вокруг погостов, являвшимися опорными пунктами их владычества. Большую роль в создании их вотчин играла мена и покупка земельных участков, а нередко и обширных территорий у местных родо-племенных старшин (а может быть, и у старшин славянских общин)¹⁶. На эти земли бояре переселяли из своих новгородских вотчин крестьян и зависимых людей. Во вновь создаваемых вотчинах использовались, конечно, и экономические методы закабаления и закрепощения и местного населения. Сходным путем складывались общины в монастырских вотчинах.

Вхождение Северной Руси в состав Русского централизо-

---

¹⁴ Н. Е. Носов. О двух тенденциях развития феодального землевладения в северо-восточной Руси в XV—XVI вв.— В сб.: «Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России»; Л., 1975, стр. 65.

¹⁵ Суть вервления и переделов в Подвинье всесторонне изучена А. И. Копаневым (См. его статью «Крестьянская община в Подвинье в XVI в.», в сб. «Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни», Вологда, 1973, стр. 319—351).

¹⁶ Подтверждением этому может служить акт начала XIV в. о купле новгородским боярином Василием Матвеевичем обширных земель Шенкурского погоста (ГВНЦ, № 279, стр. 279—280).

ванного государства положило начало новому этапу чернокунской общины, продолжавшемуся вплоть до земских реформ XVI в. Это был сравнительно короткий, но весьма важный, переломный этап в истории северного крестьянства. В начале этого этапа чернокунские общины сосуществовали с общинами оброчными, существовавшими на конфискованных землях новгородских боярских вотчин. Однако скоро произошло слияние обоих видов северной общины в единый тип — тяглую черносошную общину. Крестьяне конфискованных боярских вотчин первоначально получили статус оброчных, обязанных нести не только подати и повинности, взимаемые с чернокунских крестьян, но и дополнительно со своих оброчных сох платить особые оброчные платежи. Как выяснено А. И. Копаневым, по сохранившимся куростроевским разрубам, оброчные и черные деревни входили в одну волость-общину. От переписи к переписи можно проследить сближение чернокунских и оброчных крестьян. Если в разрубных списках Куростроевской волости 1547—1548 гг. (основой которых являлись писцовые книги Т. М. Афанасьева, составленные в конце XV — начале XVI в.) особо выделяются чернокунские и оброчные сохи, то уже в описаниях Двинской области в 1552 г. И. П. Заболоцкого они отдельно не оговариваются, все сошки были обложены одинаково, хотя еще и в XVII в. особо переписывались черные и оброчные станы. Фактически эти станы составляли один административный округ, но по характеру землевладения в нем выделялись две группы крестьян размерами податей и повинностей¹⁷.

С включением Европейского Севера в состав Московского государства сельскохозяйственное производство этого региона стало развиваться еще более высокими темпами. По данным сохранившихся сотниц и писцовых книг, в Заонежье, Подвинье, Важской земле к середине XVI ст. было освоено под пашню более 90% всех пахотных угодий, попавших в кадастр в первой четверти XVII в.; в Тотемско-Устюжской земле — не менее 80%. Только в северных и восточных уездах удельный вес пахотных угодий, разработанных до середины XVI в., был ниже. В Подвинье почти полностью завершился ввод в сельскохозяйственный оборот естественнопригодных земель. Пахотные и сенокосные угодья приобретали все более выра-

---

¹⁷ А. И. Копанев. Куростроевские столбцы XVI в. — «Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный Археографический сборник», вып. I, Вологда, 1970, стр. 398—431.

женный товарный характер, что приводило к обострению борьбы за землю и промысловые угодья¹⁸.

Наряду с указанными общими чертами обозначаются и некоторые особенности процессов, протекавших в различных зонах Севера. В советской историографии хорошо раскрыта специфика социально-экономических явлений в Подвинье. В связи с большим влиянием на заселение края новгородской боярской колонизации с присущей ей промысловой направленностью здесь имело место раннее развитие товарно-денежных отношений, выделение из самой общины мелких феодалов с их вотчинами (так называемые двинские бояре, своеземцы).

Государственное устройство Северной Руси опиралось на наместников, волостелей-кормленщиков, городских приказчиков. Проводимые переписи оформляли волостные и уездные административные округа, включали в писцовые книги освоенные пахотные, сенокосные и промысловые угодья, закрепляли их за общиной и ее членами. Началось ограничение практики свободно-явочного захвата земель. Борьба за введенные в хозяйственный оборот угодья приводила к увеличению числа судебных дел, а вместе с этим и апелляций к представителям государственной власти¹⁹. Существовавшее ранее «равновесие сил» в отношении земельной собственности начинает нарушаться, все более склоняясь в пользу государственных правовых норм. Вместе с этим еще заметнее изменяется соотношение между общинным землевладением и укрепляющейся частной собственностью крестьян внутри самих общин. В руках общинной верхушки концентрируются пахотные земли и промысловые угодья, определяется (особенно в Подвинье) группа крестьян и посадских людей, которая выделила из своей среды Строгановых, Амосовых, Босых, Грудцыных, Кологривовых и многих других торгово-промышленных людей, в будущем превратившихся в предпринимателей и организаторов мануфактур. Именно эта группа была заинтересована в получении прав земского самоуправления для обеспечения своих интересов.

Таким образом, период со времени вхождения Северной Руси в состав единого Российского государства отмечен усложнением как внутренней структуры общины, так и ее отноше-

¹⁸ П. А. Колесников. Некоторые вопросы аграрных отношений на Европейском Севере в период позднего феодализма. — В кн.: «Аграрная история Европейского Севера СССР», стр. 64—93. См. сотницы XVI в., опубликованные в «Северном археографическом сборнике», Вып. 2. Вологда, 1972.

¹⁹ А. И. Копанев. История крестьян Русского Севера в XVI в. Автореферат докторской диссертации. Л., 1974; Н. Н. Покровский. Указ. соч.

ний с государством. Внутри общины-волости выделялись более мелкие деревенские миры. Но эти последние отнюдь не были, как считала А. Я. Ефименко, обособленными, самодавяющими единицами с долевым землевладением. Они являлись частью общины-волости, выступавшей в качестве поземельной, фискальной и административной организации. Менялись формы землепользования и землевладения, но община-волость как специфическая форма соседской общины существовала на Севере с первых шагов заселения этого края²⁰.

В результате реформ местного управления в XVI в. северная община вступила в новый, полный противоборствующих начал и в известном смысле драматический период жизни, продолжавшийся до утверждения в конце XVIII в. уравнительных земельных переделов. В литературе она известна как *тяглая черносошная община*. В трудах Ю. Г. Алексеява, Л. В. Даниловой, А. И. Копанева, Н. Е. Носова, Н. Н. Покровского, А. Л. Шапиро и других исследователей северная черносошная община подвергалась основательному изучению, что дает возможность полнее представить ее эволюцию. Походы Ермака и присоединение Западной Сибири, установление регулярных торговых отношений с Англией и другими государствами содействовали превращению Поморья в одну из наиболее оживленных и развитых в социально-экономическом отношении окраин. Усиление крепостничества и рост населения в центральных районах сопутствовали отливу крестьянства в малонаселенные части Русского государства, в том числе в Поморье. Хотя в период сельскохозяйственного кризиса и на Европейском Севере снизились темпы ввода новых земельных площадей под пашню, однако запустение имело здесь не столь катастрофические размеры, как в Замосковном крае. В экономической жизни Севера, особенно Подвинья, проявлялись тенденции, которые оцениваются некоторыми специалистами как «постепенное зарождение в недрах феодального хозяйства, особенно среди черносошного крестьянства, новых социальных отношений, отношений в известной мере уже предбуржуазных»²¹. Многие исследователи считают, что главной

²⁰ Писцовые книги Мезенского, Кеврольского, Яренского уездов, Устьянских волостей как районов сравнительно более позднего заселения даже в XVII в. продолжают выделять за каждой волостью и деревней и общие угодья общины, и владения каждого двора.

²¹ Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, стр. 241. А. И. Копанев даже считает, что в экономике Подвинья в XVI в. возникли, пусть в зачаточной форме «элементы капиталистического уклада». (См.: автореферат его докторской диссертации «История крестьян Русского Севера в XVI в.» Л., 1974, стр. 24).

ареной промышленного предпринимательства крупных торговых капиталов во второй половине XVI—XVII вв. был не центр государства, а окраинные районы, особенно северо-восток России²².

Земская реформа, как убедительно показано в исследованиях Н. Е. Носова, не только гарантировала почти полную свободу действий зажиточным общинникам, промышленникам и купцам, захватившим общинное самоуправление в свои руки, но фактически закладывала основы для образования сословия государственных крестьян. Становление сословно-представительной монархии сопровождалось созданием сословно-представительных учреждений, планомерным использованием в интересах феодального государства общинных институтов (раскладка и сбор налогов; система круговой поруки общины за своих волощан и т. д.). Права каждого владельца определялись лежащим на них тяглом. Но борьба за право распоряжаться своей собственностью и в целом за гражданские права чернососных крестьян приобретает все более острый характер.

В документах этого периода, обращенных в адрес крестьян, все чаще встречаются термины «черные волости», «черные земли», «черные люди»²³. Феодальное государство и крестьяне вкладывали не однозначный смысл в эти понятия, хотя обе стороны и употребляли одинаковую терминологию. Крестьяне стремились не только числиться «черными» («ничейными»), но и действительно пользоваться правами свободных, в то время как государство проводило свою линию и рассматривало «черное» крестьянство как феодально-зависимых людей²⁴. Судебник 1589 г. отразил практику землевладения и землепользования, а также стремление северных законодателей юридически

---

²² Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы Всесоюзной дискуссии. М., 1969, стр. 29.

²³ Так, в грамоте Ивана IV, направленной в 1578 г. в Двинский уезд и в жалованной грамоте 1587 г. Валаамскому монастырю антагонистами монастырей указываются «черные люди» волостей; в грамоте 1583 г. о строении г. Архангельска — «черные земли»; в грамоте Василия Шуйского в 1610 г. в Великий Устюг — «черные волости и люди» («Архив П. М. Строева», т. I, Пг., 1915, № 277, 279, 306, т. 2, Пг., 1917, № 98 и др). Почти во всех писцовых книгах первой половины XVII в. также преобладает эта терминология.

²⁴ Примечательно, что в документах второй половины XVII в. термин «черные» почти совсем исчезает из словаря приказной администрации. Последняя переписывает и определяет общие размеры платежей и повинностей «волостных», «государевых», «черносошных», а чаще всего — «тяглых» людей сельских общин. В начале XVIII в. проводится ландратская перепись «черносошных», «государевых» тяглых или оброчных крестьян. А. И. Копанев. История крестьян Русского Севера в XVI в. Л., 1974.

закрепить обычное право в новых условиях. В то же время черносошные крестьяне Важского уезда, а позже и Чаронды становятся дворцовыми крестьянами с некоторыми особенностями общинной организации.

Черные земли в Подвинье продолжали оставаться крестьянской собственностью с правом свободного распоряжения ими. Крестьянское землевладение, будучи господствующей формой, оказывало влияние на развитие других форм землевладения: свдеземских, церковных, в известной степени — монастырских (долевой характер монастырских владений в волостях и т. д.)²⁵. Вместе с этим продолжалось дальнейшее сосредоточение земледельческой и торгово-промышленной деятельности в руках сравнительно небольшой группы местных богатеев. Более ярко проявлялось внутреннее разложение общины в результате роста частных прав на землю и имущественной дифференциации. Хотя в юридическом отношении черносошное крестьянство представляло собой однородную массу, но его экономическое состояние было различным. Неурожаи и голод в конце XVI — начале XVII в., борьба с польско-шведской интервенцией, непрерывные чрезвычайные сборы в первые годы новой династии усиливали рост экономической дифференциации в общине.

Как выяснено А. И. Копаневым, господство малой отцовской семьи в Подвинье (а также господство имело место и в других районах Поморья) определяло основной строй имущественных и поземельных отношений в деревне. Общинник-дворохозяин считал обрабатываемую землю своей собственной. Поземельная структура, строившаяся на принципе чересполосности, давала возможность членам деревенского мира более равномерно владеть различными в качественном отношении и по удобству эксплуатации земельными угодьями. Ранее существовавшие формы землевладения и землепользования трансформируются в форму индивидуального подворного владения крестьян-соседей в деревне. Наметившееся уже в первой половине XVI в. снижение удельного веса общинного землевладения за счет возрастания индивидуальной собственности на землю получает дальнейшее развитие. Появляется практика отчуждения раздельно двора и долей в землях дворохозяина. В связи со всеми этими явлениями начала снижаться земельная обеспеченность двора в расчете на семью и на душу населения.

По типу русских тяглых общин создаются тяглые черносошные общины и у других народов Севера. Во всяком случае источники, относящиеся к XVII в., подтверждают это. Напри-

мер, при описании удмуртского населения Каринской волости было учтено 6 «долей» или тяглых общин удмуртов, бесермян и татар. В 1722 г. в этой волости учтено уже 8 долей-общин»²⁶.

Валовое описание Поморья в 20—30-х годах и перепись 1646—1648 гг. оставили материалы, свидетельствующие о нарастании и углублении новых явлений в жизни северной черносошной общины. Они показывают дальнейшее разложение общины, усиление борьбы внутри черных крестьянских миров. Однако возникшие в XVI в. потенциальные возможности перерастания предбуржуазных отношений в буржуазные не осуществились. На протяжении почти полутора столетий, от тридцатых годов XVII в. до конца XVIII ст., идет медленный и мучительный процесс становления в северной общине уравнительных земельных переделов.

Обратимся к анализу социально-экономических факторов, обусловивших появление новых черт общинной организации. Перемещение главного центра торговли с Западной Европой из Архангельска к берегам Финского залива безусловно отразилось на положении Архангельска, но далеко не сразу привело к потере этим городом прежнего значения. Судя по показаниям таможенных книг и других источников, не только в XVII в., но и в первой половине XVIII в. грузооборот в Поморье не уменьшился. Основной путь в Сибирь до 1760-х годов оставался прежним — от Вологды через Устюг, Сольвычегодск и далее через приуральские уезды за Урал²⁷. В Поморье росли города, развивались ремесла и промыслы, возникали мануфактуры. Местные ярмарки и торговые центры (особенно Важская Благовещенская ярмарка) становятся важным фактором образования всероссийского рынка. Создавались рынки рабочей силы, на которых ежегодно в Поморье производился наем на временные и частично на постоянные работы от 30 до 60 тыс. человек. Таким образом, на протяжении всего XVII в. Поморье продолжало занимать важное место в экономической жизни страны. Вместе с тем в это время дают знать и факторы, неблагоприятно сказывавшиеся на развитие края.

В первой четверти XVII в. в Поморье (за исключением вятских и приуральских уездов) практически завершилось освоение естественно удобных земельных площадей для сельского

---

²⁶ В. Л. Бушueva. Социально-экономические отношения Чепецкой удмуртской деревни на рубеже XVII—XVIII вв. Канд. дисс., 1950, стр. 42.

²⁷ П. А. Колесников. Северная Русь. (XVIII столетие). Вологда, 1973, стр. 3—5.

хозяйства. К этому времени было освоено (вместе с «лесами пашенными» в ходе межевания в XVIII в. обычно включаемыми в «пашню») около 800 тыс. десятин под пахотные угодья и не менее 400 тыс. десятин — под сенокосы. Хотя в XVII—XVIII вв. сельское хозяйство продолжало развиваться экстенсивным путем, темпы ввода в земледельческий оборот новых площадей замедлились. Их увеличение по актам Генерального межевания отразило не только и не столько развитие производительных сил в сельском хозяйстве, сколько явилось следствием иных принципов классификации угодий. Благоприятные для заселения условия географической среды в основном уже были исчерпаны. Общее увеличение количества селений в 30—80-х гг. XVII в. составило лишь 10%; в последующие 50—60 лет заметно дальнейшее снижение темпов строительства новых деревень. И без того интенсивная миграция северного крестьянства во второй половине XVII в. усилилась в начале XVIII в.²⁸

Огромная мобилизация населения северных уездов в связи с осуществлением программы экономических преобразований в конце XVII — начале XVIII в. вызвала обострение социальных антагонизмов, стала одной из причин снижения трудового потенциала, некоторого упадка сельскохозяйственного производства. Так, по нашим изысканиям, лишь из одной Архангелогородской губернии в 1705—1717 гг. от сельского хозяйства и промыслов ежегодно подвергалось сезонной мобилизации по 20—30 тыс. человек трудоспособного мужского населения. Только по 16 северным уездам из числа ушедших в эти годы по правительственной мобилизации на работы более 10 тыс. человек не возвратились домой. Из них около 3 тыс. человек умерли на работах, остальные бежали в Сибирь, остались на «вечное житие» в новых местах. Частые наборы рекрутов в армию еще больше снижали трудовой потенциал. Усиливалась имущественная дифференциация крестьянства. Количественно возрастала в деревне та группа населения, которая по официальной статистике первой половины XVIII в. называлась нищими. Например, в Тотемском уезде в 1721 г. эта группа сельского населения составляла 17,5%, а с безземельными бобылями — 22,5%. С конца XVII в. заметно снижение уровня земле-

---

²⁸ Вопросы миграции см.: Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в., М., 1957; А. А. Преображенский. Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII вв., М., 1972; П. А. Колесников. Крестьянство и сельское хозяйство Европейского Севера России в XVI—XVIII вв. Автореферат докторской диссертации. Л., 1972; и др.

дельческого производства. Если в XVI в. чистый сбор зерновых на душу населения составлял в среднем 2—3 четверти, а в отдельных уездах в начале XVII в. — до 4 четвертей, то в конце следующего столетия в Вологодской губернии он понижается до 1,5 четвертей, в Архангельской — до 1 четверти, в Вятской — до 2-х четвертей.

Воздействие феодального государства на все стороны деятельности общины непрерывно возрастало. Воспоминанием об альянсе феодального правительства с богатеями волостей и посадов служили остатки земского самоуправления. Как показал М. М. Богословский, социальное расслоение поморской деревни в XVII в. привело к серьезному подрыву мирской организации, ослабило влияние общины на хозяйственную жизнь крестьянина. Земское самоуправление с его сложной структурой миров, оказавшееся орудием зажиточной части волощан, с одной стороны, и государства, — с другой, ускоряло разложение крестьянских общин. Деревенские, гнездовые, волостные, уездные миры раздирались внутренними противоречиями; общинное самоуправление все в большей мере подчинялось политическим и фискальным интересам государства, представленного властью воевод. Указами 1649, 1651, 1663, 1690 гг. запрещалось продавать, закладывать и отдавать в монастыри земельные участки. На практике крестьяне продолжали по-прежнему распоряжаться своими землями, однако тенденция к изменению ранее существовавших порядков получает отчетливое развитие. Усиление имущественного неравенства и социальной дифференциации сопровождалось обострением классовой борьбы, проявлением новых ее форм, что нашло отражение в серии городских и крестьянских восстаний, в участии крестьян и ремесленников северных волостей в крестьянских войнах²⁹.

Складнически-долевая деревня и форма землевладения в ее первоначальной классической форме перестала существовать, сохранившись эпизодически в новых местах заселения, да и то лишь на первом этапе возникновения деревни. Преобладало складничество труда и капиталов для возрождения запустевших угодий и промыслов, для расширения существующих и организации новых предприятий. Но и такого рода складнические союзы вскоре распадались, владение приобретало част-

---

²⁹ П. А. Колесников. Этапы и формы классовой борьбы северного крестьянства в XVI—XVIII вв. — «Из истории борьбы трудящихся Европейского Севера против самодержавия и капитализма за победу социалистической революции». Вологда, 1972, стр. 94—149.

ный характер (особенно в солеварении и в морских промыслах). Наметившееся ранее снижение удельного веса общинного землевладения за счет возрастания индивидуальной собственности на землю со второй половины XVII в. получило дальнейшее развитие. Хотя в общинном владении и оставались некоторые угодья, но распоряжение ими все больше диктовалось фискальной политикой государства, обязанностью круговой поруки в уплате налогов и несении повинностей.

М. М. Богословский, досконально изучивший жизнь северных миров в XVII в., выделил общинное, общее и индивидуальное землевладение, исследовал сложную структуру мирских организаций (складнические миры; деревня как простейшая организация мира; группа деревень, составляющая приход, улусец, волостку, волость, объединяющая несколько простейших миров, всеуездные миры)³⁰. Однако вряд ли можно согласиться с его утверждением, будто мир есть «самоуправляющийся публично-правовой общественный союз, связанный интересами общего блага»³¹. Представителями разных групп крестьянства «общее благо» понималось неодинаково. Малоземелье и разорение толкало бедноту на требование пересмотра и проверки земледельческих прав, передела земель по тяглу. Бедноте была близка мысль о черной земле, как земле общей, государственной, что совпадало со взглядом на землю и самого феодального государства.

В XVIII в. оформился механизм уравнительных земельных переделов. Его возникновение было подготовлено всем предшествующим развитием Русского государства. Эволюция черносотной общины была ускорена актами абсолютистской феодальной монархии, направленными на образование сословия государственных крестьян, в число которых были включены черносотные, а после секуляризации и экономические крестьяне Европейского Севера³². На землях, занятых государственными крестьянами, завершалось оформление системы феодальных отношений, названных В. И. Лениным государственным феодализмом. Такая система, наряду с различными преобразованиями, предусматривала и укрепле-

³⁰ М. М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере, т. 1, М., 1909, стр. 197—199.

³¹ Там же, стр. 192.

³² Указы Петра I 1719 г. о ревизском учете и 1722 г. — о добавочном денежном сборе «вместо помещичья доходу», плакат 26 июня 1724 г. о сборе подушных денег в основном завершили этот процесс.

ние общинных начал³³. Трансформация тяглой черносошной общины в передельную с уравнительными земельными переделами протекала почти целое столетие и завершилась лишь к концу XVIII в.

Как убедительно показал Н. М. Дружинин, законодатели абсолютистской монархии, укрепляя общинные начала, не были оригинальны. Они упрочивали и расширяли унаследованные от предшествующих столетий отношения, приспособлявая их к интересам феодально-крепостнической системы Российской империи. Даже сама идея уравнительных переделов была подсказана обедневшими, не имевшими иного выхода из бедственного состояния общинниками. Эта идея возникла и крепла у малоимущих слоев северного черносошного крестьянства в ходе острой борьбы за землю. В обмен за становившееся все более иллюзорным право свободно распоряжаться своими земельными участками, беднота искала реального права быть держателями казенных земель. К этому бедноту толкало и то обстоятельство, что в XVII в. зажиточная часть захватила в свои руки оброчные угодья, составлявшие в различных уездах от 7 до 20% пашни и от 20 до 40% сенокосов. К тому же зажиточная часть стремилась избавиться от экономически малоустойчивых элементов, косвенно и прямо содействуя их миграции, «выталкивая» их из общины, чтобы прибрать к рукам по закладным, купчим, на условиях льготно-оброчного владения оставшиеся угодья³⁴. Если беднота видела в поземельной общине с уравнительными переделами спасение от полного разорения, то правительство стремилось использовать общинные институты в своих политических и фискальных интересах. Для претворения в жизнь этих целей правительство (хотя и не единовременным актом, с оглядкой на противоборствующие социальные группы государственных крестьян Российской империи, в том числе и бывших черносошных Поморья) рядом указов осуществляет политику на превращение их в простых держателей земельных участков. В межевых инструкциях 1754 и

³³ Следует отметить, что некоторыми историками охарактеризованный выше процесс трансформации русской черносошной общины, процесс сращения в ней передельного земельного механизма неправоммерно оценивается как некое возрождение общины в России, существовавшей в раннее средневековье, но затем исчезнувшей. Так, например, Л. Б. Алаев пишет следующее: «Не приемля... построений «государственной школы», мы должны отдать себе отчет в том, что факты так называемого «возрождения» общины пока историографически не опровергнуты». (Тезисы докладов и сообщений XIV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы», вып. 2, М., 1972, стр. 171.

³⁴ А. А. Преображенский. Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII в. М., 1972, стр. 57—81.

1766 г. (опиравшихся на указы 1751 и 1753 г.) государственным крестьянам безоговорочно запрещалось «недвижимых имений никому, как посторонним, так и между собой, не продавать и не закладывать, и в иск также и по векселям и за долги не отдавать». Первоначально отдельными распоряжениями, а затем общегосударственным законом 1797 г. и указами 1798 и 1800 гг. была окончательно санкционирована практика уравнительных переделов. Так завершилось формирование тяглой общины с уравнительными земельными переделами.

Общинная организация бывших монастырских крестьян в Поморье после секуляризации строилась по образцу черносошных, хотя «попечительство» над ними Коллегии экономии было весьма ощутимым. Северные дворцовые крестьяне сидели на оброке. Все исстари принадлежавшие их деревням и волостям земли оставались и в XVIII в. в собственном распоряжении общин и отдельных крестьян. Управляющий при Екатерине II И. П. Елагин сообщал, что сами крестьяне «и делят их (т. е. земли — авт.) между собой по тяглам»; разделы и переделы проводятся по решению мира³⁵.

Тяглая соседская община с уравнительными поземельными переделами, окончательно конституированная в конце XVIII в., прошла в своем развитии два этапа, первый из которых продолжался до реформы П. Д. Киселева 1837—1841 гг., а второй (этап тяглой «попечительствуемой» общины) — затянулся до 80-х годов XIX в. Система государственного феодализма, дополненная «попечительской» системой во время реформы государственной деревни, не только не преодолевала, а, наоборот, усугубила кризисные явления строя сельскохозяйственного производства, обострила противоречия в северной крестьянской общине. Генеральное межевание усилило рост относительного малоземелья, содействуя дальнейшему развитию имущественного неравенства и социального расслоения. В ходе межевания более 10% введенных до этого в хозяйственный оборот земель были отрезаны (по «дальности расстояния от селений») от крестьянских дач в фонд казенных палат. Такие угодья отдавались в эксплуатацию на условиях оброчного владения. Из всех обмежеванных угодий за крестьянскими общинами в различных уездах оставалось от 66 до 92% пашни и от 24 до 71% сенокосов. Все остальные земли попали в руки дворян, купцов, церкви, духовенства, зажиточных крестьян. Техника межевания была такова, что в крестьян-

³⁵ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. II, Дополнения, стр. 620—621.

янские дачи в целях «округления» включались площади не только обрабатываемых угодий, но и все пригодные после трудоемких работ и даже совсем малопригодные земельные угодья, а с огромным трудом расчищенные подсеки и поля в лесах были отняты у крестьян. В итоге средний надел на крестьянский двор оказался ниже, чем зафиксированный официальной статистикой. Еще разительнее картина распределения реальных посевов на душу населения. По подсчетам Н. Л. Рубинштейна, в Вологодской, Архангельской и Олонецкой губерниях при средней по межевым книгам обеспеченности пашней в 2,4 дес. в действительности под посевами было всего 0,8 дес., т. е. только 33% официально зарегистрированной пашни, в Вятской и Пермской губерниях — от 26 до 35%³⁶. Малоземелье продолжало расти, особенно в сопоставлении с преувеличенными средними показателями, выведенными В. И. Семевским. За 50—60 лет (от межевания до учета 1828 г.) земельная обеспеченность всеми «удобными землями» namного сократилась.

Кризисные явления в сельскохозяйственном производстве отражали кризис и разложение феодально-крепостнической системы. Именно это определило позицию правительства в вопросе о формах землепользования в государственной деревне, выразившуюся в отказе от предложений осуществить переход от общинного землепользования к семейно-наследственному. Напуганное европейскими событиями 30-х годов XIX в., правительство выискивало способ «остерегаться пролетариата» и ломки векового обычая. Поэтому было решено сохранить поземельную общину там, где она существовала, усилив общинные начала. Медленное и постепенное внедрение практики земельных переделов повышало роль общины в регулировании поземельных отношений.

Правда, в процессе упрочения общинных начал сразу же стали обнаруживаться непреодолимые трудности и противоречия. Развитие буржуазных отношений в стране, в том числе и в северной государственной деревне, необратимо приводило к усилению имущественного и социального неравенства, к усилению борьбы за землю. Расширение практики переделов усиливало мелкополосье и чересполосицу, вело к снижению уровня земледельческого производства. Отсюда колебания правительственного законодательства по отношению к бедноте и зажиточной части общины. Включению зажиточной верхушки в торгово-производственную деятельность способствовали за-

³⁶ Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957, стр. 209—210.

коны 1766—1788 г., разрешавшие казенным крестьянам покупать у помещиков «по смежности малые деревни». В 1801 г. эта категория крестьян получила право покупать земли, не населенные крестьянами; позже было разрешено продавать, закладывать и переуступать купленные участки, а в 1823 г. право покупки земель было присвоено крестьянским обществам как юридическим лицам³⁷. Законом 1830 г. разрешалось отводить членам общины небольшие участки общественной земли под устройство промышленных заведений. Предоставленными правами воспользовались, конечно, зажиточные крестьяне, беднота же нередко сдавала в аренду и свой «урavnительный» надел³⁸.

Хотя правительство и санкционировало урavnительные переделы, однако на местах переход к таким переделам натолкнулся на упорное сопротивление зажиточной части деревни и ряд других трудностей, в том числе на запутанность крестьянского землевладения. Вековые традиции создавали конфликтные ситуации, тормозили переход к поземельной урavnительно-передельной общине. Борьба внутри крестьянских миров по этим вопросам отражена в сотнях дошедших до нас челобитий, спорных дел, ходатайств маломощных крестьян об урavnении земель, о проведении переделов³⁹. В Архангельской губернии до 1830 г. не существовало урavnительных переделов, крестьяне продолжали пользоваться землей на правах, близких к частной собственности⁴⁰. В Олонецкой приписной деревне периодические переделы земли фактически не проводились до реформы П. Д. Киселева⁴¹. В некоторых волостях Устьсысольского, Яренского и Сольвычегодского уездов пашни и сенокосы также не подвергались урavnительным переделам, которыми каждый владел «как бы по наследственному праву».

Своеобразие процесса усиления общинных начал проявлялось не только во введении урavnительных переделов, но и

---

³⁷ В северных областных архивах сохранились многочисленные акты о покупке зажиточными крестьянами земель у дворян (ГАВО, ф. 388, Вологодская казенная палата, дд. 23, 53, 57 и др.). В Архангельской губернии была широко распространена аренда пахотных и сенокосных угодий (ГААО, ф. 233, оп. I, дд. 3, 9 и др.).

³⁸ Н. М. Дружинин. Указ. соч. т. I, стр. 77—81.

³⁹ В госархиве Вологодской области только по одному Тотемскому уезду нам известны несколько десятков дел (ф. 688, дд. 94, 95, 153 и др., ф. 823, д. 439) и др.

⁴⁰ А. К. Ракитин. Государственные крестьяне Архангельской губ. после реформы П. Д. Киселева. Автореферат канд. диссерт. М., 1953, стр. 6.

⁴¹ Я. А. Балагуров. Характер землепользования в приписной деревне Олонецкого горного округа.—Ученые записки Петрозаводского университета т. XI, 1962, вып. 2.

установлении «сверху» организации управления государственными крестьянами. Местные реформы начала XVIII в. положили конец остаткам земского самоуправления. Передача в 1775 г. черносошных крестьян в ведение казенных палат, а затем Экспедиции государственного хозяйства (1797 г.) и наконец Департамента государственных имуществ Министерства финансов (1811 г.) все более подчиняло деятельность крестьянских миров полному контролю государства.

Указом Павла I 1797 г. взамен издавна существовавших сельских выборных органов были введены волостные выборные органы в лице волостного правления (волостной голова, старосты селений, писарь). Для охраны внешнего порядка каждое селение избирало десятских⁴². Реформа управления по идее законодателей должны были носить также и «попечительные» функции, заимствованные из практики вотчинных инструкций помещиков и удельного ведомства. Сколь казенным и декларированным было это попечительство видно из расхождения теории и практики обеспечения крестьян необходимой наделной нормой в размере 15 дес. на ревизскую душу. Даже в северных, считавшихся многоземельными, губерниях в большинстве уездов наделная норма оказалась в два-три раза ниже. Чиновники, проводившие накануне реформы Киселева ревизию состояния экономического положения крестьян Олонецкой губернии писали: «Земельными угодьями, разделяющимися по селениям, крестьяне владеют не уравнительно, иные имеют пашни к сенокосу только по 1,5 дес., другие по 14,5 дес. на душу., лесом для расчисток они не наделены»⁴³. Правда, например, в Устьысольском уезде были общества, имевшие по 50—79 дес. на душу, но, как увидим ниже, в этих наделах было пашни, пригодной под посев, всего по десятине, а иногда и меньше в трех полях.

Реформа П. Д. Киселева положила начало следующему этапу развития поземельной общины государственных крестьян и придала ей более казенно-попечительский характер, не оправдав надежд ни законодателей-опекунов, ни опекаемых. Кризис феодально-крепостнической системы определил и все усиливавшийся кризис сельскохозяйственного производства в казенной деревне. Как в целом в стране, так и на землях, занятых государственными крестьянами, все отчетливее про-

⁴² ПСЗ, XXIV, 18082; Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 52—56.

⁴³ ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 43, д. 26485, л. 19. Цитирую по ст. Е. П. Еленевского «Реформа управления государственной деревни 1837—1841 гг. в Карелии» — «Вопросы истории», Петрозаводск, 1967, т. XIV, вып. 6, стр. 12.

являлись и получали развитие те стороны аграрных отношений, которые составили «истинно русскую» сущность «аграрного вопроса», явившегося после реформы 1861 г. одним из коренных вопросов всей общественно-экономической жизни России⁴⁴.

В капитальном труде Н. М. Дружинина достаточно полно и всесторонне раскрыта феодально-крепостническая суть «попечительства», сельского полицейского и сельского судебного уставов, структуры и функций общинных институтов. Не вызывает сомнений, что период от реформы П. Д. Киселева до реформ 60-х годов является особым этапом жизни поземельной общины, когда внешне «более общинная» деятельность сельских мирских организаций, как никогда за всю ее предыдущую историю, была наиболее регламентирована. Не случайно, что прежде всего в северной деревне развернулась борьба против поглощения традиционного крестьянского мира системой бюрократически-полицейской опеки, против стремления дворянской реакции поставить государственных крестьян в условия частновладельческого хозяйства, т. е. борьба против много столетий складывавшейся системы государственного феодализма и окончательно утвержденной актами 1837—1841 гг. Острота борьбы накалялась и в силу того, что надежды обедневшей части деревни найти панацею от всех бед в уравнилельно-передельной поземельной общине не оправдались. Переделы усиливали чересполосицу. Средний душевой надел продолжал уменьшаться: например, в Вологодской и Архангельской губерниях к 1861 г. он уменьшился почти на 0,5 дес. при среднегубернском наделе от одной до трех десятин. К тому же наличие оброчных статей и право покупки земель усиливали экономические позиции кулацких элементов.

Исследования Н. М. Дружинина и изученные нами материалы позволяют говорить о трехчленной структуре общинной организации северных государственных крестьян⁴⁵. Сразу оговоримся, что эта структура внешне напоминала многочленное строение общины XVI—XVIII вв., но сходство было лишь формальным. Если в предыдущее время общинная структура обуславливалась исторически сложившимися формами земле-владения и землепользования, обычным традиционным правом, то преподнесенная сверху новая структура была искусственной, с чуждыми местной жизни хозяйственными, судебными и фискальными функциями, которые должны были

⁴⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 306—310.

⁴⁵ ГАВО, фонды 18, 298, 388 и др.

регламентировать всю жизнь крестьян в соответствие с господствовавшей крепостнической практикой.

Верхним ярусом общинной структуры по закону 1838 г. была волостная община. К волостям были приписаны «смежные казенные незаселенные и пустопорожние земли и оброчные статьи, исключая местных». Таким образом, общинные функции волости распоряжаться оброчными статьями сохранились, хотя главное назначение волостной администрации была охрана земельного фонда, обеспечение государственного (а не общинного, как было когда-то) имущества от незаконных захватов и эксплуатации.

Как и повсюду в северных уездах, сельские общества, бывшие основными ячейками общинной организации, учреждались в каждом крупном селении или могли объединять несколько смежных небольших селений, имевших общее владение землей. Новые волости и общества не совпадали с естественными границами стихийно сложившихся в свое время крестьянских поселений. Если указ 1797 г. ограничивался реформой ранее существовавшего волостного деления (учреждались волости, охватывавшие население численностью до 3 тыс. ревизских душ) и мало затрагивал сельские общины, то по «Учреждению о управлении государственными имуществами в губернии» (1838 г.) коренной ломке подвергались и волости, и сельские общества. Волость укрупнялась до 6 тыс. ревизских душ, а сельские общества до 1,5 тыс. душ⁴⁶.

Низшим звеном системы являлась деревенская община. Общины-селения, часть из которых сохраняли обособленное владение землей, получили право самостоятельно решать собственные вопросы, оставаясь в рамках единого сельского общества. Наличие в каждом селении выборного сельского старосты, подчиненность его сельскому старшине доводило «опеку» до каждой деревни, до каждого двора. Не мир деревенской общины был верховным органом, а сельский староста, руководивший в своей деятельности своего рода вотчинной инструкцией «Учреждения сельского управления». В практике, несмотря на регламентирующие предписания, общины по своей структуре и по роду уравниваемых ими угодий не были унифицированы не только в ходе реформы П. Д. Киселева, но и даже после реформы 60-х годов. Например, в наиболее редкозаселенных уездах Вологодской губернии (Яренский, Устьсысольский, Сольвычегодский и другие) преобладали сложные общины, состоявшие из нескольких селений, уравнивавшие все уго-

⁴⁶ ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 6, 1847, д. 5197—2, лл. 1—411.

дья или только одни пахотные или сенокосные. Только 12% крестьян входили в общины, состоявшие из отдельных селений. В более населенных уездах общин однодеревенских было больше. Оставалось немало общин, которые не переходили к уравнительным переделам⁴⁷.

Таким образом, в результате реформы П. Д. Киселева община начала разрушаться. Выборные представители волостной, сельской и деревенской общины не были носителями крестьянского самоуправления. Их задачей являлось обеспечение интересов государства. Разрушение общины осуществлялось и иным путем. Понимая, что институт общины не соответствует требованиям развитого сельского хозяйства, но боясь возможного революционизирования крестьянства в ходе ее ликвидации, П. Д. Киселев в качестве опыта начал насаждать на вновь заселяемых пространствах семейно-наследственную, необщинную форму землепользования⁴⁸. На севере предпринимались попытки организовать силами выпускников Северной учебной фермы образцовые усадьбы и подворно-участковые хозяйства, однако из этого ничего не получилось⁴⁹. Контрреформа М. Н. Муравьева, начавшаяся в 1857 г., нанесла еще один удар. Указ 1859 г. упразднил сельские управления, сосредоточив ближайшую власть над крестьянами в волостных учреждениях. Крестьяне понимали, что этим актом отнималась последняя, пусть формальная прерогатива сельского мира. Однако упразднение сельских обществ не означало ликвидацию сельской общины, деятельность мирских организаций продолжалась.

* * *

В развитии северной, как и в целом русской общины при капитализме, можно выделить два этапа. Первый и более продолжительный из них — период сохранения «универсальной» поземельной общины, отягченной феодальными пережитками. В ходе реформ 60-х годов были ликвидированы основные различия в системе организации землепользования и местного управления между бывшими помещичьими, удельными, государственными крестьянами. В России сложилась единая принципиальная модель русской поземельной общины. Закон 18 января 1866 г. распространил на все категории государственного

⁴⁷ ОПИ ГИМ, ф. 14, д. 4417. «Вологодские губернские ведомости. 1892 г.», №№ 24, 26—28, 30—31, 33—35—38, 40—43, 45, 47—52.

⁴⁸ Н. М. Дружинин. Киселевский опыт ликвидации общины. В сб.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, стр. 351—372.

⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 398, 1850., д. 4604; 1856. д. 6827.

крестьянства. Общее положение 19 февраля 1861 г., передал их в ведение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений.

Универсализм крестьянской поземельной общины предопределялся сохранением полукрепостнических пережитков, он обеспечивался также целым рядом общих законоположений, наиболее важными из которых был закон 1886 г. об ограничении семейных разделов и закон 1893 г., запрещающий выход из общины (выдел из общины допускался лишь после уплаты всех выкупных платежей).

Однако историческое прошлое различных категорий крестьян, в частности, долгое подчинение северного крестьянства системе государственного феодализма, оказывали воздействие как на законодательную деятельность правительства, так и на жизнь самой общины. Закон 24 ноября 1866 г. «О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях» (в число которых вошли и 5 северных) оставлял за государственными крестьянами существующие наделы. Точное определение размеров надела сельских обществ и общин закреплялось особым актом, аналогичным уставной грамоте помещичьих крестьян — владенной записью⁵⁰.

Опуская достаточно освещенные в советской литературе вопросы о круговой поруке, о платеже «государственной оброчной подати», об обязательном выкупе преобразованных оброчной подати и лесного налога в выкупные платежи, рассроченные уплатой на 44 года (до 1 января 1911 г.) и т. д.⁵¹, мы перейдем к непосредственной цели — к выяснению структуры и жизни самой общины. Отметим только, что переход государственных крестьян на выкуп был произведен на более выгодных условиях, чем помещичьих, что реформы 60—80-х годов при всех их полукрепостнических оттенках, открывали перед крестьянами путь более свободного хозяйственного развития. Но воспользоваться этими возможностями могли немногие. К 90-м годам размер пахотной земли на ревизскую душу в самых «многоземельных» уездах во многих общинах понизился

⁵⁰ Владенные записи как исторический источник пореформенной деревни бывших государственных крестьян заслуживает специального историко-ведческого анализа. См. ЦГИА СССР, ф. 385. Временный отдел по земельному устройству государственных крестьян, оп. 1, 7—18 и др. В областных архивах эти документы отложились в фондах губернских, уездных и местных по крестьянским делам учреждений. См. также: Лалаш. Владенные записи в Олонецкой губ. — «Отечественные записки», 1878, № 12.

⁵¹ Н. М. Дружинин. Указ. соч., т. II, стр. 566—570; С. М. Дубровский. К вопросу об общине в России в нач. XX в. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». 1960 г., Киев, 1962, стр. 520—533.

до $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ дес. в трех полях. Например, в Яренском и Устьсы-
 сольском уездах в 80% общин приходилось менее одной деся-
 тины на ревизскую душу. Было совершенно очевидно, что агр-
 арный вопрос «реформа» 61-го года не решила и не могла ре-
 шить⁵². Выход из тупика в 1902—1905 гг. пытались найти
 «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промыш-
 ленности», но крестьяне искали своих путей решения аграрно-
 го вопроса, хотя, конечно, эти пути зажиточными и бедняцко-
 середняцкими массами понимались различно.

Срок выдачи владенных записей был определен в 6 лет, но
 поземельное устройство государственных крестьян затянулось
 до начала XX в. В 1903 г. это устройство не было закончено в
 Архангельской губернии и в Сольвычегодском, Яренском и
 Устьсысольском уездах Вологодской губернии⁵³. На местах
 складывалась пестрая картина общинной организации.

Общинно-волостная структура трех уездов Вологодской губернии
 в 1880—1890 гг. *

Уезды	Воло- стей	Всего об- щин	Из них одноде- ревен- ских	Селе- ний	Душ обоего пола	Из них в одно- деревен- ских об- щинах
1. Сольвычегодский	15	149	62 <u>41%</u>	1427	64278	2405 <u>3,7%</u>
2. Яренский	10	41	13 <u>31%</u>	246	29532	1747 <u>6,0%</u>
3. Устьсысольский	28	173	141 <u>81%</u>	372	54387	20050 <u>36,9%</u>
ИТОГО	53	363	216 <u>59,5%</u>	2045	148197	24202 <u>16,3%</u>

* Подсчеты по отчету экспедиции, обследовавшей указанные уезды в
 1890-х годах (ОПИ ГИМ, ф. 14. д. 4447. Публикация Е. И. Индовой в «Се-
 верном археографическом сборнике», вып. III, Вологда, 1973).

Перечисленные уезды относились к разряду бывших ти-
 пично черносошных, сравнительно редко заселенных. В самом
 обширном по площади Устьсысольском уезде (около 150 тыс.
 кв. км) преобладали однодеревенские общины (81% общин),
 в которых находилось только 36,9% крестьян. Остальные об-
 щины имели от 2 до 30 и более селений.

Все современники отмечали запутанность земельных отно-
 шений. Насаждая сельскую передельную общину, правительст-

⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 307.

⁵³ ГАВО, ф. 276, оп. 1, д. 7710, л. 15.

во в фискальных целях стремилось объединить административную и поземельную единицы. Во время Генерального межевания разнопланнные селения не соединялись в одну общину. В результате были закреплены как общины с одним селением, так и целые волости-общины, даже несколько волостей могли составлять одну дачу-общину⁵⁴. По реформе П. Д. Киселева сельские общества могли объединять и разнопланнные мелкие общины. Перестраивалась и волостная структура.

В 60—80-х гг. в связи с ограничением возможности подсеки как средства расширения пашни и в связи с ростом народонаселения, разнопланнные мелкие и смежно расположенные общины сами стали объединяться. Так, в Алексеевской волости Сольвычегодского уезда в XVIII в. было более 10 общин, а через столетие они объединились в две. Конечно, наблюдались случаи и обратного порядка. Например, Черновская, Великосельская и часть Федьковской волости были замежеваны в один план, а затем здесь выделялось 8 отдельных общин⁵⁵.

Не были универсальны общины и по характеру уравниваемых ими угодий, что подтверждается данными следующей таблицы.

Состав угодий в общинах трех уездов Волгодской губ.
в 1880—1890 годах

Уезды	Общины, состоящие из нескольких селений, уравнивающие									Общины, состоящие из единоличных селений	
	все угодья			одни пашни			одни сенокосы				
	число общин	в них селений	душ обоого пола ревизских	число общин	селений	душ обоого пола ревизских	общин	селений	душ обоого пола	селений	душ обоого пола
Сольвычегодский	63	1222	50228	19	124	6208	5	84	5437	62	2405
Яренский	24	198	22950	—	—	—	4	35	4835	13	1747
Устьсысольский	25	152	27190	—	—	—	7	79	7147	141	20050
ИТОГО:	112	1572	100368	19	124	6208	16	198	17419	216	24202

⁵⁴ Так, в Никольском уезде в однопланновые дачи были обмежованы почти все волости, особо выделены казенные оброчные дачи и частные владения (ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 147).

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 153, 161; Материалы экспедиции в 90-х годах XIX в.

Из таблицы видно, что на территории трех уездов всеми угодьями уравнивались 112 общин (38,8%), только пашней — 19 общин, только сенокосами — 16 общин. Всего сложных общин оказалось 147, или 40,5%, но они включали 89,7% селений. Остальные были однодеревенскими общинами⁵⁶.

Процедура уравнительных переделов как между деревнями общины, так и между крестьянскими дворами фактически сохранилась от XVIII в. без изменений. По решению сельского схода избирались мерщики, которые после присяги начинали измерять угодья, выделяя их по качеству и месту расположения. Высчитав норму душевого надела (с учетом количества населения), определяли излишки или недостаток земель в каждой деревне и в зависимости от этого производился уравнительный передел между деревнями и внутри селений.

За основу при переделах повсеместно принималась «душа», но в одних случаях это была ревизская душа мужского пола, в других — едок обоего пола, в третьих — наличная душа мужского пола, в четвертых — работник мужского пола. Преобладал передел по ревизским душам (в 167 общинах из 363).

В конце XIX в., кроме общинной формы владения землей, в некоторых волостях был отмечен подворный и неуравнительный способ владения землей. Это особенно характерно для Коми края и Олонецкой губернии. Например, в одиннадцати селениях Ибской волости, в восьми — Междодорской, в четырех — Керчемской пашни и сенокосы не уравнивались, а выгоны и лесные пространства оставались в общем владении всей деревни.

Земельный передел фактически не был вполне уравнительным, так как не всегда обеспечивал бедняка землей и не являлся ощутимой преградой к захвату земель зажиточными. Даже в передельных общинах была практика оставлять за бедняком тот же участок до нового передела, если из-за отсутствия скота земля плохо удобрялась. Посредством кабальной аренды бедняцкие наделы очень часто переходили в руки богатеев. В конце XIX в. 28% крестьянских дворов Вятской губернии (в Котельничском уезде — 40,8%) арендовали не только внеадельные земли, но и наделы своих разорившихся соседей. В числе арендаторов попадались и безлошадные, но их было не

⁵⁶ В Ертомской волости Яренского уезда сенокосами пользуются все деревни сообща, пашнями и выгонами каждая деревня отдельно. Вообще чаще пашня распределялась по селениям, а сенокосы находились в смежном владении всего общества (ЦГА Коми АССР, ф. 75, оп. I, д. 250; ГАВО, ф. 18, оп. I, д. 2562 и др.).

более 5—8%⁵⁷. В малоземельных уездах плата за аренду казенных земель была выше, чем в уездах, имеющих больше пашни и сенокосов. Например, в Никольском уезде Вологодской губернии сдавали в аренду сенокосы по 1 руб. и пашню по 2 руб. 50 коп. за десятину. В Яренском уезде, в котором на 100 дес. всей земли приходилось всего по 0,2 дес. пашни, плата за аренду казенных сенокосов составляла 4 руб. за десятину, пашни — 4 руб. 65 коп.⁵⁸

Конечно, в северных губерниях преобладали общинные формы землевладения, но и здесь была практика покупки земли как отдельными крестьянами, так и товариществами. К 1905 г. в частной собственности у крестьян Вологодской губернии было 583 тыс. дес. и в собственности обществ и товариществ — 190 тыс. десятин, что вместе составляло около 18% всех наделных и частных крестьянских земель.

В конце XIX — начале XX в. усилился процесс разложения северной общины как изнутри, так и в связи с переходом правительства от «охранения» к ее разрушению. Аграрная реформа, начатая в 1906 г., представляла собой «второй крупный шаг массового насилия над крестьянством в интересах капитализма»⁵⁹. Как и реформа 60-х годов, она также не решила и не могла решить аграрного вопроса. С этого времени начался второй этап жизни русской общины при капитализме — общины противоборствующей прусскому пути решения аграрного вопроса, общины как организации демократического крестьянского самоуправления. Особенно активно выступали против разрушения общины крестьяне северных уездов. Здесь общинное землепользование в 1905 г. охватывало 97,1% дворов и 99,3% всей наделной земли (в среднем по 50 губерниям соответственно 76,7% и 81,4%)⁶⁰. В этих губерниях оставался и самый высокий процент общин, производивших переделы земель.

Если по всей стране за время действия указа 9 ноября 1906 г. из общины вышло около 25% общинных дворов, то, например, в Вологодской губернии к 1 января 1913 г. оформили землю в личную собственность только 13,3% общинных дворов. Бывшие государственные крестьяне отказывались от раздела наделной земли и перехода к новому землепользованию. Бойкот хуторско-отрубной системы принял острый характер.

⁵⁷ А. М. Анфимов. Земельная аренда в России в начале XX в. М., 1961; В. Г. Бажов. Крестьянская аренда в России. М., 1910; Очерки истории Кировской области. Киров, 1972, стр. 135—136.

⁵⁸ ГАВО, ф. 17, оп. 1, д. 149.

⁵⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 254.

⁶⁰ «Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России», СПб., 1907, стр. 174.

Крестьянские сходы Ракульской волости Сольвычегодского уезда и Бережно-Слободской волости Тотемского уезда отказались избирать уполномоченных в землеустроительные комитеты «ввиду того, что по новым правилам землю пользоваться не желают»⁶¹. В Архангельской и Олонецкой губерниях к 1917 г. общинное землевладение составляло 88,7%, в Вятской и Пермской — до 80%, в Вологодской — 69,6% (при среднем по стране 42,9%)⁶². В Кирилловском уезде, в основном состоявшем из земель бывшей Чарондской округи, на хутора и отрубы вышло менее 1%. При этом везде преобладало выделение не на хутора, а на отруба, мелкими выселками.

Во многих селениях и после перехода на отруба продолжала сохраняться практика уравнительных переделов. Все попытки разрушить общину, особенно на Севере, наталкивались на упорное сопротивление крестьянства. Идея вольного земельного общества находила выражение как в этом сопротивлении, так и в тяге к кооперации, в организуемых земледельческих артелях, зарождение которых относится еще к концу XX в.⁶³

* * *

Община северного крестьянства в советский период не имела принципиальных отличий от общероссийской ее модели. Однако преобладание бывших государственных крестьян, предшествовавшая их борьба против ликвидации общины, придавали ей специфические оттенки. При этом типы общин у русских, карельских и коми крестьян были универсальны. Существенные особенности общинная организация имела у ненцев.

За время от Октябрьской революции и до 1931—1937 годов, когда на Европейском Севере была завершена сплошная коллективизация и община прекратила свое существование, можно выделить три периода, в рамках которых определяются и этапы ее трансформации.

Первый период — аграрная революция 1917—1918 гг.^{63а}. В ходе аграрных преобразований община пережила действительное возрождение: активизировалась ее роль в качестве само-

⁶¹ Очерки истории Вологодской организации КПСС, 1895—1958. Северо-Западное книжное издательство, 1969, стр. 115.

⁶² П. Н. Першин. Аграрная революция в России. От реформы к революции. Кн. I, М., 1966, стр. 99—100.

⁶³ С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. I, М., 1967, стр. 238—241.

^{63а} Е. А. Луцкий. Крестьянская община в аграрной революции 1917—1918 гг. (доклад на XIV сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы).

управляющейся поземельной организации крестьянских хозяйств, был демократизирован состав общинных органов управления, окончательно сняты с общины фискально-полицейские обязанности.

Превращение общины в свободный союз равноправных пользователей национализированной землей сопровождалось острой классовой борьбой. На Севере, как и в других регионах России, община была «аппаратом для воздействия на помещичьи усадьбы»⁶⁴ и для воздействия на кулацкие владения, излишки земель которых также включались в передел. Эсеры, надеявшиеся получить опору в северных губерниях, старались при помощи общины обеспечить интересы кулаков. Отложившиеся в местных архивах протоколы сельских собраний, решений волостных и уездных съездов Советов убедительно рисуют остроту классовой борьбы, особенно в ходе уравнительного распределения кулацких земель⁶⁵.

В связи с особенностями дореволюционного землепользования в проведении аграрных преобразований на территории северных губерний особенно была велика роль комитетов бедноты. К декабрю 1918 г. только в Северо-Двинской, Вологодской и Череповецкой губерниях было создано свыше 13 тыс. комбедов, причем в Северо-Двинской, в ее бывших черносошных уездах было более 6 тыс.⁶⁶ Автор специальной работы о комбедах северных губерний Г. И. Соколов считает, что и эта цифра несколько занижена⁶⁷. Характерно, что на один комбед в Северо-Двинской губернии приходилось 104 сельских жителя, в Олонецкой — 108, в Вятской — 128, в Вологодской — 187, в то время как в губерниях бывшего крепостнического центра на один комбед — было значительно больше населения⁶⁸. Конечно, на Севере были мелкие селения, однако как раз это и усиливало борьбу в самих общинах. Таким образом, к концу 1918 г. руководство в общине перешло к бедноте.

Второй период в развитии общины после Октября датируется 1919—1929 годами. В этот отрезок времени вполне определенно выделяются три характерных этапа: 1) годы граждан-

⁶⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 398.

⁶⁵ ГАВО, ф. 485, оп. I, д. 71; ф. 261, оп. I, д. 4, ф. 200, оп. I, д. 4549 и др. ГААО, ф. 786, оп. 1, д. 2; ф. 1084, оп. 1, д. 14, 16; ф. 230, оп. 1, д. 1 и др. П. Н. Першин. Указ. соч., кн. 2, стр. 229, 231, 234, 262 и далее. «Аграрная политика Советской власти (1917—1918)», стр. 365, 366 и др.

⁶⁶ ГАВО. Велико-Устюжский филиал, ф. 29, д. 20; ф. 44, д. 56.

⁶⁷ Г. И. Соколов. Комитеты бедноты за осуществление первых декретов Советской власти — «Вопросы аграрной истории». Вологда, 1963, стр. 56.

⁶⁸ В. Р. Герасимюк. Комбеды Российской Федерации в цифрах. — «История СССР», 1960, — № 4, стр. 125.

ской войны до перехода к нэпу и правового оформления института земельных обществ в Земельном кодексе 1922 г. (Принятие этого кодекса было одним из завершающих актов революционных аграрных преобразований); 2) от принятия Земельного кодекса до XV съезда партии. В эти годы для широких крестьянских масс становилось все более очевидным изживание позитивных сторон общины, рост мелкополосицы и чересполосицы, в целом тормозящее влияние общинных форм на развитие сельского хозяйства. Усиление роли сельских Советов, передача средств самообслуживания из рук земельных обществ в руки сельских Советов не устраняли полностью кулака от управления общинными делами, так как в общине он продолжал пользоваться правом голоса; 3) от XV съезда ВКП(б), провозгласившего наступление против кулачества, до коренного поворота основных масс крестьянства на путь массового колхозного строительства и перехода к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации⁶⁹.

Третий и последний период истории советской общины начинается с конца 1929 г. и продолжается в зависимости от завершения сплошной коллективизации в отдельных районах страны. 30 июня 1930 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О ликвидации земельных обществ в районах сплошной коллективизации». В северных районах это произошло на протяжении 1931—1937 гг.⁷⁰.

* * *

Таковы основные периоды исторического развития общины от начальных шагов славянской колонизации обширных пространств Европейского Севера до завершения сплошной коллективизации. История северной соседской общины опровергает концепции дворянско-буржуазных историков и подтверждает марксистскую точку зрения на ее происхождение и развитие, на огромное значение общинных традиций простейших форм труда и взаимопомощи в жизни сельского населения. Последнее особенно характерно было для северного крестьянства, внесшего свой заметный вклад в развитие производительных сил страны.

⁶⁹ Подробную характеристику второго периода развития общины после Великой Октябрьской социалистической революции см.: В. П. Данилов. Земельные отношения в советской доколхозной деревне, — «История СССР», 1953, № 3, стр. 102—108; С. П. Трапезников. Указ. соч., т. I, гл. X—XVI, т. 2.

⁷⁰ Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927—1937 гг.) Сб. документов. Северо-Западное кн. изд., 1964.

А. Л. Шапиро

**ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА И ХАРАКТЕРА РУССКОЙ ОБЩИНЫ
В СВЕТЕ НОВЫХ ИЗЫСКАНИЙ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ**

Хотя вопрос о русской поземельной общине не является сейчас столь актуальным и острым, как 100 лет тому назад, он представляет немалый теоретический и конкретно-исторический интерес. Историками, этнографами, статистиками и археологами накоплен за сто лет богатейший материал; но несмотря на это, а отчасти как раз благодаря богатству, разнообразию и неоднозначности материала, существует много спорных вопросов, относящихся к поставленной в заглавии доклада теме.

Никто из советских историков не сомневается в том, что возникновению классового общества у всех славянских, как и вообще у всех народов, предшествовала долгая эпоха первобытнообщинного строя. Но разногласия возникают, когда речь заходит о степени живучести институтов первобытнообщинного строя, о степени их сохранности в Киевской Руси, в период феодальной раздробленности и в Русском централизованном государстве. Разногласия возникают, когда решается вопрос о генетической связи общинных учреждений сложившегося феодального строя с архаической древней общиной.

Как раз в этом плане возникли споры, касающиеся черной волости. В результате кропотливого и глубокого анализа актового материала XV—XVI вв., предпринятого советскими учеными, и прежде всего Ю. Г. Алексеевым и А. И. Копаневым, мы знаем, что черные крестьяне-волощане имели тогда право распоряжения и отчуждения своих пахотных и отчасти сенокосных угодий. В то же время волость распоряжалась неразделенными угодьями (альмендой), а также запустевшими усадьбами и пашнями.

Ю. Г. Алексеев характеризовал земельную собственность черных волостных крестьян как непривилегированную ограниченную собственность, не связанную с политическим господством над непосредственными производителями, причем в ус-

ловиях утверждения феодального строя эта собственность постепенно превращалась в феодальную, а сами свободные волощане в феодально-зависимых людей¹. Как раз эти черты сближают черную волость с германской общиной-маркой того периода, когда она стала подвергаться закреплению.

Ю. Г. Алексеев, как и многие другие советские историки, рассматривает волость XV в. «как один из этапов трансформации древней дофеодальной общины»² и считает, что она, подобно общине-марке, является древним институтом. То, что мы знаем о распоряжении неразделенными землями, о системе волостного самоуправления и о борьбе с наступающими феодалами, позволяет трактовать черную волость таким образом и связывать ее генетически с древними формами общины.

Но такая точка зрения вызывает сомнения у некоторых советских историков. В 1967 г. С. М. Каштанов в написанном совместно с Ю. Р. Клокманом обзоре литературы по истории России до XIX в. признал необоснованным распространение известий источников о мирских сходах, об «избах мирских схожих» и вообще о мире с последних десятилетий XV и XVI вв. на более раннее время. С. М. Каштанов считает недоказанной презумпцию Ю. Г. Алексеева о тождестве волости XIV—XV вв. с крестьянской общиной-миром, ссылаясь на то, что в актах того времени даже термин «мир» не встречается, а термин «миряне» употребляется только в смысле «не монахи»³.

С. М. Каштанов совершенно прав, когда говорит о необходимости всестороннего обоснования тезиса о древности черной волости и ее трактовки как крестьянской мирской общины. Но, думается, что отсутствие термина «мир» в актах XIV—XV вв. не может тут служить аргументом. Ведь «мир» («свой мир») мы встречаем уже в Краткой Правде (ст. 13), причем термин этот обозначает людей, проживающих на территории, где производится процедура поиска пропавшей вещи. Люди эти составляют общину, несущую коллективную ответственность за преступление, совершенное на ее территории. Следовательно, мир-община существовал не только в конце

¹ Ю. Г. Алексеев. Аграрная и социальная история северо-восточной Руси в XV—XVI вв. М.—Л., 1966, стр. 40.

² Ю. Г. Алексеев. Крестьянская волость в центре феодальной Руси XV в. «Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России». Л., 1972, стр. 102.

³ С. М. Каштанов и Ю. Р. Клокман. Советская литература 1965—1966 гг. по истории России до XIX в. «История СССР», 1967, № 5, стр. 162.

XV—XVI, но и в XI в. Вряд ли при таких обстоятельствах можно отрицать его существование и в XIV в.

Нельзя согласиться с утверждением С. М. Каштанова, что мирские избы не могли существовать в однодворных деревнях. Ведь речь идет об общине, объединяющей много однодворных деревень. А по данным XVI в., мы знаем, что волостные или погостские общинные учреждения и общинные выборы существовали при господстве однодворных и двухдворных деревень.

Чрезвычайно интересные данные о мирских выборных властях в Новгородских погостах дают обыскные книги 1570-х годов. К обыску, который должен был выявить запустевшие от опричнины и мора селения и земли Деревенской пятины, привлекались старосты, сотские, пятидесятские и другие выборные люди каждого погоста. Так, в Листовском погосте были привлечены «староста Сенка Степанов сын» — крестьянин Федора Тороканова, «сотцкий Роман Терентьев сын Болото» — крестьянин Федора Топоркова, «пятидесятцкий Докучайко Иевлев сын» — крестьянин Федора Тороканова и семь волостных людей, оказавшихся крестьянами помещиков Григория Тороканова, Федора Топоркова, Пуляева, Шувалова, Лошакова, Нориана и Ивкова⁴.

Листовский погост состоял из земель, розданных в поместье. И все же погостская крестьянская община с выборными властями еще сохранялась. Ей, конечно, не были подчинены помещики погоста, но она стояла над помещичьими крестьянами. В некоторых погостах Деревенской пятины крестьяне во время обыска говорили, что «обжи запустели от волостных разрубов»⁵. Вряд ли здесь имеются в виду разрубы, которые производились для сбора средств на нужды погостской мирской общины. Трудно также предположить, что погостская выборная администрация разрубала фиксированные налоги, собиравшиеся с обжи, т. к. обежный оклад каждого двора был установлен писцами. Речь, очевидно, идет о разрубках экстренных поборов, связанных с «дорогой», опричными требованиями или платежами за неучтенную пустоту. Но как бы то ни было, сбор податей с помещичьих крестьян не был еще в XVI в. целиком сосредоточен в руках помещика.

В 1580-х годах во время обыска в Полоновском погосте Деревенской пятины по-прежнему фигурировали старосты, целовальники и все крестьяне погоста. А в другом погосте (Заборовский той же Деревенской пятины) в качестве обыскных людей мы уже встречаем приказных людей местных помещиков:

⁴ ЦГАДА, ф. 137, Устюг, № 117, л. 388.

⁵ ЦГАДА, ф. 137, № 117, лл. 485-6 об., 726.

«волостные люди Заборовского же погоста Володимеров прикащик Плещеева Ондрей Иванов, да Дружинин прикащик Языкова Антон Нефедьев, да Иванов прикащик Аничкова Павел Андреев» и еще 7 приказчиков⁶. Такой подбор волостных людей был следствием развития поместной системы. В крупных феодальных владениях мирская община была подчинена вотчинной администрации, в мелких она вовсе исчезла. А в XVII в., по словам С. Б. Веселовского, «было прочно установившимся правилом, что каждая боярщина должна платить подати только за себя⁷. Волостные разruby на нее не распространялись.

Сопоставляя эти данные о порядке разruby повинностей на поместных землях новгородских пятин в XVI и в XVII вв., мы вправе говорить о том, что порядки, которые еще можно заметить в XVI в., были не новыми, а отмирающими. Но откуда они идут? От боярской вотчины периода новгородской независимости, или от предшествовавшей ей черносошной волости? Поскольку границы боярских волостей никогда (или, во всяком случае, почти никогда) не совпадали с границами погостов, а старосты, сотские и пятидесятские избирались как раз по погостам, мы можем утверждать, что погостский мир восходит к временам, предшествовавшим обояриванию земли, а погост выступает на Новгородском северо-западе как архаическая территориальная община.

Но можно ли выводы, относящиеся к погосту, переносить на волость? Показательно, что помещичьи крестьяне — жители погоста — именуются волостными людьми. Обыскные книги, таким образом, ставят знак равенства между погостом и волостью. Понятие погост здесь совпадало с понятием волость (но не боярская волостка), и жители погоста именовались поэтому волостными людьми.

Таким образом, для доказательства древности черной волости, ее дофеодального происхождения мы можем теперь привлечь дополнительные материалы.

Тщательно проанализировавший дошедшие до нас показания источников о сельских поселениях древней Руси Б. А. Романов не отверг тезис С. Б. Веселовского о том, что в Новгородских владениях на севере погост «был центром мирского самоуправления». Б. А. Романов лишь упрекает автора книги «Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв.» в том,

⁶ ЦГАДА, ф. 1209, № 16935, л. 258.

⁷ С. В. Веселовский и. Сошное письмо, т. II, М., 1916, стр. 187.

что он недостаточно последовательно отстаивает этот тезис⁸. Признавая, что погост, во всяком случае в Новгородской земле, уже в X и в XIII—XIV вв. связан с представлением о податной организации смердов, Б. А. Романов считает бесспорным положение Н. Н. Воронина о том, что не обложение данью создавало погосты, а «дань... легла на исторически сложившиеся территории общин»⁹.

Н. Е. Носов признает генетическую связь черной волости XIV—XVI вв. с древней крестьянской общиной. Но он считает, что на протяжении XII—XVI вв. крестьянская община «активно развивалась». По мнению Н. Е. Носова, «древнерусская сельская община (вервь), базирующаяся на общинной земельной собственности, перестала существовать как социальный организм в основном еще в домонгольский период». Если крестьянская община в домонгольский период была собственником земли, то в XVI в. такими собственниками являлись только крестьяне-аллодисты. Н. Е. Носов полагает, что применительно к XVI в. «более правильно говорить уже не о владельческих (по существу, давно ушедших в прошлое), а об административных правах черной волости на занимаемые ею земли»¹⁰.

Я думаю, что в черной волости, как и в германской марке, нельзя рассматривать владельческие права на землю общины и общинников как взаимоисключающие друг друга. Наоборот, они могли действовать одновременно, распространяясь на различные виды угодий: усадьба, пашня, иногда сенокосы и рыбные ловли были в частном владении общинников-волощан, а лес, выгоны, охотничьи угодья, иногда рыбные ловли и сенокосы в общем владении всей общины волости. Черная волость распорядилась и усадьбами, и пашнями, но лишь тогда, когда они оказывались запустевшими.

Конечно, не приходится говорить о неподвижности общинного быта. На него самым существенным образом влияло развитие феодальных институтов. Оказывало на него влияние и развитие товарно-денежных отношений. Но можно ли считать, что крестьянский аллод, который у германцев существовал в дофеодальный период (уже в VI в.), на Руси возник лишь в период полного утверждения феодальной земельной собствен-

⁸ Б. А. Романов. Изыскания о русском сельском поселении.— «Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков». М.—Л., 1960, стр. 424.

⁹ Там же, стр. 341—342.

¹⁰ Н. Е. Носов. О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв.— «Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России», стр. 66—67.

ности (между XII и XVI в.) или даже после ликвидации (на севере) крупного новгородского феодального землевладения? Против такого предположения говорит не только сопоставление с германской маркой, хотя при необычной близости черной волости и марки от сопоставления нельзя уклоняться.

Заслуга Н. Е. Носова заключается в постановке вопроса о времени появления крестьянского аллода, вопроса, который до сих пор обходился историками. Я думаю, что изучать этот вопрос нужно в связи с вопросами о «займанщине» и о типе крестьянских поселений.

Формула о владении крестьянином всеми землями «куды его топор и соха ходили» повторяется в XIV—XVI вв. в сотнях дошедших до нас актов, и уже сама распространенность и обычность этой формулы говорит за то, что она не являлась в эту пору чем-то новым. При этом следует учесть, что «займанщина» сочеталась в лесной полосе с расселением преимущественно в однодворных и двухдворных деревнях. Однодворные и двухдворные поселения малых семей были доминирующим типом поселений в лесной полосе в XIV—XV вв., и у нас пока нет никаких оснований считать, что в предыдущие столетия дело здесь обстояло иначе.

Для изучения древней истории общинных институтов первостепенное значение имеет метод выявления и анализа пережитков, которому так много внимания уделяла наука второй половины XIX в. и недостаточно внимания уделяется сейчас.

В статье о формах черного крестьянского землевладения, которая была написана мною совместно с И. Я. Фрояновым и Д. И. Раскиным, было обращено внимание на право родового выкупа земли, проданной одним из членов большой семьи. А. И. Копанев, обследовавший более 2000 актов, обнаружил очень мало фактов такого выкупа в XVI в. Однако даже в 1625 г. из Соли Вычегодской доносили, что «многие люди» бьют челом о выкупе имений, проданных или заложенных родственниками. При всем уважении к большому труду А. И. Копанева я все же склонен в этом вопросе отдать предпочтение мнению сольвычегодцев XVII в. Дела о выкупе, видимо, возникали не очень редко. Но А. И. Копанев прав, когда отмечает, что крестьяне XVI в. часто обходили право выкупа, что позволяет рассматривать его как явление пережиточное, цепко державшееся до XVII в., хотя долгое развитие аллодального землевладения малой крестьянской семьи и находилось с ним в противоречии¹¹.

¹¹ Д. И. Раскин, И. Я. Фроянов и А. Л. Шапиро. О формах черного крестьянского землевладения XIV—XVII вв.—«Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России», стр. 11—14.

То же следует сказать о тех порядках наследования, которые долго сохранялись на черносошном севере и впервые были глубоко изучены А. Я. Ефименко. При разделе семьи, состоявшей из двух-трех поколений, угодья делились не по головам живущих, а по долям их отцов. Если производился раздел между братьями, угодья делились поровну. Если же делились дядя с двумя племянниками, племянники получали не две трети, а половину угодий, в соответствии с долей их отца¹². Такой порядок поколенного наследования известен многим народам. М. О. Косвен выводит его из поколенной сегментации семейной общины по принципу: «дети без отцов не делятся»¹³.

Пережитком архаичных форм землевладения, сохранявшимся в черносошной волости XVI в., было и право передела разделенного между членами крестьянской семьи имущества, если кто-либо из родичей признавал себя обделенным, а также сохранение после разделов каких-то общих владений.

Переделы между родственниками представляют, с моей точки зрения, очень большой интерес, хотя они встречались в практике северного крестьянского землевладения XVI—XVII вв. нечасто. «Ровня» и «дел» — передел земли были результатом архаичных представлений о равных правах членов большой семьи, или, точнее говоря, представителей каждого поколения большой семьи. Эти представления и это обычное право были, очевидно, характерны для большой семьи не только в период ее распада, но и в период ее возникновения и распада рода. Представление о праве на «ровню» и на «дел» — передел между родственниками являлось древним правовым представлением крестьян.

В XIV—XV вв. при полном господстве одно- и двухдворных деревень в лесной полосе трудно представить себе иной — внутриволостной тип земельных переделов. Общая собственность на определенные угодья (альменду) была характерна для черной волости, и в этой общей собственности мы усматриваем остатки первобытнообщинного строя. Но передел пахотных земель (если речь не идет о родственниках переделах) при господстве однодворной деревни был практически невозможен. Поэтому полное отсутствие известий о таких переделах до XVI в. нельзя считать случайностью.

Лишь тогда, когда однодворные и двухдворные деревни

¹² Пример такого раздела см. у А. И. Копанева. Крестьянская община в Подвинье. — «Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни». Вып. IV, Вологда, 1973, стр. 339.

¹³ М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963, стр. 67.

лесной зоны стали уступать место многодворным и внутри волостной общины стали возникать сельские общины, право переделов между родственниками стало распространяться и на членов этой соседской общины. Первые упоминания о таких переделах в источниках относятся к последним десятилетиям XVI в.

Переделы внутри сельских общин и между сельскими общинами внутри волости не носили в XVI—XVII вв. строго уравнительный характер. Это были переделы, приводившие землепользование крестьян в соответствие с их вытным тяглом¹⁴. Уравнительность переделов в рамках сельской общины, которую мы наблюдаем по источникам XVIII—XIX вв., в какой-то мере связана с переходом от вытной системы тягла (которая не предполагала полного соответствия земельного надела и населения двора) к потягольной системе (когда окладной единицей являлись муж и жена) и к подушной системе обложения владельческими и государственными повинностями¹⁵.

Но уравнительное землепользование с переделами нельзя выводить только из интересов помещика и помещичьего государства. Чтобы понять, как оно утвердилось, необходимо учитывать живучесть представлений крестьян о праве общинника на труд на земле и сохранение в обычном семейном праве практики переделов («дела», «ровни») между родственниками.

Мне представляется, что уравнительные переделы были древнейшим обычаем в домашней общине — большой семье, а в территориальную сельскую общину России они проникли поздно.

А. И. Неусыхин, тщательно изучивший общественный быт древних германцев, называет три основных типа общины, сменявшие друг друга в процессе перехода от первобытнообщинного к феодальному строю; кровно-родственная община, земледельческая община и марка. Для первой — характерно коллективное ведение хозяйства, коллективное распределение продуктов и отсутствие частной собственности на землю. Уже в VI в. эта община сохранялась у древних германцев только в пережитках.

¹⁴ В основе выти как окладной единицы обложения владельческими повинностями и раскладочной единицы сбора владельческих и государственных податей лежала «семьянистость и прожиточность» двора. Двору, который был обложен тяглом в 1/2 выти, полагалось в два раза меньше земли, чем двору, тянувшему с целой выти.

¹⁵ А. Л. Шапиро. Переход от повытной к повенечной системе обложения крестьян владельческими повинностями. — «Ежегодник аграрной истории Восточной Европы, 1960 г.» Киев, 1962, стр. 207—217.

В земледельческой общине процесс производства не был коллективным и сосредоточивался в отдельных домохозяйствах, состоящих из больших семей (как минимум — отец, дети, внуки). За общиной сохраняется собственность на пахотную землю, а пользование ею переходит к отдельным домохозяевам — общинникам. Община удерживает право пользования неразделенными угодьями и право верховной собственности на всю (включая и пахотную) землю. В земледельческой общине земельный надел не является объектом распоряжения дворохозяина и не является его собственностью. Он не отчуждается.

Земледельческая община проходит, по А. И. Неусыхину, две фазы развития: на первой — пахотная земля переделялась общиной между дворохозяевами, на второй — уравнительные переделы прекратились. Так постепенно намечался переход к третьей стадии: общине-марке, где пахотный надел уже стал свободно отчуждаемым аллодом малой семьи. А рядом с аллодом была альменда¹⁶.

В. В. Дорошенко и З. К. Янелъ в «Заметках о новой литературе по истории феодальной России» писали, что в свете работ А. И. Неусыхина представляется анахронизмом говорить о прямом переходе от родовой общины к соседской (минуя стадию «земледельческой общины», по терминологии К. Маркса)¹⁷. С этим взглядом солидаризовался И. Я. Фроянов¹⁸. Русские источники свидетельствуют о том, что на пути от родовой общины к волости-марке с аллодиальным землевладением малых семей лежала стадия с господством больших семей — домашних общин. Те пережитки большесемейного права, о которых выше говорилось, — это лишь часть арсенала доказательств, свидетельствующих о существовании в древней Руси большесемейной организации.

Однако перенесение на русскую почву заключений А. И. Неусыхина и других историков общины на Западе может быть плодотворным только при условии тщательного анализа русских источников и учета особенностей развития в различных регионах Европы¹⁹.

¹⁶ А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства. М., 1956, стр. 7—13.

¹⁷ «История СССР», 1968, № 5, стр. 152.

¹⁸ И. Я. Фроянов. Киевская Русь. Л., 1974, стр. 21.

¹⁹ А. И. Неусыхин пишет, что Солическая правда отражает период явного преобладания большой деревни. (А. И. Неусыхин. Указ. соч., стр. 16.). Но было ли так же на Руси в период колонизации лесной полосы? Во всяком случае, в период, от которого дошли массовые источники, колонисты селились малыми деревнями.

Мысль А. И. Неусыхина о том, что кровно-родственная община с коллективным производством и коллективным распределением продуктов не могла сразу превратиться в основанную на аллодиальном владении малых семей общину-марку, подкрепляется русскими источниками.

Но тезис об уравнительных земельных переделах между членами территориальной, а не домашней большесемейной общины применительно к древней Руси остается недоказанным. Правда, В. И. Довженок говорил, что у восточных славян второй половины первого тысячелетия земля «распределялась между дворохозяевами путем периодических переделов». Такие переделы, продолжает В. И. Довженок, «тормозили развитие производительных сил и должны были постепенно прекратиться»²⁰. Но автор не приводит ни одного доказательства наличия переделов у восточных славян второй половины первого тысячелетия и ни одного доказательства исчезновения периодических переделов земли в это время.

Переносить выводы об уравнительных переделах в территориальной общине древних германцев на общину Киевской Руси особенно рискованно потому, что, по словам А. И. Неусыхина, уже в Салической правде не обнаруживается никаких следов уравнительных переделов пахотных полей²¹. С. Д. Сказкин отмечает, что показания Цезаря, Тацита и Салической правды «столь же предельно кратки, сколь и непонятны, или во всяком случае дают настолько суммарные характеристики, что сверх утверждения об отсутствии частной собственности на землю извлечь из них можно лишь очень немногое». И поскольку «ни у одного народа мы не имеем такого материала об общинном землевладении, о земельной общине, как у русских», эти материалы должны быть использованы для решения спорных вопросов истории общины, ее зарождения и развития в Западной Европе²².

Заслугой С. Д. Сказкина является то, что он привлек к исследованию труды русских этнографов и статистиков конца XIX — начала XX вв., которые недостаточно привлекаются историками СССР. Но он серьезно ошибался, когда полагал, что отличие русской общины от общины-марки заключается в том, что «русская община на всем протяжении своего суще-

---

²⁰ В. И. Довженок. Об экономических предпосылках сложения феодальных отношений у восточных славян. — «Проблемы возникновения феодализма у народов СССР». М., 1969, стр. 36—37.

²¹ А. И. Неусыхин. Указ. соч., стр. 10.

²² С. Д. Сказкин. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968, стр. 71.

ствования сохранила принцип периодического уравнильного передела, тогда как в западной общине-марке пахотная земля являлась собственностью малой семьи, переходящей по наследству»²³.

Как раз периодические уравнильные мирские переделы не были типичны для русской поземельной общины ни в XVI, ни в XIV—XV вв. Поэтому на основании переделов, описанных наблюдателями XIX — начала XX вв., нельзя характеризовать общину древних славян и тем более древних германцев.

Как видим, в историографии сложилось парадоксальное положение, когда историки Западной Европы восполняют недостаток сведений об уравнильных переделах, привлекая без достаточных оснований позднейший русский материал, а историки СССР восполняют отсутствие сведений о переделах в древней Руси, привлекая без достаточных оснований материал западноевропейский.

Вопрос о генезисе и характере древней русской общины нельзя смешивать с частным вопросом о происхождении и характере той специфической формы уравнильных мирских переделов, которые практиковались в русской сельской общине в XVIII—XIX вв. Как ни трудно сквозь позднейшие наслоения разглядеть в волостной и сельской общинах феодальной эпохи древнейшие черты и пережитки первобытнообщинного строя, наука их может обнаружить и обнаруживает, даже не обращаясь к переделам позднего времени. Вероятно, нужно только еще внимательнее относиться к архаическим пережиткам, которые прослеживаются по источникам.

---

²³ С. Д. Сказкин. Указ. соч., стр. 82.

В. Н. Дарьенко

ОБЩИНА НА ЯИКЕ В XVII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Община яицкого уральского казачества давно привлекала внимание исследователей в первую очередь своими большими размерами, своеобразной структурой, а главное — широко распространенным несостоятельным мнением о якобы существовавшем в ней «общем достатке» ее членов и их «равных» экономических и социальных возможностях¹. Многих занимало то обстоятельство, что в своем завершенном развитии (конец XIX — начало XX в.) общинная форма организации лежала в основе хозяйственной жизни всего уральского казачьего войска в целом, и в то же время сама общевойсковая общинная организация состояла из ряда общин-станций, объединявших по несколько поселков². В XVII же веке имел место противоположный процесс: десяток-полтора разбросанных в бассейне Яика и Эмбы общин прекратили самостоятельное, почти независимое друг от друга существование и, соединившись в одну, поселились в Яицком городке (Уральске).

Причины этих изменений в дореволюционной историографии не были раскрыты, поскольку дворянские и буржуазные исследователи в силу своих классовых позиций не могли объективно исследовать социально-экономические и политические факторы, обусловившие появление казачества и формирова-

---

¹ Н. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1807; А. И. Левшин. Историческое и статистическое обозрение Уральских казаков. СПб., 1823; А. Д. Рябинин. Яицкое казачество. — «Русский вестник», т. 52, 1864; В. Е. Фосс. Очерки Гурьева городка. — «Сборник статистических, исторических и археологических сведений по б. Оренбургской и нынешней Уфимской губернии», Уфа, 1867; Н. Я. Данилевский. Исследование о состоянии рыболовства в России. Уральское рыболовство. СПб., 1860; М. П. Хорошхин. Казачьи войска. СПб., 1881; К. К. Абаза. Казаки, Донцы, уральцы, кубанцы, терцы. СПб., 1899.

² Н. А. Бородин. Уральское казачье войско, Уральск, 1891, стр. 264—267.

ние его хозяйственных и политических организаций³. Они не видели процессов развития имущественного неравенства, которое прослеживается у самых истоком зарождения казачьих общин и лежит в основе классовой борьбы, пронизывающей историю развития общинных организаций.

В последние десятилетия интерес к истории казачества возрос прежде всего в силу роли казачьих окраин в крестьянских войнах⁴. Появился ряд работ, специально посвященных яицкому казачеству и другим категориям населения Яика, особенно XVIII в.⁵. Затрагивался в них и вопрос о казачьей общине, однако в весьма малой степени.

В настоящей статье рассматриваются некоторые общие черты, характеризующие общину яицкого казачества до его подчинения власти самодержавного государства.

* * *

Первые письменные свидетельства о наличии значительных по размерам казачьих общин на реках Яик и Эмба относятся к XVI в.⁶ В начале XVII в. от устья Яика до впадения в него реки Илек можно насчитать по архивным документам, фольклорным и топонимическим источникам до десятка укрепленных городков, принадлежавших почти независимым друг от

³ Характерно, что А. Б. Карпов, автор насыщенной значительным материалом книги «Уральцы. Исторический очерк, ч. 1. Яицкое войско (1550—1725 гг.)», изданной в 1911 г. в Уральске, самим названием исследования исказил его суть, поскольку в освещаемый им период существовали независимые от царских властей казачьи общинные организации, а не «войско», это было независимое казачество, а не военно-служилое сословие.

⁴ См. Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Лозунги и требования участников крестьянских войн в России XVII—XVIII вв.—«Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.», М., 1974, стр. 243—244, 265, 268.

⁵ См. Е. Н. Кушева. Яицкое казачество.—«Очерки истории СССР. XVII в.», М., 1955, стр. 271—277; И. Г. Рознер. Яик перед бурей. М., 1966; его же, Казачество в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Львов, 1966; А. И. Андрущенко. Классовая борьба яицких казаков накануне Крестьянской войны 1773—1775 гг.—«История СССР», 1960, № 1; В. А. Чеботарев. Царица Устя.—«Урал», 1963, № 3; его же, Яицкий городок в XVIII в.—«Крестьянские войны в России XVII—XVIII в.», его же, Уходцы.—«Простор», № 9; А. И. Белый. К истории классовой борьбы в Приуралье в последней четверти XVIII в.—«Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 298, 1971; В. Н. Дариенко. Нижний Яик в Крестьянской войне 1773—1775 гг.—«История». Сб. статей аспирантов и соискателей, вып. 1, Алма-Ата, 1966, его же, Классовая борьба на Яике в XVII—начале XVIII в. М., 1966.

⁶ ЦГАДА, ф. 79 (Турецкие дела), кн. 2, л. 404 об.

друга в экономическом и политическом отношении казачьим общинам⁷.

Формировались они преимущественно из беглых великорусских крепостных крестьян, посадского населения, служилых людей и в значительно меньшей мере из иных категорий зависимого населения. Объединялись беглые поселенцы в общины в силу необходимости борьбы против вотчинников и царских властей, условий географической среды, характера крупного промыслового хозяйства (учужная рыбная ловля, охота за стадами сайги), а также с целью самозащиты от кочевников.

Слияние разбросанных в бассейне двух рек общин в одну, общецяицкую с центром в Яицком городке (будущий Уральск) начинается в конце XVI в. и завершается в первой половине XVII в. Этот процесс происходил в условиях усилившегося нажима на казачество со стороны централизованного государства и хозяйственного наступления предпринимателей Гурьевых.

Население ранних общин, по сведениям ногайских и калмыцких источников, насчитывало от нескольких десятков до шести-семисот человек⁸. К середине XVII в. во всех общинах по Яику насчитывалось значительно более двух тысяч казаков⁹. Общины на Эмбе исчезли. Видимо, сказалась значительная удаленность их от городов и селений Поволжья. Перепись 1723—1724 гг. зарегистрировала в общецяицкой общине 3196 казаков. В середине XVIII в. в связи со строительством Нижне-Яицкой укрепленной линии и принудительным (государственным) расселением казачества внутри территории общецяицкой общины (в XVIII в. слово «войско» — синоним) формируются станичные общины. Все вместе взятые они насчитывали 4200 «действительно служащих казаков», но фактически способных к службе с так называемыми малолетками (до 18 лет) и отставными было до 12 тыс. человек¹⁰.

Политика царского правительства в отношении казачества характеризовалась переходом от потерпевших крушение наме-

⁷ «Продолжение древней российской вивлиофики», чч. VIII—XI; Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 271.

⁸ ЦГАДА, ф. 210 (Ногайские дела), оп. 1, кн. 8, л. 8; Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 271.

⁹ ЦГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), Белгородский стол, стб. 40 (Яицкие казаки в списке, каков прислал Богдан Змиев с Саратова, стр. 1—83).

¹⁰ И. Г. Рознер. Яик перед бурей, стр. 51.

рений ликвидировать его и полностью закрыть пути бегства тяглого населения на Яик к вынужденной двойственности. Умело используя внутренние социальные противоречия, государство к концу первой четверти XVIII в., в основном завершает подчинение общины, обращает ее в своего коллективного вассала и взимает с него феодальную натуральную ренту службой и поставкой ко двору значительных партий осетровых рыб, икры и диких кабанов (так называемый «царский кус»). Первой четвертью XVIII в. заканчивается первая крупная полоса и в развитии общины. До этого момента она сохраняла характер, относительно независимый от феодального государства и свободный от крепостничества казачьей организации. Начинается история общинной организации казачьего военно-служилого сословия. Само содержание понятия казачество принципиально меняет социальный смысл. Влияние внешнего фактора становится определяющим и во внутренней жизни общинной организации.

В рамках первого периода исторического развития казачьей общины также можно наметить рубежные, переломные моменты, разделяющие существенно различающиеся этапы. Первый этап — от середины XVI в. до 30—40-х годов XVII в. В это время на Яике и Эмбе существуют несколько общин. Они представляют собою по преимуществу объединения мужчин. Наряду с рыбной ловлей и охотой значительное место в них занимают посредническая торговля лошадьми, торговля предметами военной добычи. Семьи редки. Их людность весьма незначительна. Наследование собственности не приняло широкого характера. Это обстоятельство обеспечивает относительное имущественное равенство.

С 30—40-х гг. до 80-х годов XVII в. под натиском государства и предпринимателей Гурьевых происходит объединение разрозненных общин в одну. Местом ее пребывания становится хорошо укрепленный Яицкий городок у впадения р. Чагана в Яик. Растет число семей, возрастает их людность. Повсеместным становится наследование имущества, что наряду с улучшением техники добычи рыбы (крупные учуги) стимулирует развитие процессов имущественного неравенства. В эти годы казачество в борьбе с государством и Гурьевыми теряет устье Яика, но отстаивает свою общинную независимость. Кульминационным пунктом его борьбы был приход на Яик С. Т. Разина и крушение предпринимательской деятельности Гурьевых. Правительство ослабляет открытое вооруженное наступление на общину. Резко возрастает приток в нее беглых. В десятилетие после крестьянской войны (1673—1683 гг.) пополни-

ние казачьей общины было самым значительным за весь XVII в.¹¹.

С началом 80-х годов государство меняет тактику: назначает для четверти общинников жалование и разрешает беспогонную торговлю рыбой. В результате ускорившегося развития имущественного неравенства начинаются острые внутриобщинные противоречия, выливающиеся в 1698 г. в первое вооруженное выступление бедноты против зажиточного казачества. Зажиточная верхушка впервые в борьбе против малоимущих и неимущих обращается за помощью к внеобщинным силам — к царскому правительству¹². За оказанную ей помощь она прекращает открытый прием в общину беглого населения.

Последний этап в истории свободной казачьей общины (1698—1725 гг.) характеризуется накоплением в составе ее населения неказачьего населения, из которого начинает формироваться рынок наемного труда для доходных казачьих хозяйств.

Территория, занимавшаяся десятками первых казачьих общин, а затем единой общецицкой, а также собственность общины на промысловые и охотничьи угодья, пастбища, дуга, леса, пахотные земли и пр. формировались на протяжении почти трехсот лет. Вначале мелкие общины занимали приморские и дельтовые острова рек Яика и Эмбы, затем они оседают в бассейне Яика среди редких кочевий приходившей в упадок Ногайской орды. Незначительная плотность татарского населения, а также почти не соперничавшие хозяйственные уклады ногаев и казаков открывали определенный простор для освоения этих территорий. Вооруженные столкновения, судя по достоверным документальным источникам, происходили на почве взаимных угонов лошадей или захвата пленных. Преимущественно же для взаимоотношений казаков с ногаями и в еще большей мере с калмыками была характерна взаимовыгодная торговля. Примечательно, что татарки в значительном числе становятся первыми женами яицких казаков, что наложило существенный отпечаток на их антропологический облик.

В первые десятилетия XVII в. ногайских татар вытесняют из бассейна Яика калмыки; которых в свою очередь с 1690-х годов начинают теснить кочевники-казахи Младшего жуза. На протяжении всего этого времени на Яике не было

¹¹ А. Б. Карпов. Указ. соч. Прилож. IV, стр. 24—26.

¹² ЦГАДА, ф. 248 (Канцелярия Сената), кн. 1/132, л. 1; ф. 371 (Преображенский приказ), оп. 1, д. 740. Дело о яицком казаке Григории Микифорове Кочережкине, лл. 6—7.

сформировавшейся, а тем более закрепленной земельной собственности, в силу чего казачество стало рассматривать хозяйственно освоенные им территории в качестве принадлежности общины. Гурьевские учужные промыслы в устье Яика передаются правительством казачьей общине на правах пожалования за военную службу. В 1732 г. в связи со спорами, возникшими у зажиточных казаков с калмыцким ханом Аюкой, Сенат специальным постановлением закрепил права общины на монопольную рыбопромысловую эксплуатацию Яика, оставив за калмыками право пользоваться пастбищными угодьями.

Сложившиеся более определенно в XVIII в. и постоянно расширявшиеся границы общинной территории, рыбопромысловых, охотничьих и лесных угодий, пастбищных и пахотных земель фиксировали лишь их принадлежность общецицкой общине в целом. Внутри общины рыбопромысловые участки, пахотные и пастбищные земли, а также иные угодья разделу в индивидуальную собственность не подлежали. Любой общинник мог пользоваться ими, исходя из собственных хозяйственных возможностей. Размеры индивидуального хозяйства (дом и хозяйственные постройки, рабочие лошади и волы, продуктивный рогатый скот, свиньи, птица, подводы и инвентарь, ремесленные мастерские и пр.) никакими общинными нормами в рассматриваемый нами период не регулировались. Это открывало неограниченный простор для расширения индивидуальных хозяйств за счет эксплуатации естественных ресурсов общины путем привлечения наемного труда. Зажиточная верхушка общинников оказывается экономически заинтересованной в сохранении коллективной собственности, поскольку извлекает из нее несравненно больше выгод по сравнению с малоимущим большинством, что обуславливает ту живучесть казачьей общины, которая наряду с другими факторами обеспечила ее существование вплоть до установления Советской власти.

Главным хозяйственным занятием общинников являлся промысел осетровых рыб, дававший основные продукты питания и торговли (свежая и соленая рыба, балыки, кавардак, икра, вязига, клей). Существенную роль играли скотоводство, охота, позднее — ремесла. Пользование рыбопромысловыми угодьями регулировалось общинным собранием и промысловыми (плавенными) атаманами. Формально каждый способный к военной службе казак получал по жребью посезонно участок лова. Улов из учуга шел на общинные нужды. Однако те казаки, которые располагали орудиями производства (пешни,

сандовы, ярыги, невода, речные и морские лодки и суда, лошади и оружие) фактически распоряжались сезонными ловами рыбы и охотой, а следовательно, — промысловыми и охотничьими угодьями по своему усмотрению.

В конце XVII в. казацкие население и семьи погибших казаков допускались к промыслу за высокую плату. За женами и детьми умершего казака право на бесплатный промысел сохранялось лишь в течение одного года¹³. Особенно четко контролировались участки реки на зимнем промысле рыбы, так называемые багренные участки. Цена одного участка, продававшегося на путину, приравнивалась к стоимости коня с полным боевым снаряжением¹⁴.

Управлялись ранние общины выборным атаманом с дьяком-писарем, иногда двумя есаулами. В походы и на промысел отправлялись, имея во главе походных и плавенных атаманов. В конце XVI—начале XVII в. общинники соединялись в десятки и сотни. Десяток в самых ранних общинах, до появления семьи, похоже, был своеобразной низшей хозяйственной ячейкой и податным субъектом, вносящим долю своих доходов в общинный бюджет. Реликтовые следы такого его качества улавливаются позднее, когда субъектом налогообложения в пользу общинной казны становятся семьи.

Высшим органом общинной власти, регулировавшим внутривладельческую жизнь, правовые отношения, суд и внешние сношения являлось собрание вооруженных казаков-воинов. Женщины, а также все, кто позднее проживал на территории общины, но не был включен в казацкое сословие, в собрания не допускались. Процедура собраний исключала действительно демократическое решение вопросов и позволяла атаманам навязывать большинству решения в интересах их сторонников и их самих.

Имущественного, а тем самым и правового равенства мы не обнаруживаем даже в самых ранних казацких общинах, когда в них не существовало семьи. Стекавшиеся на «заполненную» реку беглые несли с собою живые следы сословного происхождения, разнообразный социальный и личный жизненный опыт, неодинаковые представления об идеалах равенства. Единодушны были беглые в безусловном отрицании

¹³ ЦГВИА, ф. 13, Казацкая экспедиция Канцелярии Военной коллегии оп. 1/107, кн. 54, лл. 567—568. Следственное показание казака Ивана Спиридонова, 1719 г.

¹⁴ ЦГВИА, ф. 13 (Казацкая экспедиция Канцелярии Военной коллегии), оп. 1/107, кн. 30, л. 222. Челобитная яицких казаков Петру с жалобой на насилия розыщиков, октябрь 1720 г.

личной зависимости от крепостника и феодально-бюрократического аппарата государственной власти. Это обстоятельство облегчило формирование в общинах имущественно привилегированной верхушки, складывавшейся из атаманов и их приближенных. Используя личную дружину (в XVII в. она называлась атаманской станицей, позднее — атаманской сотней) атаманы, избранные влиятельной частью общинного собрания, постоянно узурпировали власть, что давало им возможность обеспечивать себе преимущества и в дележе добычи.

С появлением в первой половине XVII в. семьи, а с нею наследования имущества, возрастающая личная собственность усиливает использование в индивидуальных интересах общинных источников дохода и общинной собственности. Наблюдавший полвека жизнь яицкого казачества Михаил Гурьев утверждал, что все походы за военной добычей предпринимались по инициативе «жителейских» казаков (из числа имущих старожил и приближенных к атаманам лиц). За предоставление для похода стругов, снастей, продовольствия и оружия житейские казаки забирали в свою пользу, по словам Гурьева, всю добычу¹⁵. Отказ от участия в походе заканчивался для немущего изгнанием из общины, нередко казнью. Таким образом, неравноправный дележ добычи явился своеобразным источником первоначального накопления для предпринимательской и торговой деятельности.

В торговле также преимущественное положение занимают лица из числа ранних пришельцев, что в общем характерно и для других казачьих общин. На значительно же удаленном от торговых центров страны Яике в привилегированном положении оказались те казаки, которые имели родственников и знакомых в Астрахани, Самаре и селе Алексеевском. Они становились скупщиками товаров и пайщиками их торговых операций.

Раннее и широкое развитие товарно-денежных отношений ускоряло развитие процессов имущественного и социального неравенства. Уже в конце XVII в. казаки-ростовщики ссужают не только отдельных общинников, но и общинную казну. Благодаря свободной купле-продаже общинных работ и служб состоятельная верхушка общинников получает возможность отстраниться от их несения и сосредотачивается исключительно на занятиях торговлей и весьма доходным рыбопромысловым хозяйством.

Недостаток рабочих рук восполняется наймом людей, приходящих на Яик на сезонные работы, непреверстываемых

¹⁵ ЦГАДА, ф. 159 (Приказные дела новой разборки), д. 488, л. 1.

в казачье сословие беглых, покупными военнопленными и даже покупными лично зависимыми людьми, вывозившимися «из Руси», куда зажиточные казаки ездили по торговыми делам и за жалованием. В зависимое положение попадали жены и дети погибших в походах казаков. В 1719 г. прибывший на Яик с розыском поручик Е. Кротков насчитал в Яицком городке 174 «бурлаков»¹⁶. По переписи 1723 г. было зарегистрировано уже 267 «батраков и наемных работников», трудившихся в личных хозяйствах богатых общинников. Из них 13 человек оказалось захваченными на фронтах Северной войны и в степях «хлопцами финскими и калмыками», 36 человек были из числа непринятых в казачество беглых татар и чувашей. Основную же массу зависимого населения в общине составляли русские крестьяне — помещичьих (124 человека), дворовых (26), монастырских (16). Среди лиц, состоявших у казаков в работниках, отмечены 17 выходцев из посадских людей и 8 бывших стрельцов¹⁷. Следует подчеркнуть, что показанное переписью количество зависимого населения в общине далеко не отражало их действительную численность. На самом деле наемных работников и батраков, работавших «корма ради», имелось в несколько раз больше. Переписи 1723 г., проводившейся душителем казачьего восстания И. Захаровым, предшествовали пятилетние наезды других карательных экспедиций, в результате которых с Яика разбежались не только недавние пришельцы, но и многие казаки-старожилы. Значительная часть наемных работников была выслана, многие вывезены начальниками экспедиций и насильно обращены в собственных крепостных¹⁸. Еще в 1698 г. в Яицком городке зафиксировано несколько сотен работных людей, из числа которых многие приняли участие в восстании, вспыхнувшем в том же году¹⁹. В пользу мнения о значительном на Яике рынке свободной рабочей силы говорит и то обстоятельство, что количество беглых, прибывавших в течение года, начиная с 90-х годов XVII в., достигало 200 чел. и более²⁰. Между тем зачисление их в общину ввиду постоянных запретов правительства и заинтересованности зажиточных казаков сохранять

¹⁶ ЦГВИА, ф. 13, оп. 1/107, кн. 28, л. 1821.

¹⁷ ЦГВИА, ф. 13, кн. 21, лл. 1—179; св. 128, д. 112, л. 429 об.; св. 30, д. 10, лл. 252—280. При переписях и розыске на каждого жителя Яика составлялся отдельный протокол допроса.

¹⁸ Там же, кн. 54, лл. 169—175, 213—215, 230—236, 258—261 — Следственные показания яицких казаков в 1719 г.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 248 (Канцелярия Сената), кн. 1/132, лл. 87—91.

²⁰ В. Бородин. Роспись притока на Яик с 1599 по 1723 г. в «Приложениях» к указ, соч., А. Б. Карпова, стр. 24—26.

рынок почти даровой рабочей силой было крайне ограничено и производилось атаманами за непомерные взятки, сумма которых достигала стоимости двух коней с полным боевым снаряжением²¹. В силу этого многие пришельцы, прежде чем быть приверстанными к казачьему сословию, по 5—10 лет эксплуатировались в работниках.

Анализ развития казачьих хозяйств показывает, что в общине рассматриваемого периода развиваются феодальная и капиталистическая эксплуатация с незначительными элементами домашнего рабства, в которое обращались иноплеменники. Второй существенный вывод состоит в том, что экономические интересы зажиточного казачества приходят в острое противоречие с первоначальной открытостью общины для вхождения в нее беглого, избавляющегося от крепостной неволи населения; стремление общинной верхушки привлекать в свои расширяющиеся хозяйства дешевую рабочую силу порождает вопреки сопротивлению трудовых низов кастовую замкнутость казачьей общины. В этом пункте интересы зажиточных общинников совпадают с политикой царского правительства и обеспечивают ее успех.

В конце XVII—начале XVIII в. в общине формируются следующие социальные группы населения: 1) зажиточное казачество из числа прежних войсковых и походных атаманов, есаулов и их родственников; 2) зажиточное казачество, разбогатевшее на основе развития промыслового хозяйства с использованием наемного и крепостнического труда, торговли, ростовщичества; 3) основная масса трудового казачества; 4) беднейшая часть казаков из числа недавних пришельцев; 5) наемные работники и батраки; 6) обнищавшие члены семей погибших казаков, постоянно мигрировавшие «за скудостью в Русь»; 7) неимущие работники (рабы) из числа свободно продававшихся в общине пленных финнов, шведов, татар, калмыков, башкир, чувашей, казахов.

Легко заметить, что разница между первой и второй группами несущественна. Мы ее отмечаем лишь постольку, поскольку в исследованиях дореволюционных авторов все важнейшие проявления классовой борьбы сведены по существу к борьбе этих «двух партий», проистекавшей на почве личных мотивов, а потому и несущественной. Если же тщательно отслоить привходящие, поверхностные коллизии, то становится очевидным, что борьба шла между двумя группировками за-

²¹ ЦГВИА, ф. 13, оп. 1/107, кн. 54, лл. 169—175, 416—418. Следственные показания казаков Т. Г. Мясника (Мясникова), С. Аккудинова и др. в 1719.

житочно^о казачества, с одной стороны, и всей остальной массе^й трудов^{ого} казачьего и неказачьего населения общины, с другой. Картина социальных конфликтов (и в восстании 1698 г. и в восстании 1720—1723 гг.) осложнялись тем, что действитель^{но} враждовавшие группировки зажиточного казачества бесцеремонно использовали в борьбе друг против друга трудовые низы, предавая их собственные интересы, спекулируя на их приверженности общинной организации, как единственному орудию локальной сплоченности против феодалов-эксплуататоров, и общинной собственности — этого единственно^{го} объекта приложения своего труда вне сферы крепост^ических отношений.

Зажиточное казачество также выступает за сохранение общины за ее автономию, однако лишь в той мере, в какой общинная организация выгодна ему для сохранения и защиты земельных владений и промысловых угодий от притязаний на них со стороны российских феодалов и феодалов-кочевников, а также безраздельной и не регламентируемой никакими внешними силами эксплуатации проживающего на территории общины казачьего и неказачьего населения.

* * *

Относительная личная свобода, свобода хозяйственной и предпринимательской деятельности, а также коллективная защита от вотчинников и царской власти — это тот рубеж социальных завоеваний, которого достигало и который постоянно вынуждено было отстаивать население общин. Выгоды, проистекавшие из автономии общины в решении вопросов внешних сношений, позднее выгоды от автономного решения вопросов внутренней жизни получало зажиточное казачество.

По мере углубления имущественной дифференциации свобода хозяйственной деятельности и предпринимательства постепенно монополизировалась атаманами и зажиточными верхами общины. Сосредоточив в своих руках аппарат внутриобщинной власти, аппарат, поставленный с конца XVII — первой четверти XVIII в. под контроль феодального государства, верхи общины совместно с государством направляют развитие общины по пути феодализации. Вот почему наряду с постоянным притоком беглого населения в казачью общину мы наблюдаем факты постоянного ухода из нее. В XVII в. «за скудостью» Русь» идут семьи, потерявшие кормильца, идут старики, увечные и больные воины. В XVIII в. убегают здоровые воины — казаки. Группы беглецов порою насчитывают от нескольких десятков до двухсот и более человек.

Как видим, казачья община по своим типологическим признакам — своеобразный социальный коллектив, характеризующийся многими специфическими чертами и в первую очередь развивавшейся уже в конце XVII в. сословно-кастовой структурой. Наряду с казаками-труженниками в нее входит и основная эксплуататорская верхушка казачества.

С конца XVII в. от казачьего населения общины начали отсекается постоянно вливавшиеся в нее и становившиеся ее органической и все возрастающей численно эксплуатируемой частью неказачьи элементы, получившие наименование иногородних. Позднее к ним примыкает, занимая самую низшую ступень, беднота разоряющихся казахских аулов, официально называвшаяся туземным населением.

Сословно-кастовое развитие и борьба в общине идут далее по двум водоразделам. Первый из них пролегает внутри самого казачества. Второй между казачеством в целом и иногородними. Конечно, по мере развития классовой борьбы и классового самосознания водораздел между трудовым казачеством и неказачьими элементами сужался, однако полностью никогда не исчезал.

Следовательно, созданная во второй половине XVI в. в результате происходившей в стране классовой борьбы и народного правотворчества казачья община, выступавшая первоначально в качестве антипода феодально-крепостническим формам хозяйственного и общественно-политического уклада, к первой четверти XVIII в. под воздействием ряда внутренних и внешних факторов эволюционировала в одну из его разновидностей. Однако трудовая часть казачества продолжает использовать общинные институты для отстаивания своих интересов. Зажиточная верхушка казачества также не отказывается от общины, поскольку опирается на общинный аппарат для утверждения своего привилегированного положения в сословно-иерархической системе феодального государства, а также умело приспособливает общинные институты в целях эксплуатации казаков-общинников и все возрастающего в общине неказачьего населения.

А. М. Шабанова

ЧАСТНОВАЛАДЕЛЬЧЕСКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА
СЕВЕРО-ЗАПАДА В 1-й ПОЛОВИНЕ XVIII в.

(по материалам архива Александро-Свирского монастыря)

Изучение сельской общины в России XVIII—XIX ст. осложняется тем, что ее существование и функционирование зиждилось на обычном праве. В связи с этим для исследования данного института особо важное значение приобретают поместно-вотчинные архивные фонды.

Богатую документацию, позволяющую со всей полнотой охарактеризовать крестьянское хозяйство вотчины первой половины XVIII в., содержит фонд Александро-Свирского монастыря¹. Обширные материалы дают возможность изучить жизнь крестьянского мира во всем его многообразии: землепользование, которое складывалось из земель наделных и вненаделных (подсек и земель, приобретенных по сделкам), принцип распределения наделных земель, земельные переделы, роль общинных властей и вотчинной администрации в поземельных делах. Значительное количество источников освещает административное устройство общины, принципы функционирования общинного аппарата власти, его взаимоотношения с вотчинными властями монастыря.

Изучение указанного комплекса источников убеждает в том, что многовековое господство феодально-крепостнической системы подвергло чрезвычайному изменению общину крестьян Присвирья. Подобно крестьянским общинам других районов страны, развитие общины александровских крестьян происходило под постоянным воздействием феодала и феодального государства. По замечанию Ф. Энгельса, «господская опека» над сельской общиной существовала на всем протяжении феодальной эпохи². Она выражалась во вмешательстве как в поземельные отношения, так и административные функции общины.

¹ Архив ЛОИИ, ф. 3, оп. 1 и 2.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 338.

В первой половине XVIII в. община александрово-свирских крестьян сохраняла некоторую самостоятельность в поземельных делах. Если в XVII—XVIII вв. в черных крестьянских общинах Европейского Севера России эта сторона деятельности общины выступала довольно явственно, то во владельческой общине Присвирья она прослеживалась слабее³.

Однако в начале XVIII в. за вотчинными монастырскими крестьянами и за общиной сохранилось право распоряжаться частично выморочными участками и пустошами, рыбными угодьями. Крестьянский мир Кондужской волости систематически сдавал в аренду пустоши. Полученные деньги использовались миром для уплаты государственных и владельческих платежей.

Приходная книга Кондужского старосты 1721 г. отмечала, что в 1721 г. часть «кортомных» денег мир «поверстал за дровоклажу и сечку и... поверстал в угольную воску»⁴. Следует заметить, что арендаторами земель являлись преимущественно «прожиточные» крестьяне. В 1722 г. жители той же волости собрали «кортомных» денег «у попа Афанасия Кузьмина на 29 алт., у просвирни у Доминики за поженку — 3 алт. 2 д., у Гордия Тимофиева 6 алт. 4 д., у Мамонта Иванова 13 алт. 2 д., у Савы Федорова 6 алт. 4 д., у вдовы Агафьи 2 алт., у Митрофана Семенова 10 алт., у Мосия Явгоева 3 алт. 2 д., у Сергия Федорова руб., у Логина Фокина 7 алт., у Ивана Андреева 5 алт»⁵. Четверо арендаторов принадлежали к разряду состоятельных крестьян.

Общинные власти по своему усмотрению, с веденія монастырской администрации имели право передавать опустевшие тяглые участки другим крестьянам. Выморочными наделами чаще всего завладевали те же «прожиточные» крестьяне (свидетельств этого имеется много). Увеличение надела влекло за собой повышение тягла. А повышенное тягло было под силу только состоятельным крестьянам.

В сентябре 1732 г. в Ладожском озере утонул крепостной дер. Александровщина — Савва Иванов Ризинков. В мае 1733 г. вдова просила архимандрита отобрать у нее наделную землю и передать «во владение другим крестьянам из тягла».

³ М. М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII-веке, т. I, М., 1909, стр. 6—16; М. В. Витов. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв., М., 1962, стр. 180—181; Я. А. Балагуров. Характер землепользования в приписной деревне Олонецкого горного округа в XVIII—первой половины XIX вв. «Вопросы истории». Сб. статей, Петрозаводск, 1962, стр. 204.

⁴ ЛОИИ, ф. 3, оп. I, к. 11, д. 2, л. 291.

⁵ Там же, д. 12, л. 300.

Сыновей в семье не было. А «оной земли за скудостью своею владеть не могу и некому, а подушных денег и протчих поборов на меня не накладывать», — писала она. Революция архимандрита гласила: «Сыскав, допросить обстоятельно показанного десяцкого и неукоснительно, и нам предложить»⁶. Другой документ рассказывает о том, в чьи руки передавал мир такие земли. Жительница Кондужской волости дер. Манкиной Горы, овдовев, «кормилась работой», а деревенский участок был передан во владение крестьянину той же волости «Алешке Якимову, а у него Алешки своей тяглою земли два лука...»⁷.

Изученные документы указывают на существование в присвирской деревне первой половины XVIII в. остатков древнего общинного права распоряжения землей. Одновременно разбор каждого из случаев говорит о том, что в исследуемый период сохранившиеся в частновладельческой присвирской деревне общинные начала несли на себе заметный феодально-крепостнический отпечаток: мир передавал выморочные участки таким крестьянам, которые могли исправно нести тягло, а пустоши — лицам, которые были в состоянии обеспечить бесперебойное поступление арендной платы. Но как ни урезаны были в монастырской деревне права общинного распоряжения землей, отмеченные нами моменты являются напоминанием о временах, когда община была верховным собственником земли.

Древнейшее поземельное право общины наиболее отчетливо выступало в характере эксплуатации в первой половине XVIII в. александровскими крестьянами рыбных угодий. Жители Кондужской, Лоянской, Гакручейской волостей и Сермаксы имели в своем распоряжении рыбные ловли на р. Свирь. Пользование было совместное, всей волостью. Правда, развитие в стране феодальных отношений привело к тому, что рыбные угодья уже давно перешли в собственность государства и последнее за пользование ими взыскивало с крестьян ежегодный оброк с Гакручья — 20 руб., с Лояниц — 5 руб. и т. д.⁸. Однако сквозь позднейшее наслоение исконное начало выступает очень отчетливо. Подобные рудименты древнейших

⁶ ЛОИИ, к. 15, д. 13, л. 80 об.

⁷ Там же, к. 8, д. 54, ст. 1. Двухлуковое тягло в вотчине несли обычно состоятельные крестьяне, у которых, помимо полевых надельных земель, имелись расчистки и купленные участки.

⁸ ЛОИИ, ф. 3, оп. 1, к. 24, д. 8, л. 132; д. 10, л. 177; к. 23, д. 5, л. 45; к. 26, д. 3, л. 148; д. 5, л. 206.

поземельных отношений существовали не только на Севере страны, но и во многих общинах Центральной России⁹.

Интенсивное и плодотворное изучение социально-экономической истории феодальной деревни вызвало законный интерес и необходимость всестороннего и более глубокого изучения поземельных отношений внутри крестьянской общины. В свете этих исследований ученые все более единодушно склоняются к выводу (высказанному еще дореволюционными историками), что земельные переделы явились порождением более позднего этапа развития феодализма и феодального государства¹⁰.

Интересы класса феодалов, как писал В. И. Ленин, требовали обеспечения всех зависимых крестьян земельным наделом, ибо наличие земельного участка являлось неперменным условием феодально-крепостнической эксплуатации¹¹. Это обстоятельство побудило господствующий класс приступить к регулированию поземельных отношений своих крестьян.

Именно вмешательство феодального государства и господствующего класса в поземельные дела привело к введению в русской деревне в XVII—XVIII вв. земельных переделов. В частновладельческих землях Центральной России переделы имели место уже в XVII в. Широкое распространение они приобрели в XVIII в.

Власти Александров-Свирского монастыря начали осуществлять переделы тяглых земель в вотчине с конца XVII в. Цели, которые преследовала администрация монастыря, проводя земельные переделы, не шли дальше сохранения крестьян как тягловцев. Переделы были обусловлены не заботой о крестьянском благополучии, а желанием привести земельные наделы в соответствие с тяглом, наложенным на то или иное крестьянское хозяйство.

Говоря об этой стороне переделов, нельзя не отметить заинтересованности в периодических переделах земель и части крестьянства вотчины, особенно скудной группы. Периодические переделы земель по тяглам способствовали более равномерному распределению земли между крестьянскими дворами, препятствовали обезземеливанию скудных и мобилизации надельных земель в руках прожиточного слоя. Именно поэтому

⁹ См. А. Л. Шапиро. Крестьянская община в крупных вотчинах первой половины XVIII века. «Уч. зап. Саратовского госуниверситета», т. I (XIV), 1939, стр. 49—51.

¹⁰ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I, п. СПб., 1881—1901: Н. П. Павлов-Сильванский, Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910, стр. 120—134.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 183—184.

при разборе документов о переделах, содержащихся в фонде монастыря, довольно часто приходится свидетельствовать, что инициатива переделов, особенно частных, исходила от самих крестьян.

Организация переделов в обследованной нами вотчине показывает, что община, ее мирские власти, принимали деятельное участие в регулировании крестьянского землепользования. Монастырь запрещал делить землю без разрешения архимандрита. Однако каждый передел—общий или частный—власти проводили только вместе с выборными от сельского мира людьми.

Как часто происходили в вотчине переделы земель и тягол? На этот вопрос ответить трудно вследствие недостатка материала. В первой половине XVIII в. дважды были общие переделы—в начале 30-х годов и в 1752 г. О переделе начала 30-х годов источники говорят мало, передел же 1752 г. представлен документами достаточно подробно¹².

Сохранились сведения о частных переделах в отдельных деревнях. В 1694 г. предполагалось провести переделы земель в дер. Кукойнаволока Лоянской волости. В конце XVII в. несколько раз проводились переделы в дер. Гакручей. В 1756 г. делили «луковую землю» крестьяне дер. Мекшевичи¹³. Незадолго до общего передела 1752 г. в этой деревне также производился передел пашен и сенных покосов, очевидно, вызванный каким-либо чрезвычайным обстоятельством.

Перемерная ведомость 1752 г. по названной деревне заканчивается записью, не оставляющей сомнений на этот счет: «Больше у нас в десятки луковой земли не имеетца. И оная луковая земля прежде разделена нам всем в равенствие так же и ныне по мере явилось у всех крестьян по однаку»¹⁴.

Особенный интерес представляют материалы частного передела по дер. Гакручей. Они очень наглядно вскрывают существо проводившихся в вотчине (и не только в данной вотчине) переделов, обстоятельства, вынуждавшие крестьян обращаться к властям монастыря с требованием перемера пашен и сенокосов, наконец, механику проведения переделов. В 1697 г. жители деревни обратились к монастырским властям с просьбой провести у них передел усадебной и надельной земли вследствие того, что крестьяне Петр и Тимофей

¹² ЛОИИ, ф. 3, оп. 1, к. 22, д. 7, л. 44—53; д. 6, л. 82; к. 15, д. 13, л. 217—221.

¹³ Там же, к. 7, д. 37, л. 1; д. 202, ст. 1; д. 197, ст. 1 и т. д., д. 198, ст. 1; д. 199, ст. 1; д. 209, ст. 1; к. 24, д. 6, л. 90—90 об.

¹⁴ ЛОИИ, к. 22, д. 7, л. 47 об.

Максимовы завладели лишней землей. Очередной передел угодий по тяглам призван был разрешить земельный конфликт. В деревню прибыл представитель монастырской администрации — старец Арафаил. Совместно со старостой и мирскими людьми он осуществил передел дворовых мест, конопляников и полевой земли. Действительно, у Петра и Тимофея Максимовых оказались излишки под огородом. Лишняя земля была у них отобрана и передана другим крестьянам.

Результаты передела не устроили Максимовых. Они опротестовали «арафаилов размер» и потребовали от архимандрита его пересмотра. На основании челобитной последних архимандрит прислал летом 1698 г. в Гакручей старца Касьяна для нового передела. Старец вместе со старостой Евстафием Гавриловым и мирскими людьми снова мерил земли во всей деревне. По сообщению Гакручейского старосты, монах Касьян разверстал дворовые места, коноплянки, «верхнее поле тоже размерил подолно кому что довелос на долю и разжеребевал вправду, а нижнее поле... не мерил, потому что сияно рожью, рожь... есть ростом выше колена». Крестьяне просили «сроку до осени пока ржи не выжнут и он старец мне старосты и мирским людем сроку дал пока ржи не сойдем, а в осень то нижнее поле мне старосты и мирским людем дать мерить ему старцу Кастьяну и жеребевать, а которую землю он старец мерил и жеребевал и та мера мне старосты и всим мирским людем люба...» «Все меры сошлис ново вново против Рафаиловой меры»¹⁵. Однако снова передел оказался «люб» не всем. Петр и Тимофей Максимовы продолжали добиваться возврата отобранных земель. Отрезанные огородные земли были переданы «в меру» Филату Маркову, Федоту Матвееву, Ананью и Филату Васильевым. Максимовы начали угрожать этим крестьянам. Когда же созрел урожай, они выжили рожь на спорных участках и грозили сvezьти коноплю, посеянную также на отобранной у них земле. Крестьяне Филат Марков, Федот Матвеев, Ананий и Филат Васильевы обратились к архимандриту Гермогену за помощью¹⁶. 31 июля 1698 г. в деревню прибыл монах Иев. Ему вновь предстояло «по челобитью монастырских крестьян спорные земли и дворовые места и конопляники по прежним разводам и по мировым записем досмотреть и спорные места против челобитья Петрушки Максимова с товарищи... розмерить и указ учинить, а которые земли не мерены и те земли и розмерить и во всем указ учинить безволокидно, а хто чево доведетца

¹⁵ ЛОИИ, ф. 3, оп. 1, к. 9, д. 209, л. 1.

¹⁶ Там же, к. 7, д. 202, ст. 1.

ослушников смирять без пощады, а что к какому делу понадобитца сколько людей взять у ловецкого старца Киприяна, а ловцам быть послушным»¹⁷. Подписал инструкцию помещику сам архимандрит Гермоген.

В августе 1698 г. старец начал следствие по делу о спорных землях, допрашивал крестьян, посеявших на участках, которые были отобраны у братьев Максимовых. Форма допроса позволяет предполагать, что эти земли старец намеревался вновь передать Петру и Тимофею Максимовым. Старец вместе со старостой и мирскими людьми измерил и разделил «нижнее» поле. 15 августа 1698 г. староста и мирские люди подписали коллективную расписку, подтверждавшую, что раздел нижнего поля и земельная мера всем «люба», что впредь они не будут «находить» друг на друга «... или бить челом о том земляном дели и на том хто учнет находить взять заставы всякому человеку по десяти рублей да сверх того пеня монастырская»¹⁸. Расписку в числе других подписывали Петр и Тимофей Максимовы, очевидно, добившиеся возвращения отобранной у них земли.

Вопрос о земельных переделах на русском Севере относится к числу недостаточно изученных сторон крестьянского землепользования. С момента опубликования работ А. Я. Ефименко и М. М. Богословского в исторической науке установилось мнение, что русский Север XVII в. не знал общих переделов земли¹⁹. Обнаруженные и опубликованные Н. В. Устюговым архивные документы содержали сведения о нескольких общих переделах, имевших место у черносошных крестьян XVII в.²⁰ Но они были вызваны чрезвычайными обстоятельствами и в целом не поколебали, а лишь еще раз подтвердили укрепившуюся точку зрения об отсутствии переделов на черносошном Севере. Я. А. Балагуров также высказался за отсутствие в XVIII в. общих переделов в общинах государственных крестьян Обонежья²¹. Что же касается частновладельческих общин, в частности владений Александровского монастыря, то архивные материалы дают совершенно определенные сведения о переделах, прочно вошедших здесь в практику в первой половине XVIII в. Однако речь идет не об уравнительных переделах, а переделах, связанных

¹⁷ ЛОИИ, ф. 3, оп. 1, к. 7, д. 197, ст. 1.

¹⁸ Там же, ф. 1, оп. 3, к. 7, д. 199, ст. 1.

¹⁹ А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни, вып. 1, М., 1884; М. М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке, т. 1—2, М., 1909—1912.

²⁰ Н. В. Устюгов. К вопросу о земельных переделах на русском Севере в середине XVII в. «Исторический архив», 1950, № 5.

с приведением количества надельной земли в соответствие с тяглом.

Характерной чертой древней общины являлось мирское самоуправление (сходы, выборность общинных властей), а также круговая порука. За многовековую историю общины именно административные функции общины претерпели сильные изменения. Феодалное государство с момента своего возникновения столь энергично стало подчинять административные функции общины своим интересам, что мир постепенно утрачивал исконные широкие права по управлению крестьянами. Общинные органы начинали действовать в интересах господствующего класса. Административные функции общины в значительной мере, как и поземельные права последней, оказались подчиненными податным целям. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал «тягловые», «фискально-крепостнические» черты общины периода позднего феодализма²².

Сохранялась выборность мирских органов власти: волостных старост, десятских, действовали мирские сходы. Однако принцип выборности указанных должностей сводился на нет давлением феодалов и представителей государственной власти. Власти Александро-Свирского монастыря рекомендовали выбирать в мирские органы только крестьян «добрых», «прожиточных». Выбор санкционировала вотчинная канцелярия, лично архимандрит. Санкционируя выбор, архимандрит каждый раз накладывал на выборные грамоты следующую резолюцию: «Справить в конторе, ежели нет по оному выбору... какого подозрения, то дать инструкцию»²³. Выборным вручали в вотчинной конторе инструкцию, излагавшую функции старосты и десятского, порядок управления крестьянами²⁴. Выборные мирские власти в Александро-Свирской вотчине, как вообще в русской деревне XVII—XVIII вв., являлись надежной опорой вотчинника. Вступив в должность, они выполняли предписания господина, изложенные в инструкции: обеспечивали неусыпный контроль за крепостными, наблюдали за тем, чтобы в подведомственных им деревнях не было беглых крестьян, солдат и обо всех таких случаях должны были сообщать в монастырскую контору. Они призваны были обеспечивать выполнение населением государственных и владельческих повинностей.

²¹ Я. А. Балагуров. Приписные крестьяне Карелии в XVIII—XIX в. Петрозаводск, 1962, стр. 202.

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 38 и др.

²³ ЛОИИ, ф. 3, оп. 1, к. 24, д. 8, л. 131.

²⁴ ЛОИИ, к. 26, д. 2, л. 2; к. 21, д. 12, лл. 1—2; к. 22, д. 5, л. 131.

Круговая порука — это древнее общинное начало, теперь помогала «бездоимочно собирать платежи не только за «живущее», но и за «пустоту». Крестьянин-отходник обязан был представить поручителя, который бы отвечал за исправное поступление платежей от отходника, а в случае неуплаты и вносил бы их за него и выполнял работы. В 1751 г. десятский дер. Гакручий сообщал в вотчинную канцелярию, что крестьянин Никита Петров просит дать ему годовой паспорт, «а в платеже подушных денег и прочих по указам, также и монастырския работы... взялся за него отправлять брат его двоюродной Иван Ларивонов с порукой». Среди материалов об отходничестве подобных свидетельств немало²⁵.

Монастырские власти отдавали на поруки своим крепостным беглых, возвращенных в вотчину. Если же последние вновь убегали, обязывали поручителей организовывать розыски, а до поимки выполнять за них повинности²⁶.

И все же при всей принудительности мирского самоуправления в административных функциях общины в первой половине XVIII в. продолжало жить древнее начало. Его можно усмотреть и в продолжавшей существовать системе выборности мирских органов, и в круговой поруке членов общины, когда непосильность податей, выплачивавшихся крестьянами, смягчалась мирской раскладкой, при которой учитывалась платежеспособность каждого дворохозяина. В 1735 г. крестьяне Сермакской волости освободили от платежа подушных семью умершего Лаврентия Поморцева, распределив эту сумму между членами мира²⁷. Верная своим древним началам, община практиковала систему отчетности старост перед миром. Вновь выбранный староста и все мирские люди «ежегодно считывали» старосту, отбывшего свой срок²⁸. Наконец, мирские сходы — в прошлом действенные органы народоправства, в XVII—XVIII вв. обычно собиравшиеся по предписанию монастырской администрации и принимавшие зачастую решения, продиктованные вотчинными властями, в периоды назревания крестьянских волнений и восстаний выступали во всем своем прежнем могуществе. Классовая борьба в Александровской вотчине в первой половине XVIII в. несколько раз выливалась в форму волнений и восстаний. Особенно сильными были выступления крестьян в 1727—1730 гг. и в

²⁵ Там же, ф. 3, оп. 1, к. 9, д. 216, лл. 1—1 об; к. 27, д. 2, лл. 160, 160 об; к. 26, д. 3, л. 136; к. 24, д. 10, л. 205 и др.

²⁶ ЛОИИ, к. 24, д. 8, л. 139.

²⁷ Там же, к. 22, д. 9, лл. 151—151 об.

²⁸ Там же, ф. 3, оп. 1, к. 22, д. 5, л. 131.

1760—1764 гг. В эти периоды руководящая роль общинных органов и значение крестьянского мира выступают особенно выпукло. Все вопросы борьбы с монастырем решались на общих собраниях крестьян. Мирские органы, члены которых действовали по указке монастыря, в ходе волнений были переизбраны. Они превратились в органы восстаний. Всем миром обсуждались и составлялись челобитные, миром снаряжались ходоков для подачи челобитных, миром вырабатывались методы борьбы с монастырем и т. д.²⁹

Таким образом, община крестьян Александрово-Свирской вотчины в первой половине XVIII в. находилась в стадии разложения. В то же время и в этот период сохраняются такие черты общины, которые позволяют считать ее соседским поземельным объединением крестьян, обслуживавшим их нужды, сохранявшим черты самоуправления.

---

²⁹ ЛОИИ, к. 10, д. 68, лл. 28—28 об.; к. 26, д. 2, лл. 5—6, 8; к. 14, ч. 6, лл. 113—114.

Л. С. Прокофьева

ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КРЕПОСТНОЙ ОБЩИНЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

(процедура оформления крестьянских договоров)

На протяжении столетий в жизни крестьянской общины, в том числе и в крепостной, самой важной стороной было владение и пользование землей. Именно формы землевладения и землепользования, составляя ее материальную основу, обуславливали тот или иной тип общины и его хозяйственную специфику, определяли пути ее дальнейшего развития.

В условиях феодальной общественно-экономической формации «расположение» общины на земле вотчинника ставит ее в положение зависимости от феодала как собственника земли и подвергает все стороны общинной жизни, включая и поземельные отношения, строгой регламентации. По справедливому утверждению В. А. Александрова, «общественный и хозяйственный статут крепостной общины в составе вотчины конкретно обуславливались частнофеодальным правом»¹. В области хозяйственной применительно к формам землепользования действие частнофеодального права означало строгое прикрепление крестьян к наделу.

Постоянное вмешательство помещика и его администрации в хозяйственную жизнь крестьян даже дало основание некоторым исследователям полагать, что в крепостной России феодальные отношения задавили собой проявление всякой крестьянской самостоятельности. Так, один из исследователей русской общины К. Р. Качоровский отмечал, что отношение крестьян к земле было «механизировано крепостным правом, не давшим (как общее правило) пробиться в нем ни одному ростку обычного крестьянского права»². Не отрицая действия обычного права во всех остальных областях хозяйственной и бытовой жизни крестьян, автор самым категорическим образом отрицал его влияние в сфере поземельной. Правда, при-

¹ В. А. Александров. Сельская община и вотчина в России (XVII — начало XIX вв.) — «Исторические записки», т. 89, стр. 282.

² К. Р. Качоровский. Русская община. М., 1906, стр. 316.

веденная точка зрения не является единственной, существовали и другие мнения в отношении пользования крестьянами надельной землей. В поземельных отношениях, как отмечал в свое время С. В. Пахман, громадное большинство нашего населения руководствуется не письменными законами, «а правилами, слагавшимися путем обычая, во многом не согласованными с началами законодательства»³. На то, что «обычай выступал самостоятельным и почти единственным источником права в поземельных вопросах», указывает также Л. Н. Вдовина⁴. Применительно к формам землепользования обычное право, основанное на семейных, имущественных и трудовых началах, означало некоторую свободу распоряжения. Эта сторона в области землепользования помещичьих крестьян была замечена некоторыми исследователями. Так, И. В. Чернышев, например, заметил, что в XVIII в. крепостные крестьяне с. Архангельского «свободно покупали, продавали и закладывали земельные участки»⁵. К сожалению, И. В. Чернышев в доказательство выдвинутого положения не привел конкретный материал, поэтому вопрос о способах пользования надельной землей во владельческой общине остаётся открытым. Некоторое исключение в этом плане составляет статья А. Л. Шапиро, в которой говорится об отчуждении земли в форме продажи⁶. Приведенный в этой статье материал, однако, относится к разным вотчинам, поэтому не представляется возможным судить ни о масштабах продажи земли, ни о других формах ее отчуждения, ни о процедуре оформления крестьянских поземельных сделок.

Нельзя, конечно, ограничиться представлением К. Р. Качоровского, который утверждал, что крепостная община с ее уравнительным землевладением отражает на себе лишь вековую историю постоянного вмешательства помещика в поземельные отношения крестьян. Проблема изучения поземельных отношений требует к себе более широкого подхода, ибо крепостная община характеризуется не только крестьянским беспорядком, но и сохраняет в себе подобно германской марке

³ С. В. Пахман. Обычное гражданское право в России, т. I. СПб., 1877, стр. VII.

⁴ Л. Н. Вдовина. Поземельные отношения и крестьянская община в монастырских вотчинах первой половины XVIII в. Автореферат. М., 1974, стр. 9.

⁵ И. В. Чернышев. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Пг., 1918, стр. 11.

⁶ А. Л. Шапиро. Крестьянская община в крупных вотчинах первой половины XVIII в. — «Уч. зап. Саратовского госуниверситета». т. I (XIV), серия историч. факультета, 1939, стр. 49—55.

своего рода «изумительную приспособляемость»⁷ к разнообразнейшим правам собственности на землю. Это означает, что общинная жизнь в какой-то мере всегда опиралась на традицию и выливалась в довольно устойчивые формы, диктуемые естественным ходом крестьянской жизни.

Основанием для такой устойчивости общинных традиций служила непрекращающаяся связь крестьянского хозяйства с землей, закрепляемая земельным наделом. Она закреплена передачей помещиком права владения землей общине, которая в свою очередь предоставляет право пользования ею каждому из своих членов, так как право крестьянина на землю есть коренной и существенный элемент общинного владения. На предоставляемом общиной земельном наделе крестьянин заводит хозяйство — двор, в котором допустима крестьянская самостоятельность, основанная на трудовых и индивидуальных началах, в тех границах, в которых она не нарушает интересов общины в целом.

Земельный надел, следовательно, в условиях крепостной общины является тем феноменом, в котором, как в фокусе, преломляются, с одной стороны, интересы помещика, с другой, — общины и крестьянина. Совокупность отношений феодала к земле как его собственности, дает основание для проявления частнофеодального права, совокупность отношений крестьянина к земле по праву пользования ею и как к объекту приложения его трудовых усилий дает основание для проявления обычного крестьянского права. Как же проявляют себя эти обычные нормы в крепостной общине?

В известной мере ответ на поставленный вопрос позволяют дать обнаруженные в вотчинном фонде Шереметевых по Молодотудской волости так называемые полюбовные крестьянские записи, регистрировавшие различные крестьянские сделки, в том числе и поземельные. Эти записи чаще всего входили в состав записных книг, которые велись в Молодотудском вотчинном правлении на предмет регистрации различных крестьянских соглашений⁸.

По своему характеру поземельные полюбовные крестьянские записи разделяются на несколько видов. Первую группу составляют записи, регистрировавшие обмен надельной землей, вторую группу — «сдачу» всей земли или ее части друго-

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 337.

⁸ Первое впечатление о том, что представляют собой эти книги, дает надпись на одной из них: «Здесь записываются полюбовные записки, подписки и росписки, мировые сделки и контракты 1781—1782 и 1791 годов». (ЦГИА СССР, ф. 1088, оп. 20, д. 1052, л. 1).

му крестьянину под условие выплаты с нее повинностей⁹, третью группу составляют записи, оформлявшие продажу движимого и недвижимого имущества (их меньшинство). Приведем в качестве примера одну из записей. 5 апреля 1757 г. «на графском дворе в приказной избе крестьянин дер. Большие Ржища Степан Лавринов и крестьянин дер. Желтухиной Фома Григорьев, поговоря между собой, полюбовно договорились о том, что поменяли они тягло на тягло и хоромное строение, окромя ржи, которая посеяна к нынешнему году и пожитков и скота»¹⁰. Данная полюбовная запись, таким образом, фиксирует обмен тяглыми участками и хозяйственными постройками. «А переходить из деревни в деревню,—говорится в записи,— в августе месяце, а плату платить сего 1757 г. июля с первого числа всю бездоимочно. О том они сей договор и написали».

Из текста записи видно, что ее конкретная часть включает в себя следующие элементы: 1) время заключения сделки (апрель 1757 г.), 2) место ее оформления (приказная изба), 3) перечень договаривающихся сторон (крестьяне — Степан Лавринов и Фома Григорьев), предмет заключения сделки («тягло и хоромные строения»), 5) обязанности договаривающихся сторон «платить плату (имеется в виду выплата помещичьих повинностей и государственных платежей — Л. П.) бездоимочно». Иногда при этом указывались лица, ведшие и удостоверявшие запись. Было бы неправильно полагать, что по своему характеру полюбовная запись есть совершенно новый документ, который сложился в крепостную эпоху под влиянием тех или иных условий вотчинного режима. Полюбовная запись, выражавшая частное соглашение между крестьянами, несмотря на то, что она обставлена атрибутами вотчинного режима, о чем свидетельствует тот факт, что запись оформлялась на графском дворе в приказной избе, исторически восходит к своему прототипу, к крестьянскому акту.

Приведенная выше крестьянская запись восходит к меновой. В ней налицо такие элементы крестьянского акта¹¹, как контрагенты сделки — крестьяне и предмет сделки в данном случае — «тягло» и крестьянские постройки. Если подойти к объекту сделки с точки зрения крестьянского поземельного

⁹ Подобные сделки отмечены Л. Н. Вдовиной в Иосифо-Волоколамском и Пафнутьево-Боровском монастырях. (Л. Н. Вдовина, Указ. соч., стр. 14—15).

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1088, оп. 20, д. 544, л. 15.

¹¹ А. И. Копанев. Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в.— «Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России», Л., 1972, стр. 115.

акта, то окажется, что земля как бы выпадает из поля зрения контрагентов. В приведенном выше крестьянском договоре между Лавриновым и Григорьевым слово «земля» не упоминается, хотя часто употребляемый в полюбовной записи глагол «владеть», содержащийся в той части, где речь идет о предмете сделки, обычно ассоциируется со словом «земля». Отсутствие в полюбовных записях конкретных указаний на землю как на объект сделки не означает, что она не является предметом отчуждения. Ссылка на «тягло» выражает лишь внешнюю оболочку сделки, ее форму, представляя один из моментов наслоения на частные и общинные отношения отношений феодальных. Само по себе тягло выражает лишь некую, скорее идеальную, чем реальную, способность данного крестьянского хозяйства к уплате податей. Совершенно естественно, что этот неосязаемый предмет не мог быть фактическим объектом сделки, ибо всякая сделка реализуется в конкретной форме, тем более, что сельская община проявляет свою хозяйственную жизнеспособность в качестве формы земледельческого производства. То обстоятельство, что в конкретной части полюбовных крестьянских записей чаще всего фигурирует тягло, а не земля, отражает собой изменения в положении общины, когда она под влиянием потребности в ней феодала превратилась в замкнутый союз, поставленный на службу фиску. Сказались на этом, безусловно, и те изменения, которые происходили в системе государственного налогового обложения.

Поскольку необходимым условием пользования землей в крепостной общине была выплата податей, поскольку земля в вотчинах Шереметевых распределялась по тяглам, постольку формально предметом сделки было тягло, а реальным — земля. Последнее тем более очевидно, что в представлении русского крестьянина тягло было неразрывно связано с землей. В вотчинах Шереметевых, как и в вотчинах других помещиков, за распределением тягол между крестьянами стояло распределение земли. Зависимость поземельных отношений от тягла хорошо выражена в заявлении крестьянина Н. Фомина: «Имеется подо мною тягла в деревне Хмелевке пятая доля третника, на которое тягло он, Никита, и берет землю»¹². Иногда в самих полюбовных записях оговаривается, какой вид угодий приходится на обменное, «сданное» и проданное тягло. Так, в полюбовной крестьянской записи 1753 г., оформлявшей договорные отношения между крестьянами Фоминым и Маркеловым, указывается, что первый сдал

¹² ЦГИА СССР, ф. 1088, оп. 20, д. 272, л. 2.

одну шестую долю третника «как в усадебной и огородной, так и в полевой земле и в сенных покосах»¹³.

Для заключения поземельной сделки крестьянину было безразлично, на каком именно праве принадлежит ему земля: на праве ли собственности или на праве владения. Обычно отношение крестьянина к земле в повседневной жизни, в том числе и в крепостной общине, определялось формулой: я тружусь на земле, следовательно, владею землею и имею право ею распоряжаться.

Кроме обмена и «сдачи» земли другому лицу, отчуждение ее иногда принимало форму купли-продажи. Такая сделка с выдачей подлинного договора на руки, например, была заключена в 1791 г. крестьянином дер. Черенцы Григорьевым и крестьянином дер. Яблонки Мироновым, согласно которой Григорьев «отдал ему, Миронову», записанное на его имя тягло в дер. Высокие Булахи — «одну осьмую долю и с хормным строением и с лежащим на дворе навозом за 15 руб.»¹⁴. Наиболее определенно о продаже земли говорится в полюбовной записи крестьянки дер. Загузья Дмитриевой и ее соседа Степанова, которая «продала ему, Степанову, недвижимое дворовое, кроме стоящего одного амбара, хормное строение все без остатку и тягловую свою землю одну восьмую третника со всем усадом, ценою за 20 руб.»¹⁵.

Частные договорные отношения находят свое выражение в следующих моментах записи договора: «Поговоря между собой полюбовно договорились»¹⁶, или «в том сей договор и написать приговорили»¹⁷, или «в чем сей полюбовный договор и дали»¹⁸, или «в том между собой полюбовно и расписались»¹⁹. Выражением свободы договорных отношений является тот факт, что крестьянская полюбовная запись названа иногда «договорным письмом»²⁰, «полюбовной росписью»²¹, «полюбовной меной»²².

Договорные отношения, входившие «в систему правового быта», имели своей конечной целью регулирование отношений в поземельных делах на основе естественных потребно-

¹³ ЦГИА СССР, ф. 1088, оп. 20, д. 414, л. 16 об.

¹⁴ Там же, д. 1052, л. 36 об.

¹⁵ Там же, д. 1512, л. 19.

¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 1088, оп. 20, д. 333, л. 4.

¹⁷ Там же, д. 451, л. 19 об.

¹⁸ Там же, л. 19.

¹⁹ Там же, д. 1052, л. 4 об.

²⁰ Там же, д. 451, л. 9.

²¹ Там же, д. 1052, л. 3.

²² Там же, д. 170, л. 44.

стей крестьян. Но это был лишь первый момент в оформлении крестьянской полюбовной записи.

Известно, что крестьянский двор входил в состав соседской общины, поэтому мы должны выяснить степень и характер воздействия последней на заключаемую между крестьянами сделку. В самих полюбовных записях об отношении соседской общины к договаривающимся сторонам нет упоминаний, тем не менее нельзя отрицать самого пристального внимания соседской общины к заключению крестьянского договора. При заключении полюбовной крестьянской сделки для общины было крайне важно, чтобы пришедший в ее состав новый крестьянин соблюдал все обязанности, которые для общинника были непеременимыми. Вполне вероятно полагать, что оформлению полюбовной крестьянской записи в вотчинном правлении предшествовал деревенский сход, который подтверждал частное соглашение. На это, в частности, намекает заключительная часть полюбовной крестьянской записи, оформлявшей договор между крестьянами Федоровым из дер. Горенки и Яковлевым из с. Молодой Туд — «в том они сей договор и написать приговорили»²³. Такая же концовка содержится в полюбовной записи крестьян И. Семенова и К. Павлова, а полюбовная крестьянская запись, оформлявшая договор между крестьянами Л. Степановым и С. Дмитриевым, даже названа «приговором»²⁴. Слово «приговорили», «приговор» есть атрибут решений мирских сходов, и в данном случае может служить свидетельством того, что частные полюбовные сделки совершались с санкции соседской общины. Косвенно об этом свидетельствуют данные других источников. В окладной книге 1754 г., например, записано: «перепустить крестьянина дер. Борисовки Василия Харитоновна на пустошь Сухареву в тягло четверть третника по усмотрению *сусе-дов*»²⁵. О самом непосредственном участии в поземельных делах общины свидетельствует также «подписка *соседам своим*», которую дал крестьянин дер. Хмелевки Абрамов, касающаяся того, что после переселения его на новое место его старый участок «за соседями останется»²⁶. На участие общины в решении поземельных дел указывает также приказ вотчинного правления, последовавший на просьбу крестьянина дер. Рябиновки Васильева, который «за неимением в деревне

²³ ЦГИА СССР, ф. 1088, оп. 20, л. 333, л. 4 об.

²⁴ Там же, лл. 2, 4.

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 1088, оп. 20, д. 458, л. 63. Подчеркнуто мною—

Л. П.

²⁶ Там же, д. 2104, л. 33.

достаточного количества земли» просил разрешения перейти в дер. Устье. В ответ на просьбу вотчинное правление затребовало подтверждения согласия как крестьян дер. Рябиновки о переходе соседа, так и крестьян дер. Устье в отношении приема в соседство нового крестьянина пересылкой соответствующих сказок²⁷.

Заключение крестьянской поземельной сделки, таким образом, происходило под контролем соседской общины, и это совершенно естественно, так как крестьянская община могла допустить самостоятельность того или иного крестьянина лишь в тех пределах, в которых его личная инициатива не нарушала установленной системы хозяйствования. В случае, если условия поземельной сделки были невыгодны общине, она оказывала сопротивление ее заключению и реализации. Сильное противодействие со стороны крестьянского мира пришлось испытать, например, крестьянину дер. Большие Кадны Е. Прокофьеву, который заключил договор об обмене земельными угодьями и хозяйственными строениями с крестьянином дер. Евдокимово Агафоновым. Однако заключению частного соглашения и реализации договора оказали сопротивление крестьяне дер. Евдокимовой, заявив, «что они Егора Прокофьева принять к себе в соседи не желают, потому что у него не имеется ни одной лошади, ни коровы, кроме одной маленькой свинки, отчего и земля может быть пустой и подати он будет платить ни в силах»²⁸. Сопротивление было настолько сильным, что вотчинное правление, куда обратился Прокофьев, вынуждено было встать на сторону соседской общины и принять решение о недопущении Прокофьева к владению тяглой землей в дер. Евдокимово. Точно такое же сопротивление пришлось испытать крестьянину Васильеву, которого крестьяне дер. Мошны «на землю перешедшего в другую деревню крестьянина Егорова в соседство принять не желали»²⁹. Аналогично в 1797 г. крестьянин дер. Малая Гремячая Антонов заключил соглашение с крестьянами дер. Горбатки о переходе на землю умершего крестьянина. Однако крестьяне дер. Малой Гремячей «снять его тягло на себя не желали»³⁰. При отсутствии у Антонова родственников такое заявление было препятствием для заключения соглашения с крестьянами дер. Горбатки.

---

²⁷ Там же, д. 2128, л. 5.

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 1088, оп. 20, д. 225, л. 3.

²⁹ Там же, д. 2252, л. 14.

³⁰ Там же, д. 2119, л. 8.

Подтверждением согласия на то или иное частное соглашение еще не исчерпывалась возможность влияния общины. Запись договора, как мы отметили выше, осуществлялась в вотчинном правлении, в котором состояли представители крестьянского мира — выборный, староста, целовальники. Они, как правило, были свидетелями занесения договора в вотчинные книги. В 1798 г., например, договорная поземельная запись крестьянина дер. Метелицы Ильина и крестьянина дер. Заболотной Иванова на предмет сдачи части тяглой земли оформлялась в вотчинном правлении при свидетелях, «выборном, старосте Ефимове и рекрутском отдатчике Осипове»³¹. Полюбовная крестьянская запись 1793 г. крестьян дер. Рябиновки Сергеева и Никитина была оформлена при выборном Ильине и старшине Ереме Матвееве³². Точно так же в 1791 г. сделка по обмену движимым и недвижимым имуществом между крестьянами Прокофьевым и Васильевым была совершена при свидетелях выборном Григорьеве и дворовом человеке Петрове³³. Оформление крестьянского договора в вотчинном правлении, таким образом, как бы подвергалось вторичному контролю, но это был, если можно так сказать, контроль особого рода, ибо представители крестьянского «мира», вошедшие в состав вотчинного правления, представляли не только интересы общины, но и интересы помещика. Именно здесь при заключении крестьянского соглашения под самый строгий контроль попадала передача платежеспособности одного крестьянина другому. Но и это подчас была не последняя инстанция, которая контролировала оформление поземельной сделки.

Надельное крестьянское землевладение в крепостной общине носило несвободный характер, что проявлялось не только в том, что оно находилось под контролем общины, но и в том, что оно было оплетено густой сетью крепостнических отношений, поэтому к оформлению крестьянского договора в форме полюбовной записи имели непосредственные отношения не только представители общины, но и представители помещичьей администрации, в частности приказчик. Об этом свидетельствует тот факт, что на некоторых полюбовных записях имеются его пометы. Так, в 1755 г. по договорной записи крестьянина дер. Леонтьевой Филиппова с крестьянином дер. Бабаево Борисовым имеется приписка: «приказчик

³¹ ЦГИА СССР, ф. 1088, оп. 20, д. 2243, л. 6 об.

³² Там же, д. 1512, л. 5.

³³ Там же, л. 39 об.

Данила Ширяев свидетельствовал»³⁴. Подобная помета имеется в договорной записи крестьянки Максимовой с крестьянином Васильевым, а также на соглашении крестьян дер. Бабинки Иевлева и Гаврилова³⁵, и др. Повелительный тон приказчика чувствуется в надписи, сделанной им на договорной записи пятерых крестьян дер. Морщиково, «оное договорное письмо принять и приобщить к прочим таковым делам»³⁶. Весьма любопытна надпись приказчика на полюбовной записи крестьян Суворова и Григорьева — «с повеления прикащика Герасима Прокофьева»³⁷. Она показывает, что при заключении сделки приказчик выступает не в роли свидетеля, подтверждающего условия договора, а в роли официального лица, с санкции которого она осуществляется.

Таким образом, полюбовный крестьянский договор, оформлявший частную поземельную сделку, отражал в себе те изменения, которые произошли в положении общины в период развитого классового общества, когда на общинные отношения наслоились феодальные. Рассмотренный нами вопрос о процедуре оформления крестьянского договора служит иллюстрацией того, что крестьянское землепользование в крепостной общине было окружено запутанной сетью посторонних влияний, которые тормозили общинную самостоятельность и частную инициативу в решении поземельных дел.

---

³⁴ ЦГИА СССР, ф. 1088, оп. 20, д. 451, л. 9 об.

³⁵ Там же, лл. 20, 24 об.

³⁶ Там же, л. 8.

³⁷ ЦГИА, СССР, ф. 1088, оп. 20, д. 1861, л. 47 об.

Т. С. Мамсик

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ОБЩИН
ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН С АДМИНИСТРАЦИЕЙ
КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКИХ ГОРНЫХ ЗАВОДОВ
В 50—80-х ГОДАХ XVIII в.

В настоящее время вряд ли кто-либо может усомниться в существовании поземельной общины у русских крестьян Сибири в период позднего феодализма. Благодаря работам сибиреведов можно представить ее структуру, функции, характер в XVIII — первой половине XIX вв.¹ Дальнейшее изучение сибирской общины требует выявления ее особенностей у разных категорий крестьян, в том числе и у приписных к заводам в Западной Сибири. Сравнительный анализ конкретно-исторического материала позволит сделать более глубокие выводы о месте ее в системе феодальных отношений, характерных для Сибири. Успешное подчинение свободно складывающейся на вновь осваиваемых землях общины задачам феодальной эксплуатации в одной из самых обременительных для крестьян форм, какой была заводская барщина, не могло быть обеспечено одним насилием. Изучение некоторых аспектов взаимоотношений крестьянских миров с горной администрацией позволит уяснить и моменты общей классовой политики правительства в отношении общины.

В нашем распоряжении имеются источники разного происхождения. Назовем, прежде всего, исходящие от начальника заводов указы о компетенции земских управителей, наставления старостам, окладчикам и другим крестьянским выборным, резолюции по поводу прошений крестьян и доношений старост по разнообразным вопросам жизни общин. Важное значение

¹ М. М. Громько. Сельская община в Сибири XVIII—первой половины XIX вв. «Бухрушинские чтения», вып. II. Новосибирск, 1973, стр. 22—34; Л. С. Рафиевко. Сельское управление Сибири в XVIII в.— «Проблемы истории советского общества Сибири (Материалы ноябрьского 1969 г. симпозиума по истории рабочего класса и крестьянства Сибири)», вып. II. История крестьянства Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1970, стр. 95—105; В. В. Рабцевич. Местное управление Западной Сибири в 80-х гг. XVIII—первой четверти XIX ст. Автореф. дисс. канд. ист. наук, Новосибирск, 1973.

имеют поступавшие в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства (далее — Канцелярию) жалобы крестьян на управителей, старост, окладчиков и т. п. Определенный материал содержат следственные дела по поводу «злоупотреблений» в отношении крестьян. Вся эта масса источников сохранилась в фондах местных учреждений того времени, а особенно в фонде Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства Государственного архива Алтайского края. Лишь небольшое количество их было использовано дореволюционными историками².

50—80-е годы XVIII в. были временем интенсивного заселения территории Колывано-Воскресенских горных заводов отчасти принудительного, но в большинстве своем добровольного — алтайские земли привлекали своей плодородностью³. С 1747 г. заводы с окружающими их землями перешли от частного владельца Демидова в собственность монархии как государственного института и считались владением императора⁴. Старожилое население к моменту этих событий было также значительным, но пока еще не все находилось под властью заводов. (Массовая перепись была осуществлена в 1760-х годах)⁵. По большей части оно состояло из государственных крестьян, было объединено в «мирские сообщества», административно подчиненные Кузнецкой и Томской воеводской канцеляриям. Так, в 1748 г. крестьяне Сосновского острога с «общего мирского согласия» собирали деньги на «подарок» новому начальству. Сбор производили староста с выборными⁶.

По мере переписки окрестных крестьян к заводам и возникновения новых деревень, на территории ведомства создавались судные избы во главе с земскими управителями. «...из Кузнецкого ведомства переписано и принято к здешним заводам разночинцев и крестьян немало и для производства над оными по их просьбам разбирательства... и к смотрению в порядочном их житии и расположению к наряду на работы, — писал в 1759 г. начальник заводов Христиани, — назначены

² Н. Зобнин. Переписные крестьяне Алтая. «Алтайский сборник», вып. 1, Томск, 1894; В. И. Семейский. Горнозаводские крестьяне во второй половине XVIII в., «Русская мысль», 1900, № 5.

³ Ю. С. Булыгин. Колонизация русским крестьянством бассейнов рек Чарыша и Алая до 1763 г. — «Вопросы истории Сибири», вып. 1, Томск, 1964, стр. 31; М. М. Громыко. Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск, 1965, стр. 36.

⁴ Г. П. Жидков. Кабинетское землевладение (1747—1917 гг.), Новосибирск, 1973, стр. 259.

⁵ М. М. Громыко. Указ. соч., стр. 36.

⁶ ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 61, лл. 2—13 об.

быть судные избы в Кузнецком городе и Бачатском селе»⁷. Для того, чтобы сократить сроки разбора тяжб и других дел и не иметь дела непосредственно с управителями, некоторые группы деревень подавали в Канцелярию прошение разрешить им в слободе, остроге или селе построить «мирскую» избу и выбирать старосту. Так, в 1777 г. крестьяне Бачатского села через выборных Андрея Кайгородова и Ефима Печеркина подали «за подписью всех той деревни крестьян» горному начальству просьбу: «для случающихся между ними разбирательств в распрях малых, друг другу обидах, разводов в пашнях, сенных покосах, смотрения воров и пришлых людей погодно и поочередно выбирать с переменою старост»⁸.

Инициатива крестьян была результатом жизненного опыта не одного поколения, который подсказывал крестьянскому сознанию, что подчинение государственной администрации через посредство «своих» мужицких властей более удобно для них, нежели подчинение непосредственное. Вопрос же о том, чтобы вообще отказаться от каких-то организационных форм и подчиняться государству в виде отдельных податных душ, сидящих на владельческой земле, даже не возникал. Крестьянство искало и добивалось наиболее выгодных и гибких форм подчинения государству, будучи *объединенным* в сообщества. Уяснив смысл крестьянских потребностей, взгляд крестьян на общину, как на нечто само собою разумеющееся, нельзя не прийти к мысли, что политический дуализм общины (административно-фискальная единица и добровольный союз непосредственных производителей) был результатом упорной борьбы крестьян за некоторую самостоятельность общины в рамках ее подчинения государству.

Администрация шла навстречу крестьянской инициативе — ряд деревень, объединенных под управлением старосты (в деревнях ему подчинялись десятники), превращался в удобную административно-фискальную единицу в системе внутриведомственного управления, она же служила и единицей раскладки заводских повинностей.

Управителям оставался контроль над старостами и другими выборными. Сами же они подчинялись непосредственно Канцелярии, которая по отношению к крестьянам, приписанным к заводам, наделялась большими полномочиями (она вправе была решать все крестьянские дела, за исключением уголовных преступлений). Однако управителей, как ведомст-

⁷ Там же, д. 309, л. 37.

⁸ ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 865, л. 80.

венных чиновников для непосредственного контроля над крестьянами, не хватало. «...За неимением здесь к тому (т. е. быть управителями в судных избах — *Т. М.*) свободных и способных дворян определить некого и в таком случае ныне по нужде и необходимости все вышеписанное поручено выбранным из их братии мужиков простых, старостам», — сообщал в том же рапорте в Кабинет (1759 г.) Христиани. Легко понять беспокойство начальника заводов относительно того, чтобы «не произошло каких конфузий и во исправлении при заводах работ помешательств и остановок...»⁹. Тем не менее, замена управителей старостами изредка продолжалась и впредь. Этому, по-видимому, способствовало не одно только отсутствие дворян, но и некоторые преимущества, обнаружившиеся при такой замене.

Во-первых, не так уж трудно оказалось найти среди местных крестьян грамотного («острого») человека. В 1766 г. староста Малышевской слободы Бархатов просил в Канцелярии о замене себя в должности крестьянином «деревни Грамотиной Федором Ивановым сыном Карповым». «Оной, — писал Бархатов, — человек острой и к письму умеющий... в чем от всех мирских людей за руками их... выбор дан». Сам Бархатов, вероятно, показал себя также человеком достаточно «острым» и потому вопреки традиции был оставлен в своей должности «впредь без смены, также, как и в других слободах, где управителей нет... до того времени, покуда миром сменить пожелают, а на их место лучших избирать смогут...»¹⁰. Частая смена старост, — аргументировало свое распоряжение начальство, — «весьма неполезна крестьянству» — «происходят немалые непорядки и упущения во исправлении по посланным повелениям», ежегодно сменяемые старосты не успевают «присмотрца ко управлению», «полагают вину один на другого». Так возникла ситуация, когда некоторые группы деревень имели «выборного» управителя и подчинялись через него непосредственно «главной команде».

Управителю из крестьян, разумеется, не надо было выплачивать казенного жалованья. «Ежели мне в той службе отмены не будет, то, конечно, приду в крайнее разорение и нищету, — заявлял староста Бархатов. Начальство и тут нашло выход: «дабы они (старосты — *Т. М.*) от службы не отбывали и не разорились... во все время той их службы, как самих, так и семейства их... в заводские работы не располагать, а взыскивать

⁹ ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 309, л. 37.

¹⁰ ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 455, лл. 191—192.

с них každогодно деньгами, а сверх того им и другую выгоду народом согласясь учинить»¹¹.

Представляется также, что «выборный» управитель устраивал «высшую команду» еще и потому, что бюрократия из дворян не всегда позволяла ей выдерживать свои позиции в отношении крестьянской общины. Так, в 1780 г. вновь встречается указ о смене бийского земского управителя Потылицына старостой Зарешным. О причине такой замены можно судить по характеру предупреждения, которое было перед тем дано управителю: «Потылицыну подтвердить, чтоб он впредь в мирские дела отнюдь не вступался под неупустительным штрафом». В 1762 г. тот же Федор Потылицын писал объяснения в Канцелярию по поводу подозрения, якобы он вмешивался в крестьянский «выбор» и «склонил народ» выбрать в целовальники крестьянина Вилюсова¹².

Высшая заводская бюрократия следила (разумеется, насколько это было возможно), чтобы земские управители не вмешивались в процедуру выборов на мирские должности, в самый момент раскладки повинностей и в выбор рекрут и т. д.¹³. Феодальное законодательство не случайно запрещало такое вмешательство. Это обстоятельство, с одной стороны, также можно расценивать в качестве завоевания общины, а с другой, — как своеобразный психологический подход, помогавший администрации избегать конфликтов с общиной в самые ответственные для ее деятельности моменты. Возникала картина как бы «добровольного» принятия и распределения внутри мира феодальных повинностей, с «общего мирского согласия», между тем, как объем их никогда не соответствовал числу «годных», т. е. работоспособных душ, а «согласие» было формальным, ибо мир обязывал наиболее состоятельных членов выполнять повинности за «негодные души».

¹¹ Там же. Впрочем, в 1775 г. в ведомстве Колывано-Воскресенских заводов в «земских правлениях» имелось 10 человек управителей, среди них крестьянин с жалованьем 80 руб., 2 секунд-майора с окладом 200 руб., поручик — 80 руб., прапорщик — 50 руб., коллежский протоколист — 100 руб., сибирский дворянин — 60 руб., 3 отставных сержанта — 36—40 руб. (ЦГИА СССР, ф. 468, оп. 18, д. 270, л. 29 об.).

¹² ЦГАДА, ф. 1402, оп. 1, д. 32, л. 64; л. 126; ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 362, л. 5.

¹³ ЦГАДА, ф. 1401, оп. 1, д. 26, л. 2; «Подтверждение управителям при выборе старост и раскладчиков не вступаться...» (1775): ЦГАДА, ф. 1402, оп. 1, д. 32, лл. 120—121; дело о выборе дроворубов для выполнения ими повинностей «за все число мужиков». Этот «выбор», как и «роскладка между ими ко облегчению увечных, больных и престарелых, представляется на основании законов в точную между их собою волю, без того, чтоб кто из посторонних в то вмешивался...» (1780 г.) и др.

Политика абсолютизма в отношении крестьянства как класса, определялась системой феодальных отношений, которая предполагала, чтобы непосредственный производитель был работоспособным членом общины, способным к платежу государственных податей крестьянином. Эту цель государство-феодал прежде всего ставило перед общиной. Выражением такой «заботы» была и организация опеки зажиточных над бедными. «До того неоднократно подтверждения были и ныне через сие подтверждается,— гласит указ Канцелярии 11 декабря 1769 г.,— управителям, старостам и всем мирским людям приложить старание... чтобы те лучшие прожиточные крестьяне... ленивцев и шатунов к хлебопашеству и постоянному житию накрепко принуждали...». В указе предлагается, «сколько где можно таковых... расписать, отдать в крепкое смотрение и понуждение их свойственникам или самых ближних деревень лучшим крестьянам». Далее характерная угроза: за неисправившихся будет отвечать мир, а основная ответственность ляжет на состоятельных: «ежели те лучшие... в том прилежании и всекрайнее старание и крепкое смотрение и понуждение иметь не будут, то принуждены будут за оных платить подати и исправлять работы даже до будущей впредь ревизии...». Роль управителей и старост «в том смотреии» указ подчеркивает особо: «ежели Канцелярия усмотрит их в том нестарание, слабость и поущение, какие прихоти и вымыслы и домогательства, то в страх другим без тяжкого осуждения и штрафа оставить не может»¹⁴.

Такого рода указы свидетельствуют, что государство очень рано, уже в середине XVIII в., боролось с разложением общины. Используя зажиточных преимущественно на выборных должностях оно преследовало по крайней мере две цели. Во-первых, «прожиточный» крестьянин без особого для хозяйства ущерба отправлял мирские должности даже не будучи на казенном жалованьи. Главное, однако, состояло в другом: опора на сильную имущественно часть крестьянства имела политический и идеологический смысл — «лучшие» как бы ставились в пример остальной массе и поощрялись в глазах «общества». Власть, которой они наделялись, служила наградой за умение и «всекрайнее старание в своем хозяйстве». Но на этом логика классовой политики не завершалась. Каждый «лучший» по этой логике был в ответе за своего несостоятельного соседа либо родственника. Государство приспособляло и морально-воспитательную функцию, столь свойственную

¹⁴ ЦГАДА, ф. 1402, оп. 1, ч. 1, д. 21, лл. 853—854.

общине к задачам консервации общественных отношений. Ей же, как известно, была подчинена и круговая порука. Придерживаясь принципов прямого невмешательства в мирскую жизнь, администрация находила способ поддерживать в общине патриархальные традиции — заботу сильных («лучших») о благополучии всего общества. Нетрудно заметить, что подобная позиция отнюдь не противоречила сознанию большинства крестьян и находила определенный отклик в нем, порождала веру в «справедливость» того, кто издавал подобные указы.

В то же время, поручая «мирское благополучие» «лучшим», администрация не выпускала из поля зрения (насколько это было возможно), как их, так и тех управителей, которые осуществляли над ними контроль, но при этом больше заботились о своих, нежели о государственных интересах. Вмешательство управителя в мирские дела, как правило, свидетельствовало о стремлении его получить подарок-взятку или отомстить тому, кто не дал ее вовремя. Региональные материалы о «злоупотреблениях» управителей и старост иллюстрируют это с достаточной полнотой. Так, в 1770 г. каинские крестьяне собрали 20 рублей «для отсылки в поклон бывшему тогда в Чеуску управителю Соколову», а позже — занявшему его место майору Беликову. Расследовавший дело капитан Терской писал в Канцелярию по этому поводу: «Беликов, не имея ни малейшей нужды в достатке... покусился получением безденежной муки 70 пудов, и хотя... посылка за оную денег извиняет... (как и то — Т. М.), что он во взятке будто снисходил к неотступной о том крестьянской просьбе, однако ж за поползновение ко взяткам подлежал тяжкому штрафу...»¹⁵.

В 1777 г. крестьяне с. Бачатского жаловались в Канцелярию на управителя Мельникова, который «...всегда их волочит и за малыми разбирательствами проживают они в Кузнецку долговременно, особенно во время отлучек ево на собственную заимку... а выбранных от них раскладчиков также продерживает напрасно...» При этом крестьяне добавляли, что и с двумя «бывшими прежде» управителями, один из которых нынешнему брат, а другой — отец, «бывали у них ссоры». Жалоба крестьян была принята к сведению, им разрешено для решения мирских дел выбирать старосту, а на «незаконные» поступки управителя Мельникова позволено впредь, «если таковые будут, приносить жалобу»¹⁶.

¹⁵ ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 705, лл. 281, 351.

¹⁶ ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 865, л. 80.

В тех случаях, когда управители, получив взятку, оставляли крестьян в покое, как это было с майором Беликовым, полный простор получали злоупотребления крестьянских выборных. Крестьяне в своих жалобах на выборных перечисляют в числе поступков, противоречащих «присяжной должности», следующие: «неуказные сборы» денег, взятки за скрытие от переписи детей; за незаконную приписку пришлых из других ведомств, за позволение переселиться в «неуказное» место; за непосылку в «мостовую» или другую мирскую работу в страду; освобождение от подводной гоньбы «сродников», т. е. родственников; оставление «на деньгах» «прожитошных», посылка вместо них в заводские работы «маломочных» и т. д.¹⁷

Каждая такая жалоба на старосту, казалось бы, не дает повода делать вывода об известной полярности интересов в общине, но взятые в совокупности, они создают объективную картину отношений, в которой нетрудно уловить момент, когда интересы крестьянина-собственника приходят в известное противоречие с принципами общинной жизни, подчиняют себе до некоторой степени соседские, родственные и религиозные чувства.

Такие жалобы обнажали беспомощность крестьянина-труженика перед эгоистическими стремлениями своего более сильного собрата. Те же каинские крестьяне (1777 г.) писали в своей жалобе начальнику заводов: «... просим на свою братию... (ибо они—Т. М.) на скудных полную работу накладывают, а з богатых складывают, прикажите нам своей братии поравняться, чтоб мы были не обижены, и прикажите нас бедных не разорять»¹⁸. Феодалная администрация по мере своих возможностей осуществляла защиту «обиженных», так как это не только не мешало выполнению основных задач классовой политики в отношении общины, но и способствовало ему. Несправедливое решение мира по раскладке заводских работ крестьянин мог обжаловать в Канцелярии. Если окладчик совершал случайную или намеренную ошибку, он обязан был залатить обиженному, либо работу выполнить лично сам. Так, в 1757 г. для заводской работы был выслан бердский крестьянин Соколов, но оказался «весьма малоросл и... малолетен». Горная канцелярия распорядилась: «...если его отец суще дряхл и болезни имеет, то выслать одних окладчиков, коим за них всю работу исправить одним»¹⁹. В 1765 г. в ответ

¹⁷ Там же, д. 521, д. 75: д. 232, лл. 1—47 (1757 г.); д. 313, лл. 55—56 об. (1761 г.); д. 705, лл. 260—506 (1776 г.) и др.

¹⁸ ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 705, лл. 281—351.

¹⁹ ГАТО, ф. 140, оп. 1, д. 232, л. 409.

на жалобу «одинокого и маломощного крестьянина» Пинегина, администрация приказала Красноярской земской избе в деле разобраться и «при собрании крестьян и лучших людей» с раскладчика Быкова «за неправильную его роскладку... 3 рубля взыскать», что было и выполнено²⁰. В 1766 г. по просьбе крестьянина Бошева управителю велено разобраться, действительно ли он «одинок, беден и против своей братии отягощен работой... и велеть заплатить окладчику или с согласия мирского взыскать с миру и его Бошева удовлетворить». Однако, «выборные, окладчики и прочие мирские люди подпискою объявили, что оной Бошев человек прожитошный и не бедной... и затем, как с окладчика Костина, так и с миру денег несколько не взыскано»²¹.

Крестьянские жалобы свидетельствуют, что со стороны старост и управителей очень часто оказывалась «поноровка» какой-либо из сторон тяжущихся. Именно по этой причине крестьяне и обращались за разбором тяжб непосредственно в Канцелярию, а в случаях, когда обнаруживались злоупотребления, касающиеся интересов большей части мира, они даже настаивали на этом. «...Помилосердствуйте, ваше превосходительство, дабы мы нижайшие против прошения нашего притеснения не имели... а виновных не соблаговолено ли будет... милостивым указом призвать в вашу главную канцелярию для рассмотрения...» Дело в том, что решиться на подобную просьбу мог не каждый «обиженный», так как ядро мира из лучших во главе со старостой достаточно дружно защищалось против большей по количеству, но разбросанной по деревням части его. Присланный же для разбора дела управитель либо офицер из Канцелярии чаще вел дело так, что крестьяне «показывали на пользу винных», отказывали в поддержке челобитчику, «по увещеванию» признавались «добровольно», что действовали «по научению»²². Нетрудно себе представить, как в такой ситуации нарастала атмосфера «внутреннего злобства», по выражению одного из таких следователей, а выискавшемуся челобитчику предстояло жить в ней всю жизнь.

Однако не следует слишком сгущать краски относительно характера внутриобщинных отношений в изучаемое время. Разрешение подавать жалобу непосредственно в Канцелярию свидетельствовало об относительно малом их количестве, что в свою очередь объяснялось действенностью обычного права.

²⁰ ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 362, л. 242 об.

²¹ Там же, л. 224.

²² ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 705, лл. 281—351. Из жалобы каинских крестьян на злоупотребления выборных, 1774 г.

Большинство дел решалось внутри мира «на словах» и не вызвало возражений, лишь наиболее конфликтные из них попадали в Канцелярию. Администрация лишь контролировала действие обычного права, но не разрушала его. Вот один из многочисленных примеров такого рода координации действий администрации и мира. В 1777 г. крестьянин дер. Быковой ведомства Красноярской земской избы Быков «...не уверял (т. е. не доверял — Т. М.) на сотника от земской избы Малахова и десятника дер. Шипуновой Попова», разбиравших дело о потраве у него в поле в кладях хлеба 27 лошадьми крестьянина Пастухова. Тогда для «свидетельствования кладей были посланы на тое пашню выборной Паламошнов с мирскими лучшими людьми...» Обследование места происшествия было не в пользу потерпевшего: оказалось, что «остожье горожено в 5—6 жердей, только весьма худо, колья в землю посажены в 5 вершков... перевити худы, да и городьба редка, жерди есть коротки, едва от кола до кола достигают». А крестьянин Шумков сказал о Быкове: «...ездил я искал своих телят и видел у Быкова остожья жердь выпала, я заложил, ему сказал, на что Быков ответил: я и сам знаю, что худо, да всякий день езжу, досматриваю». Выборные напомнили крестьянину, что в свое время «все десятники и крестьяне единственно сказали, когда мы хлеб сожнем и в клади складем, как хлебы и сена загородим, то и скот отпустим в поле...» Не нашлось и свидетеля, видевшего лошадей Пастухова у остожья Быкова, а «прежде лошади того Пастухова ни у кого остожья не ламывали». В иске Быкову было отказано. Решение подписали 18 крестьян на трех деревень: Нечунаевой, Шипуновой, Быковой. В отчаянии Быков (из 18 кладей хлеба у него осталось не испорченных только 5) бросился в Канцелярию с просьбой пересмотреть дело, но разумеется, получил отказ и нарекания, что писал «недельную» просьбу²³.

Насколько силен и гибок был мир в решении подобного рода дел свидетельствует следующий приговор по тяжбе весьма сходной с предыдущей. В 1788 г. малышевский крестьянин дер. Омутной Кондратий Чанов жаловался на крестьянина Снегирева из дер. Селезневой: двадцать его лошадей съели у него на пашне хлеб «по нужде»..., ибо «шатались без присмотра в зимнее время... и найдя хлеб множественным числом, привалясь тое городьбу изломали». Снегирев крестьянскими доводами был «доведен до признания своей виновности» и согласился добровольно заплатить потерпевшему. Крестьяне уко-

²³ ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 823, лл. 120—121.

ряли его в том, что он непорядочный хозяин — «попуская толь немалое число лошадей... до жестоких морозов как-то до праздника введения дни, то есть до 21 ноября», пускает их шататься по степи «без всякого призрения»²⁴.

Наконец, еще один пример того, как легко можно было то же обычное право, на основании которого решалось большинство мирских споров, при том авторитете, которым пользовались старосты, использовать в угоду более сильному хозяину. В 1767 г. «с. Кашина крестьянин Иван Беспалов просил, а управитель Мельников приказал старосте Осипу Новоселову, сотнику Ивану Яготкину поколотую близ двора вдовы Матрены Ивановой собственную его кобылу... свидетельствовать». Староста и сотник признать «у саней ли подлинно колота» лошадь, не могли и констатировали, что «никого винных тогда не оказалось... только сын вдовы у тех саней стоял и говорил, что ту кобылу прочь... отганивал». Тем не менее вдова вынуждена была «добровольно», с их же слов, отдать хозяину лошади 5 руб. Деньги были отданы Беспалову при свидетелях и тяжущиеся тут же «договорились, чтоб впредь друг на друге о той кобыле ничего более не искать и просьбы не производить». Однако дело о «поколоте» лошади каким-то образом дошло до Канцелярии. Присланным оттуда ордером велено было его пересмотреть — «с. Кашина собрать лучших крестьян и соседей и исследовать в самую сущую справедливость, безволокитно, не норовя и не посягая ни на какую сторону». Формула «помирились добровольно, а не из принуждения старосты», в данном случае явно противоречила заявлению, что «винных тогда не оказалось».

Новая комиссия из выборных к обстоятельствам, изложенным старостой Новоселовым в первом следствии, ничего нового не прибавила, но решение вынесла прямо противоположное: «винности крестьянина Чуракова (сына вдовы)... к платежу денег... не признали...» Деньги вдове были возвращены²⁵. «Справедливость» была восстановлена решением уполномоченных самого же мира, но для этого потребовалось вмешательство «сверху».

В заключение следует сказать, что такого рода жалобы давали администрации законный повод вмешиваться во внутренние мирские дела, хотя в иной ситуации, чреватой конфликтом с миром в целом, она придерживалась принципа «не вступаца». Начальная ступень разложения общины — появле-

²⁴ Там же, л. 211—211 об.

²⁵ ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 394, л. 705.

ние имущественного неравенства служила таким образом, толчком к еще большему подчинению общины интересам феодального государства.

Но та же община оказывается способной к коллективным выступлениям. Правда, основная масса такого рода выступлений (против приписки, против работы за «негодных») начинается после 1780-х годов. До этого многие из них находились еще в стадии формирования, не сложились и органические связи между соседними мирами в пределах волостей.

Мир был силен внутренним скрытым протестом. Это выразилось, во-первых, в едином негативном отношении к исполнению заводских повинностей, как со стороны рядовых членов, так и выборных. Как свидетельствовала сама администрация, выборные, «будучи сами ... в таковых же работах, имея подобно своей братии привычку к огурству... почасту делают поноворку...»²⁶. Порука не оказалась вполне действенным средством по борьбе с «нетчиками». В 1770-е годы в земские избы для высылки в работы направляются солдаты и отставные военные служители.

Выборные способствуют коммутации отработочной ренты в денежную. Вопреки законам берут деньги и самостоятельно организуют найм «вместо себя урок сробить», мир не препятствует с должной строгостью переездам своих членов в неуказанные места при условии, что они вносят подати по месту своего жительства. Не выполняет мир указов о выдаче беглых, «беспашпортных», несмотря на их неоднократность и наказания держателей. Родственные, земляческие, религиозные связи стягивают переселенцев в избранные для поселений места, позволяют с наибольшей эффективностью обходить массу регламентаций, касающихся их быта и хозяйственной деятельности. Они же помогают, например, организовать молчаливую утайку от переписи родившихся незадолго до нее крестьянских детей. Свидетельство тому — многочисленные дела о «прописных», относящиеся к 1750—1760-м годам.

---

²⁶ ЦГАДА, ф. 1401, оп. 1, д. 24, лл. 188—189.

П. Н. Зырянов

ОБЫЧНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО
В ПОРЕФОРМЕННОЙ ОБЩИНЕ

Для миллионов русских крестьян община являлась не только поземельным союзом и общественной организацией. Община во многом определяла и мировоззрение русского крестьянина. Одну из сторон этого мировоззрения составляло обычное право. Поэтому вопрос о его содержании и значении встал в русской историко-юридической литературе и публицистике вместе с вопросом о крестьянской общине. Некоторые исследователи усматривали в обычном праве проявление нравственных и религиозных воззрений русского крестьянства¹. Другие исследователи (например, С. В. Пахман), признавая некоторые особенности обычного права, в том числе значение в нем трудовых начал, вместе с тем настаивали на его принципиальной схожести с действовавшим в России писанным гражданским правом².

Точка зрения Пахмана вызвала возражения народнических писателей. А. Я. Ефименко упрекнула Пахмана в том, что он просмотрел в обычном праве «его душу». Сама А. Я. Ефименко полагала, что обычное право «типически отличается от права культурных классов». Это последнее, по ее мнению, являлось таким же заимствованием с Запада, как и «игра в капитализм». Придавая первенствующее значение трудовому началу в обычном праве, она именно это право считала отвечающим основному направлению «экономического развития народа»³.

Идеализируя общину, народники идеализировали и обычное право. Между тем, как увидим ниже, трудовое начало не

¹ См. Е. Якушкин. Волостные суды в Ярославской губернии.— «Юридический вестник», 1872, № 3, отд. 2, стр. 6.

² См. С. В. Пахман. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки, т. I, СПб., 1877, стр. 43—44, 47.

³ А. Ефименко. Трудовое начало в народном обычном праве.— «Слово», 1878, № 1, стр. 148—149, 170.

было единственным его основанием. Отрицая глубину и необратимость процессов капиталистической эволюции, народники не придали должного значения и начавшейся после 1861 г. перестройке норм обычного права.

Показать основные начала патриархального обычного права, его модификацию и кризис под влиянием капиталистического развития — таковы цели настоящей статьи.

В 1873—1874 гг. были изданы «Труды комиссии по преобразованию волостных судов», заключающие в себе в несистематизированном виде решения волостных судов за ряд лет. Большая работа по систематизации этих решений была проделана С. В. Пахманом, двухтомное сочинение которого, вне зависимости от авторских выводов, используется в настоящей статье в качестве своеобразного источника. Кроме того, привлечены описания различных общин, помещенные в сборнике Русского географического и Вольного экономического обществ,⁴ материалы местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, работавших в 1902—1903 гг.⁵, и ряд других источников.

Обычное право, сложившееся в условиях патриархального быта, отличалось большим разнообразием. Источниками этого разнообразия являлись раздробленность крестьянских общин, замкнутость деревенского «мира», внутри которого проходили целые поколения, почти не соприкасаясь с внешней социальной средой. Тем не менее приблизительная одинаковость условий жизни и труда крестьянского населения, а также ряд других факторов привели к определенной схожести норм обычного права. На обычное право первых пореформенных лет наложили свой отпечаток в основном три главных условия крестьянской жизни: общинное землевладение, коллективная ответственность общины за поступлением податей (фискальная сторона общины) и личный труд как главный источник существования подавляющей массы крестьянства.

1) Общинное землевладение привело к утверждению в крестьянстве соответствующих представлений о праве на землю. Вместе с тем особенности этой формы землевладения обусловили разрыв между правом как таковым и конкретным объектом этого права. В результате обычному праву оказалось чуждо понятие о священной и неприкосновенной частной собственности, являющееся краеугольным камнем буржуазных

⁴ «Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины», т. I, СПб., 1880.

⁵ А. А. Риттих. Крестьянский правопорядок. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб., 1904.

гражданских кодексов, основанных на римском праве. Земля в обычном праве — это скорее не объект собственности отдельных крестьян, а условие труда, на которое имеет право член общины по достижении им определенного возраста. Земля в обычном праве не подлежала наследованию и завещанию. Помимо условной собственности на земельный надел, обычное право ставило известные ограничения и другим видам собственности. Одни из этих ограничений связывались с понятием семьи и двора, другие вытекали из соседских отношений и носили общее название сервитутов⁶.

Хотя понятие о собственности не было вовсе чуждо обычному праву, оно все же не являлось его основанием, и крестьянские суды нередко относились с известной снисходительностью к нарушениям права собственности⁷. В этой связи довольно любопытно следующее наблюдение некоторых исследователей. Входявшие в состав крестьянских наделов лесные угодья оказывались в лучшей сохранности, если составляли предмет владения всей общины. Идти против «мира» решался не всякий крестьянин. Если же лес разбивался на подворные участки, то обыкновенно подвергался быстрому опустошению в результате взаимных порубок⁸. Чаще же в крестьянском наделе лес отсутствовал, и тогда объектом промысла становились соседние владельческие угодья. Поскольку купить необходимый в хозяйстве лес мог далеко не каждый крестьянин, то порубками приходилось заниматься чуть ли не всем. Причем крестьянин видел в этом не правонарушение, а лишь предприятие с известной долей риска⁹.

2. Фискальные функции общины, институт круговой поруки заставляли крестьянский «мир» следить за платежеспособностью каждой хозяйственной единицы. Отсюда проистекал известный контроль «мира», а также и волостного суда, узурпировавшего некоторые права последнего, за хозяйственными операциями отдельных крестьян. Нередко суд или общество признавали недействительной продажу дома или какого-либо строения, «составляющего крестьянскую необходимость». Иногда суд признавал такую сделку законной, а «мир» препятствовал ее исполнению, т. е. не разрешал сносить проданное строение¹⁰.

⁶ См. С. В. Пахман. Указ. соч., т. I, стр. 24—32.

⁷ Там же, стр. 6.

⁸ «Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины», т. I, стр. 369.

⁹ Там же, стр. 330.

¹⁰ С. В. Пахман. Указ. соч., т. I, стр. 6.

Однако наибольшее влияние фискальная сторона общины оказала на понятие семьи в обычном праве. Возлагая ответственность за поступление податей на главу семейства, обычное право ограничивало юридическую правоспособность остальных членов семьи. Рядовой член семьи мог вступать в сделки о личном найме не непосредственно, а через главу семьи. Нередки были случаи, когда глава семьи отдавал в работники своего взрослого сына или брата¹¹. В случае нарушения договора о найме отвечать на суде тоже должен был глава семьи. Но тогда из чисто гражданского дела могло выделиться другое, которое в практике волостных судов рассматривалось как уголовное — дело о неповиновении родительской власти¹².

Но, ограничивая членов семьи в праве распоряжения своим трудом, обычное право ограничивало и глав семейств в свободе распоряжения семейным имуществом. Одной из главных гарантий платежеспособности двора и общины считалось наличие в них трудовых сил. Поэтому «мир» считал себя вправе вмешиваться в такие распоряжения домохозяина, которые вели к подрыву этого источника платежеспособности. В купеческих, мещанских да и в дворянских семьях, например, нередко бывали случаи, когда отец выгонял из дома непокорного сына. Когда же в одной из общин Псковской губернии то же самое сделал крестьянин, то сход запретил ему чинить избу, пока он не выделит изгнаннику части имущества¹³.

Подобное вмешательство имело не столько попечительный, сколько фискальный характер, и это обнаруживается тем фактом, что если действия «большака» не вели к расстройству хозяйства, то жалобы на него членов семьи, как видно на примере некоторых общин, не приводили ни к каким последствиям¹⁴.

Обычное право ограничивало и другие действия главы семейства по распоряжению имуществом. В этом смысле различалось имущество родовое и благоприобретенное. Последнее составляло собственность главы семейства, и он мог распоряжаться им по своему усмотрению. Первое признавалось семейной собственностью, находящейся лишь в управлении домохозяина, и подлежало переходу к законным наследникам¹⁵. К ка-

¹¹ Там же, стр. 56.

¹² Н. М. Астырев. В волостных писарях. М., 1896, стр. 235.

¹³ «Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины», т. I, стр. 329.

¹⁴ Там же, стр. 252.

¹⁵ С. В. Пахман. Указ. соч., т. I, стр. 26—27.

тегории семейной собственности относились земельный надел, усадьба со всеми или некоторыми постройками. Право наследования также, по-видимому, устанавливалось обычаем под влиянием забот о сохранении платежной единицы. В связи с этим приоритет оказывался наследникам, жившим вместе с домохозяином, а их отселенные братья не участвовали в наследстве¹⁶. Наследование по кровному родству, стоявшее на первом месте в общегражданском праве, не отрицалось вовсе и обычным правом. Община лишь следила, чтобы имущество при переходе к тем или иным родственникам не выходило за ее пределы¹⁷.

3 Трудовое начало в обычном праве отчасти находило свою реализацию через самый принцип общинного землевладения. Но иногда в гражданских спорах это начало выступало и самостоятельно. В первую очередь это относилось к весьма частым в условиях крестьянской чересполосицы вольным или невольным запахиваниям чужой полосы или порубок в чужом лесу. Писанное гражданское право в таких случаях всецело становилось на сторону владельца. Обычное же право не считало возможным оставить без вознаграждения труд, затраченный ответчиком. Просительница С. жаловалась суду, что крестьянин Ф. засеял ее пашню овсом, а потому просила разрешить тот овес убрать в ее пользу. Ф. объяснил, что он «пашню засеял, как думает, свою, а может по ошибке и ее». Суд постановил: «Взыскать с Ф. в пользу С. 1 р. 50 к., траву же с тех пашен должен скосить и убрать Ф. в свою пользу». Иногда в пользу засеявшего чужую землю присуждалась половина и даже $\frac{2}{3}$ урожая. Более того, иногда ответчиком в суде бывал как раз тот, в чьи владения было совершено вторжение. Например, Л. жаловался, что К. самовольно забрал дрова, нарубленные Л. по ошибке на участке К., и требовал от К. вознаграждения за затраченный труд. Суд оставил за К. нарубленные дрова, но обязал его выдать вознаграждение в размере 3 руб.

Однако бывали случаи и обратного порядка. Так, например, в одном постановлении крестьянин, засеявший чужую полосу, был не только лишен вознаграждения за семена и труд, но и присужден к аресту на один день¹⁸. Трудно сказать, чем было вызвано подобное решение: или ответчику не уда-

¹⁶ Государственный архив Челябинской области, ф. 143 (земский начальник I участка Шадринского уезда Пермской губернии), оп. 1, д. 87, л. 17.

¹⁷ «Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины», т. I, стр. 220.

лось доказать, что он засеял по ошибке, или постановлено было «глядя по человеку», или же в Полтавской губернии, где произошел этот случай, право собственности прочнее укрепились в крестьянском сознании.

Таковы общие черты обычного права первых пореформенных лет. Обычное право не оставалось неизменным. В общинах, где по тем или иным причинам длительное время отсутствовали переделы, начинали развиваться зачатки наследственного и завещательного права. В 70—80-х годах в отдельных общинах Курской и Тамбовской губерний земля стала переходить по наследству и по духовным завещаниям, нередко к посторонним общине лицам. Происходила и продажа надела, причем общество смотрело на приобретенные наделы, как на неотъемлемую собственность новых домохозяев. Подобные же явления наблюдались в губерниях Таврической, Херсонской, Петербургской¹⁹. Волна переделов, захватившая в 80-е годы многие общины Черноземного центра²⁰, затормозила процесс зарождения частной собственности на общинную землю, проявившийся в обычном праве здешних крестьян. Тем не менее с растущим расслоением деревни борьба вокруг канонов обычного права не прекращалась. Единое и монолитное в условиях докапиталистической деревни, в новых условиях обычное право буквально разрывалось на две части: у одних «уступочные» и «духовные» грамоты, давно признаваемые в крестьянском быту²¹, у других — освященное веками право на надел. Иными словами, у нарождающейся буржуазии — свой обычай, у массы крестьянской бедноты — свой. Затяжная борьба вокруг норм обычного права отражала процесс классовой дифференциации в деревне.

Ввиду такой растяжимости и неуловимости твердых оснований обычного права, в пореформенную эпоху остро встал вопрос о способах удостоверения обычая, и это дало повод к вмешательству правительства. Еще в 1877 г. указом I департамента Сената было установлено, что в случае спора относительно существования обычая, он должен быть доказан. Целым рядом сенатских решений (1876, 1885, 1887, 1891, 1896 гг.) были установлены и способы доказательства обычая:

¹⁸ С. В. Пахман. Указ. соч., т. I, стр. 46—47.

¹⁹ См. В. Воронцов (В. В.). Крестьянская община. В кн.: «Итоги экономического развития России по данным земской статистики», т. I, М., 1892, стр. 159, 161, 163, 167.

²⁰ См. В. Воронцов (В. В.). Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб., 1892, стр. 134.

²¹ О формах юридических документов, сложившихся в крестьянском быту, см.: А. А. Риттик. Указ. соч., стр. 46.

показания крестьян-старожилов и прочих свидетелей, удостоверения должностных лиц крестьянского управления и, наконец, приговоры сельских сходов²². Но и всей совокупностью перечисленных способов, видимо, было трудно «уловить» обычное право. По наблюдениям товарища председателя Орловского окружного суда, нередко случалось, что показания одних свидетелей удостоверляли тот или иной обычай, другие же свидетели его отрицали. Что же касается сельского схода, то в пореформенную эпоху он стал активно вторгаться в нормы обычного права, видоизменять и перестраивать его каноны. В связи с этим многие исследователи замечали, что приговоры схода свидетельствуют не столько об «исторически сложившихся» нормах правосознания, сколько о настроениях данного общества в данный момент. В результате на суде начинали фигурировать обычаи, «выдуманные за вчерашний день»²³.

Нарождающаяся сельская буржуазия скоро стала выступать против обычного права, не видя в нем достаточных гарантий своей собственности. «До сих пор крестьянин-земледелец судится в своем сословном суде, охватывающем все его интересы, по каким-то никому не ведомым местным обычаям, а не по общему гражданскому кодексу,— писал один крестьянин Пермской губернии.— Если в дореформенное время при строго определенном режиме известной системы и сложились те или иные обычаи, то они уже утратили свое обязательное значение теперь, когда крестьянская масса живет и действует под влиянием совсем иных начал и житейских впечатлений»²⁴.

Период более или менее свободного проявления обычного права и борьбы его начал в волостных судах оканчивается в основном где-то в 80-х годах. Приблизительно с этого времени начинается активное вторжение в волостные суды начал правительственной политики и административного усмотрения.

Испробовав указанные выше способы определения «твердых оснований» обычного права, Сенат решениями 1891 и 1896 гг. предоставил волостному суду право «оценки по существу как удостоверения схода о местном обычае, так и всякого другого документа, представленного сторонами в подтверждение или опровержение существования у крестьян того или другого местного обычая, как равно и показаний свидетеле-

²² «Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии. Общее положение о крестьянах...» Издание Земского отдела МВД. СПб., 1916, стр. 27—28.

²³ А. А. Риттих. Указ. соч., стр. 18, 30—31, 34.

²⁴ Там же, стр. 23.

лей»²⁵. Подобные решения по существу предполагали, что волостной суд по своему усмотрению будет творить правовые нормы. Но к этому времени волостные суды оказались в полной зависимости от земского начальника. Профессор А. А. Леонтьев писал, что он лично сталкивался с такими случаями, когда земский начальник наказывал судей за то, что они выносили решение, ему не угодное. Иногда он просто предписывал внести то или иное решение²⁶.

Подобное обстоятельство вело к постепенному вытеснению обычного права из практики волостных судов. При этом у некоторых местных должностных лиц создавалось впечатление, что обычаи вовсе исчезли. По крайней мере, по мнению Епифанского уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности, «их заменило усмотрение — начиная с усмотрения волостного суда и кончая губернским присутствием»²⁷. При этом Епифанский комитет не назвал еще одну, более высокую инстанцию «усмотрения» — Правительствующий Сенат.

«Разъяснительная» работа Сената в отношении норм обычного права особенно активно началась также в 80-е годы. Нельзя сказать, чтобы решения Сената не имели ничего общего с нормами обычного права. Очевидно, Сенат отчасти воспользовался и «Трудами комиссии по преобразованию волостных судов», и сочинением С. В. Пахмана, и даже услугами его самого в качестве сенатора. Однако нормы обычного права, 60—70-х годов, нашедшие отражение в материалах Комиссии, Сенатом догматизировались; кроме того, Сенат развивал и кодифицировал преимущественно одну сторону обычного права, именно фискальную. Решения Сената отражали общий курс правительственной политики, направленный на консервацию деревенской патриархальности, в которой усматривался и источник платежеспособности крестьянства.

Согласно решению общего собрания I, II и Кассационного департаментов Сената от 16 марта 1887 г. член общины мог отдавать свой участок в аренду постороннему лицу не иначе, как с согласия «мира»²⁸. В решении от 12 ноября 1891 г. Сенат определил, что сельское общество вправе воспретить своему члену такое отчуждение принадлежащего ему имущества,

²⁵ «Сборник узаконений и распоряжений правительства...», изд. Земского отдела, стр. 28.

²⁶ А. А. Леонтьев. Крестьянское право. СПб., 1909, стр. 152.

²⁷ А. А. Риттих. Указ. соч., стр. 28.

²⁸ И. Л. Горемыкин. Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния и учреждений по крестьянским делам..., т. I, СПб., 1893, стр. 305.

«которое не вызывается разумною потребностью» и может ввести общество в убытки по платежу повинностей²⁹. При этом имелось в виду как движимое, так и недвижимое имущество и делалась попытка лишить крестьянство частной собственности на всякое имущество. Еще дальше шло решение от 10 сентября 1891 г., согласно которому за сельским обществом признавалось «право вмешательства в хозяйственную обработку и способы культуры, производимые отдельными домохозяевами на их наделных участках мирской полевой земли»³⁰.

В отношении же семейного права сенатская практика создала целую конструкцию крестьянской рабочей семьи, не только обобщив каноны обычного права первых пореформенных лет, но и существенно их дополнив. При этом Сенат исходил из стремления любым способом сохранить устойчивую платежную единицу. Подобное же стремление мы видели в обычном праве начала 70-х годов, но оно прослеживается и раньше, в практике крепостного права, когда помещики часто присуждали наследство не ближайшим претендентам по линии родства, а постороннему лицу, которое было способно поддерживать тягловую единицу³¹.

Решениями Кассационного департамента за 1884 и 1889 гг. было признано, что домохозяин является лишь распорядителем хозяйства и представителем семьи³². Решение Сената 1882 года устанавливало, что подворный участок, как принадлежность семьи, не отвечает за личные долги домохозяина. Крестьянский двор — это юридическое лицо, — устанавливало решение Сената 1897 г., — поэтому как земля, так и движимое имущество, необходимое для хозяйства, не подлежат завещательным распоряжениям. Крестьянин, воспользовавшийся землею отца, составлявшей надел, не может быть признан принявшим наследство и поэтому за долги отца не отвечает (решение общего собрания Сената за 1900 г.)³³.

В результате этих и других сенатских толкований была создана своего рода семейная кабада, в которой рядовой член семьи до старости мог находиться на положении простого работника, подчиняясь часто совсем не самому близкому своему родственнику (например, дяде, мужу сестры и т. п.), и из которой ему было не просто вырваться. Но и глава семейства

²⁹ Там же, стр. 76.

³⁰ Там же, стр. 67.

³¹ С. В. Пахман. Указ. соч., т. I, стр. 8.

³² И. Л. Горемыкин. Указ. свод., т. I, стр. 47.

³³ См. А. А. Риттих. Указ. свод., стр. 24—25, 58.

был связан в своей предприимчивости юридическими затруднениями в получении кредита, другими стеснениями в хозяйственной деятельности. Он должен был смотреть на хозяйство, как на что-то чуждое ему, поскольку не имел прав завещания, и его место должен был занять человек, которому при других условиях он, может быть, и не доверил дело своей жизни. Все это конечно, оказывало тормозящее влияние на капиталистическое развитие пореформенной деревни.

Мы видели, что подлинное обычное право, даже в своих фискальных проявлениях, было более гибким: в нем различалось имущество родовое и благоприобретенное, оно где-то учитывало кровное родство (не говоря уже о начавшем развиваться в пореформенную эпоху завещательном праве). Сенат же разработал какое-то совершенно искусственное «обычное право», и волостные суды наряду с волостными правлениями были превращены в орудие проведения правительственной политики. Если на последние было возложено непосредственное выколачивание налогов, то первые должны были заботиться о сохранении источников их поступления.

Ни те, ни другие отнюдь не справлялись с возложенной на них задачей. Семейные разделы не прекращались, большие семьи так же обрастали недоимками, как и малые, а самые спускаемые сверху нормы «обычного права», вследствие их несоответствия с жизнью, часто приводили совсем не к тем результатам, которые имели в виду их составители.

Буква действующих узаконений и сенатского «обычая», проведенная с суровым ригоризмом, могла подорвать благосостояние и платежеспособность целой округи.

Пригородные слободы Курска — Казацкая, Стрелецкая, Ямская — формально владели землей на общинном праве. Но близость к городу подняла здесь цены на усадебные земли, и они издавна стали объектом купли-продажи. Встречались сделки по приобретению усадебных земель, заключенные еще в 20—30-х гг. XIX в. Оформленные домашним способом и зарегистрированные в волостном правлении, они признавались волостными судами, новые владельцы спокойно разбивали сады и возводили постройки на своих участках. Но в 1890 г. к одному из таких владельцев, через 20 лет после заключения сделки, был предъявлен иск наследниками прежнего владельца. Отвергнутый волостным судом и уездным съездом, он дошел до губернского присутствия, которое решило, что отчуждение усадьбы противоречит букве закона (ст. 110 Великороссийского положения 1861 г.). После этого произошло нечто вроде цепной реакции, многие владельцы были совершенно

разорены, а платежеспособность всей округи оказалась подорванной³⁴.

В итоге к концу XIX в. в области гражданского права для крестьянства сложилось положение, от которого страдали все слои деревни. Сельская буржуазия была недовольна тем, что обычное право недостаточно гарантировало ее имущественные отношения, а также и тем, что администрация еще более усугубляла это положение, отбрасывая гражданские отношения в деревне к давно забытым нормам первых пореформенных лет.

Масса крестьянства страдала от различных ограничений в праве распоряжения своим трудом и имуществом. Семейное право, которое приобрело фискальный характер, связывало руки домохозяевам, искусственно поддерживало крестьянскую семью на уровне натурального хозяйства, лишая ее возможности кредитоваться. Брать кредит крестьянам, конечно, все равно приходилось. Но в таких случаях займодавцы, не чувствуя обеспеченности своих прав, компенсировали себя величиной процента. Следовательно, как и во всем прочем, достигался результат, противоположный целям правительственной политики.

Российской деревне начала XX в. уже необходимы были твердые основания писанного права. Интересам сложившейся сельской буржуазии отвечало приобщение крестьянства к действовавшему тогда в России общему гражданскому праву. Демократическое разрешение вопроса требовало введения в систему гражданского права трудовых начал, свойственных обычному праву, прежде всего — национализации всей земли.

В ходе первой русской революции основная масса крестьянства высказалась за национализацию. «Право на труд русского крестьянина XX века выражает пожелание обновить мелкое земледельческое производство на национализированной земле, а это экономически вполне возможно,— писал В. И. Ленин.— В «праве на труд» русского крестьянина XX века есть, кроме ложной социалистической теории, реальное буржуазное содержание»³⁵.

³⁴ А. А. Риттих. Указ. соч., стр. 47—48. При этом была совершена определенная юридическая натяжка. Ст. 110 Местного положения Великороссийского действительно говорит, что усадебная земля «остается в потомственном пользовании проживающего в том дворе семейства», имея однако в виду, что она не может быть объектом передела (ПСЗ, собр. 2, т. 36, № 36663). Нигде в законе не было сказано определенно, что усадебная земля не может отчуждаться.

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 378.

В. П. Данилов

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ В РОССИИ

Последний этап в истории русской общины приходится на советское время и охватывает примерно 12—15 лет, прошедших от Октябрьской революции до завершения «в основном» сплошной коллективизации. На этом этапе община оказалась в совершенно исключительных условиях. Ликвидация частной собственности на землю и переход практически всей земли в бесплатное и бессрочное пользование крестьянства, уничтожение помещичье-самодержавного гнета и широкая поддержка трудящихся слоев деревни со стороны советского государства, действительная добровольность членства и т. п. обеспечили крестьянской общине возможность свободного функционирования и развития. Подобных возможностей не имела ни одна организация общинного типа со времен перехода к классовому обществу. Едва ли это не единственный случай, когда исследователь имеет перед собой материал об органическом развитии общины, не подвергаемой ни «охранительному», ни разрушительному воздействию извне, о функционировании живой общины, не имеющей никакого другого назначения, кроме удовлетворения нужд крестьян-общинников. Думается, что изучение последнего этапа в истории русской крестьянской общины позволит лучше понять многое в ее предшествующем развитии, полнее осмыслить и ее характер, и ее место в аграрной эволюции России.

Современная историография по проблеме развития и роли крестьянской общины в советской доколхозной деревне еще невелика, но она позволяет все же дать конкретное представление об основных чертах и функциях общины, о ее хозяйственной и социальной роли в жизни крестьянина¹.

---

¹ Характеристику литературы об общине в советской доколхозной деревне см. В. П. Данилов. Основные итоги и направления изучения истории советского крестьянства. — «Проблемы аграрной истории советского общества. Материалы научной конференции 9—12 июня 1969 г.», М., 1971, стр. 233—234.

Начало XX в. для общины явилось временем не только интенсивного разложения изнутри, что со всей определенностью проявилось уже к концу XIX в., но и смены правительственного курса от «охранения» к решительному разрушению. Однако разрушить крестьянскую общину в России капитализм не успел. По данным статистики землевладения, в 1905 г. на территории 47 губерний Европейской России из 136.283,8 тыс. дес. крестьянских земель 115.390,4 тыс. дес., т. е. 84,7%, находилось в общинном пользовании и 20.493,6 тыс. дес., т. е. 15%, в подворном (399,8 тыс. дес. не было распределено)². В результате столыпинской реформы к 1 января 1917 г. на территории тех же 47 губерний было укреплено в личную собственность крестьян еще 16.020,9 тыс. дес., в том числе 12.777,9 тыс. дес. бывших общинных земель³. Таким образом, накануне революции общая площадь участкового (подворного, личного) землевладения в России исчислялась примерно в 36,5 млн. дес. и составляла около 25—27% крестьянских земель.

Удельный вес крестьянских дворов, перешедших к участковому землевладению, был несколько выше, поскольку они размещались по преимуществу в малоземельных западных и северо-западных районах. К сожалению, точный подсчет числа подворных земельных владений к началу 1916 г. весьма затруднен. Известна численность хуторов и отрубов, созданных за 1907—1916 гг.—1.612.690⁴, но неизвестно, как менялась численность старых подворных владений, созданных до столыпинской реформы. Имеется подсчет общего числа участковых владений на 1 января 1917 г., произведенный П. Н. Першиным, но принять его невозможно. В середине 20-х гг. П. Н. Першин приводил следующие данные: «в межреволюционное время были признаны перешедшими к личному владению в беспередельных общинах свыше 2 млн. дворов, главным образом в северо-западных губерниях... Кроме того, укрепили землю в личную собственность в чересполосном виде или путем выдела... в переделявшихся общинах также свыше 2 млн. дворов», главным образом в южных и централь-

² «Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России», СПб., 1907, стр. XXXII—XXXIII. Исключены данные по Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерниям, но включены данные, относящиеся к казачьим хозяйствам.

³ П. Н. Першин. Участковое землепользование в России. М., 1922, стр. 7—8, 46—47.

⁴ Там же.

но-черноземных районах. В сумме на территории 47 губерний Европейской России число вновь образовавшихся подворных владений за 1906—1916 гг. составило 4.216 тыс. Здесь же сообщается, что в 1905 г. «подворное землевладение» имели 23% крестьянских хозяйств, что в абсолютном выражении было принято за 3,8 млн. И вот итог: «общее число крестьянских хозяйств, владевших землей к началу 1917 г. на началах личного владения, оказывается свыше 8 млн., или 51%, а осталось в общине около 7,4 млн., или 49%»⁵.

В середине 60-х гг. П. Н. Першин повторил эти же данные, хотя и в несколько ином варианте: «Десятилетие, в течение которого проводилась столыпинская реформа, — писал он, — привело к тому, что личная земельная собственность оказалась у большей части крестьянских дворов. Статистикой землевладения 1905 г. было зарегистрировано 23% дворов, владевших в то время землей на подворном праве... К 1917 г., кроме 3,8 млн. старых подворников, оформили удостоверительными актами подворное владение в беспередельных общинах и укрепили наделы в личную собственность в передельных общинах еще 2,5 млн. дворов и 1,6 млн. дворов перешли к личному владению на хуторах и отрубках. Все эти числа суммировать нельзя, поскольку выделение на хутора и отруба происходило как среди старых подворников, так и среди укрепленцев. Кроме того, переход от общинного к единоличному землевладению происходил и без предварительного укрепления наделов. Но все же... можно считать, что накануне 1917 г. немного меньше половины всех крестьянских дворов Европейской России оставалось в старой поземельной общине»⁶. Двумя страницами ниже в цитируемой работе приводится таблица, в которой содержатся точные данные о распределении крестьянских дворов по формам владений землей на территории 50 губерний к 1917 г.: общинно — 42,9%, подворно — 57,1%⁷. Таким образом, несмотря на сделанные оговорки и осторожность формулировок, конечный результат еще более определенно говорит о торжестве участкового землепользования над общинным.

П. Н. Першин пользуется сведениями, почерпнутыми из справочника, опубликованного в 1917 г. и рассчитанного на

---

⁵ П. Н. Першин. Землеустройство и землепользование. — «Крестьянская сельскохозяйственная энциклопедия», т. II и III, М.—Л., 1925, столб. 323—324.

⁶ П. Н. Першин. Аграрная революция в России. Кн. I, М., 1966, стр. 97.

⁷ Там же, стр. 99.

широкого читателя⁸. В последующей литературе, в том числе и в статистической, данные этого справочника игнорировались, иногда отмечалась их ошибочность⁹. Последнее не трудно показать.

Действительно, на территории 50 губерний Европейской России статистикой землевладения 1905 г. было зарегистрировано 22,8% крестьянских хозяйств, подворно владеющих землей. Но в абсолютном выражении это значило не 3,8 млн. хозяйств, а 2,8 млн. (точнее: 2.817.993). Если же взять сопоставимую территорию (47 губерний), то число подворных владений сократится до 2 755,6 тыс., а их удельный вес — до 22,5%¹⁰. Конечно, за 10 лет общая численность крестьянских хозяйств в результате дробления возросла. Росла, как можно полагать, и группа старых подворников, но увеличение ее на 37,5% (чтобы достигнуть 3,8 млн. хозяйств) было невозможно. Сложившееся подворное владение (а в данном случае речь идет в основном о хозяйствах, оформивших земельные наделы в ходе реформ 1860-х годов), напротив, проявляло наибольшую устойчивость с точки зрения семейно-имущественных разделов.

В то же время, как известно, за 1907—1915 гг. свыше 1,2 млн. дворов, вышедших из общины, продали надельную землю (площадь проданной земли исчисляется в 4,1 млн. десятин)¹¹. Это была главным образом беднейшая часть подворников. Разумеется, среди них преобладали новые «собственники», вышедшие из общины с целью продать землю. Но этот факт свидетельствует и о том, что масса подворных хозяйств в целом едва ли имела сколько-нибудь ярко выраженную тенденцию к численному росту на почве семейно-имущественных разделов. В условиях первоначального накопления дробление мелких хозяйств служило предпосылкой их пролетаризации и исчезновения. Увеличение численности старых подворников от 1906 г. к 1916 г. не могло быть очень заметным. Во всяком случае его влияние на общий итог многократно перекрывалось ликвидацией хозяйств, продавших свою землю.

Что же касается численности новых подворников, то и здесь данные, опубликованные П. Н. Першиным как в 20-х, так и в

⁸ «Статистический справочник по аграрному вопросу. Вып. I. Земле-владение и землепользование», М., 1917, стр. 26—27.

⁹ См., например, С. М. Дубровский. Столыпинская земельная реформа. М., 1963, стр. 199—200.

¹⁰ «Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России», стр. 174—175, XXXII—XXXIII.

¹¹ П. Н. Першин. Указ. соч., стр. 103.

60-х гг. оказались сильно преувеличенными. Специально исследовавший этот вопрос С. М. Дубровский показал, что к началу 1916 г. из общины выделилось 2.008.432 домохозяина (включая хуторян и отрубников). Кроме того, получили так называемые удостоверительные акты на единоличное владение наделами 469.792 домохозяина в беспеределных общинах. Общий итог вышедших из общины составил таким образом 2.478.224 двора¹².

Едва ли правильно было бы причислять к ним еще почти 2 млн. дворов, состоявших в беспеределных общинах на том только основании, что в соответствии с законом 14 июля 1910 г. они рано или поздно должны были получить удостоверительные акты и стать единоличными собственниками земельных наделов. С. М. Дубровский прав, отказываясь включить в общее число подворников даже тех членов беспеределных общин, которые заявили требование о выдаче удостоверительных актов, но не успели получить их (148,2 тыс.)¹³. Вообще неверно связывать существование крестьянской общины с земельными переделами.

На наш взгляд, показатель численности крестьянских дворов, не состоявших в общинах на начало 1916 г., находится в пределах порядка от 4-х до 5 миллионов, т. е. от 27 до 33% общего числа крестьянских дворов. Общинное землевладение продолжало преобладать, что означало вместе с тем сохранение в массовом масштабе общинной организации, как товарищеского союза крестьянских хозяйств, как «демократической организации местного управления»¹⁴. Сколь далеко ни зашло разложение и умирание общины, она оказалась способной в условиях аграрной революции ожить и приобрести черты революционной организации. Крестьяне смогли использовать ее как «аппарат для воздействия на помещичьи имения»¹⁵. Это проявилось и в 1905—1907 гг., и особенно в 1917—1918 гг.

На первом этапе аграрной революции (вторая половина 1917 — первая половина 1918 гг.), пока шла борьба с помещиками, пока все крестьянство выступило как целое, община со своим «мирским» самоуправлением облегчала объединение, организацию местных крестьян для выступления против местных помещиков, а переделный механизм общины оказался вполне пригодным для распределения помещичьих земель среди крестьян.

¹² С. М. Дубровский. Указ. соч., стр. 199.

¹³ Там же, стр. 203.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 345.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 398.

Аграрная революция в России не остановилась на ликвидации помещичьего и крупного капиталистического (не крестьянского) землевладения. Уравнительному перераспределению подверглись не только бывшие частновладельческие земли, но в большей или меньшей степени и земли самих крестьян. Поскольку уравнительное перераспределение охватило практически все земли и осуществлялось с помощью механизма переделов общинных земель, постольку в ходе революции вновь ожила и окрепла крестьянская община, поглотившая земли не только помещиков, но и основной массы хуторян и отрубников¹⁶.

Соотношение форм крестьянского землепользования, сложившееся после аграрной революции, можно установить по данным частичного земельного обследования, проведенного в 1922 г. на территории РСФСР, БССР и УССР.

Распределение удобной земли между различными категориями землепользователей по данным выборочного исследования 1922 г. (в %) *

Р а й о н ы	Сельские общества	Отруба	Хутора	Колхозы	Совхозы	Прочие
Крайний Северный	98,7	0,7	0,3	0,1	0,1	0,1
Приозерный	68,9	6,1	4,0	0,2	0,7	20,1
Московско-Промышленный	90,7	2,5	1,7	0,4	1,1	3,6
Центрально-Земледельческий	90,5	1,0	0,1	0,2	5,6	2,6
Приуральский	95,8	0,3	0,8	0,7	0,6	1,8
Нижне-Волжский	98,0	0,2	0,1	0,7	0,9	0,1
Малороссийский	90,0	1,8	2,1	0,5	3,0	2,6
Новороссийский	82,2	0,1	3,5	1,1	6,8	6,3
Юго-Западный	93,4	0,8	0,8	0,1	3,6	1,3
Белорусский	63,5	3,8	20,7	0,7	2,0	9,3
Юго-Восточный	95,4	0,2	2,1	0,7	0,7	0,9
Западно-Сибирский	89,3	5,8	0,6	1,1	1,6	1,6
Восточно-Сибирский	96,0	—	0,4	0,2	1,0	2,5

* «Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923», М., 1924, стр. 179—180.

¹⁶ Процесс оживления общины в ходе уравнительного перераспределения земель показан в книге В. Келлера и И. Романенко «Первые итоги аграрной реформы. Опыт исследования результатов современного землеустройства на примере Задонского уезда Воронежской губернии» (Воронеж, 1922, стр. 95—115). См. также «Материалы по земельной реформе. 1918 г.». Вып. I, М., 1919, стр. 9—10.

Данные таблицы показывают, что в основных сельскохозяйственных районах страны в общинном пользовании находилось около 98—99% всех крестьянских земель. Только в Западном и Северо-Западном районах удельный вес общинного землепользования понижался до 65—75%. Смежные с ними губернии Центрально-промышленной области занимали промежуточное положение. Процент крестьянских земель, находившихся в распоряжении общин, определялся здесь в 80—95%.

Господство общинного землепользования в деревне обусловило ряд существенных особенностей в поземельных и вообще социально-экономических отношениях крестьянства.

Важнейшей особенностью общинной системы землепользования являлась ее связь с мирской организацией крестьянства — с истари существовавшими в русской деревне крестьянскими «мирами», получившими в советском законодательстве наименование земельных обществ. Правовое оформление этого института было дано в Земельном кодексе 1922 г.

В составе земельного общества крестьянин имел право «на долю земли из надела земельного общества» и «на участие в совместном пользовании угодьями земельного общества»¹⁷. В соответствии с этим принципом земля, предоставленная Советским государством в пользование общине, разделялась на две категории: основные — пахотные и сенокосные — угодья, а также усадьбы, распределявшиеся в индивидуальное пользование, и вспомогательные угодья — выгоны, прогоны, воды, неудобные земли и пр., остававшиеся в общем, нераздельном пользовании всех членов. В частное пользование крестьянского двора передавались, следовательно, все земельные угодья, которые подвергались в процессе сельскохозяйственного производства той или иной обработке. Этой части общинных земель принадлежало преобладающее место, хотя и далеко не одинаковое в различных районах страны (в среднем около 70%)¹⁸. Четкой границы между участками раздельного и совместного пользования не проводилось. Участки, распределенные между отдельными дворами, периодически поступали на определенное время в общественное пользование (выпас скота по жнивью и т. д.). Компромисс частного и общественного принципов владения и пользования землей порождал дуалистический характер общинной системы землепользования, обуславливал противоречивые тенденции в ее развитии.

¹⁷ «Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917—1954» (в дальнейшем—СДЗЗ), М., 1954, стр. 157, 164.

¹⁸ «Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923», стр. 179—180.

Размеры участка каждого общинника в составе угодий раздельного пользования не были закреплены навечно. Основной принцип общинного порядка землепользования — право члена общины на равную долю земли из общего надела и право на равное участие в пользовании нераздельными угодьями, порождал периодические уравнивания земли между отдельными общинниками путем переделов. Закон подчеркивал равенство прав каждого члена общества на получение соответствующей доли земли. Земля распределялась между всеми дворами общества на одинаковых основаниях — в зависимости от количества разверсточных единиц, приходящихся на двор. Кодекс закреплял применение двух основных видов разверстки, применявшихся на практике — по едокам и по работникам, или по смешанной системе, учитывающей оба эти принципа¹⁹. В первые годы нэпа весьма часто за разверсточную единицу в общинах принимались также ревизские души или наличные души мужского пола. По данным специальной земельной анкеты ЦСУ, с помощью которой в 1922 г. были получены сведения от 984 селений, последний передел был произведен по едокам в 72% селений, по работникам — в 2%, по «ревизским» душам — в 14% и по наличным душам мужского пола — в 12% селений²⁰. Передел по «ревизским» душам, произведенный в д. Заречье Плюсской волости Лужского уезда, привел к тому, что 10 дворов с 57 едоками получили 9 ревизских наделов, а 20 дворов с 70 едоками — 27 наделов²¹. Иначе говоря, в первой группе дворов на надел приходилось по 6,3 едока, а во второй группе — только по 2,6 едока. Земельные органы и волостные исполнительные комитеты, осуществлявшие контроль за деятельностью обществ, вели систематическую борьбу против применения не соответствовавших духу советской земельной политики принципов раздела земель²².

Земельный кодекс, имевший задачей создание устойчивости крестьянского землепользования, устанавливал, что основные пахотные земли могли переделываться только по истечении времени, необходимого для трехкратного проведения принятого в обществе севооборота, т. е. при трехполье через 9 лет. В промежутках между общими переделами допускалось частичное уравнивание земель путем «скидок-накидок», при которых участки отдельных дворов не меняли своего

¹⁹ СДЗЗ, стр. 167.

²⁰ «Вестник статистики». Кн. XIII, № 1—3, 1923, стр. 145.

²¹ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 43, лл. 21—22.

²² См. ЦГАНХ, ф. 478, оп. 30, д. 149, л. 19; оп. 59, д. 32, л. 26; д. 43, л. 22.

расположения и только излишки земель одних дворов передавались другим²³. Приведем один весьма характерный документ, непосредственно исходящий из крестьянской среды и наглядно раскрывающий реальные формы и условия земельных переделов. «Приговор общего собрания граждан деревни Иштутино Загаринской волости» (Муромский уезд Владимирской губернии) от 28 апреля 1923 г. определял условия передела всех земель, имевшихся в обществе. В параграфе «Приговора», относящимся к усадебным землям, было записано: «постановили определить для каждого хозяйства в размере 600 квадратных сажен. Те граждане, у которых окажется больше 600 сажен, те обязаны разделяться пахотной землей (с теми—В. Д.), у которых не хватает от первых номеров». Таким образом, усадьбы фактически не переделывались, различия в их размерах должны были компенсироваться при переделах пашни. Параграф «Об уравнивании пахотной земли» устанавливал норму наделения «одинаковую для всех граждан, не считаясь с возрастом... Земля должна производиться каждому хозяйству на наличных едоков и включать лиц, находящихся в Красной Армии и в высших учебных заведениях. Те (граждане — В. Д.), которые находятся на отхожих промыслах, должны наделяться в порядке очереди с выбывающих едоков». Передел производился на 9 лет, при этом отмечалось, что «в течение означенного срока должна производиться скидка-накидка, то есть через 3 года»²⁴.

«Приговор» вполне соответствовал нормам Земельного кодекса, что отчасти могло объясняться присутствием на сходе представителя уездного земельного отдела, выступившего к тому же с докладом «О Земельном кодексе». Однако основные принципы проводившегося передела были изложены не формулами закона, а понятиями, обращавшимися в крестьянской среде. Отметим чрезвычайную конкретность и последовательность в определении принципа наделять землю только наличные души (с исключением из общего правила только для красноармейцев и студентов вузов). Отходник лишь сохранял право на наделение землей при возвращении, да и то отнюдь не немедленное, а в «очередь» и тою только землей, которая останется от выбывших душ (что обычно делалось при очередной «скидке-накидке»).

Ограничение земельных переделов встречалось с большими трудностями. Массовые перемещения сельского населения,

²³ СДЗЗ, стр. 162.

²⁴ ЦГАОР, ф. 5201, оп. 6, д. 259, л. 190. В цитатах исправлены только грамматические ошибки.

как следствие длительной войны, разрухи и голода 1921 г., трудности восстановления самостоятельного мелкого хозяйства для единоличного крестьянина, наконец, стремление крестьян сохранить в деревне равенство землепользования — все это служило почвой, порождавшей беспрестанные переделы земель. В 1925 г. органы рабоче-крестьянской инспекции и Наркомзема сообщали о повсеместных, часто ежегодных переделах общинных земель в Костромской, Пензенской, Тамбовской, Воронежской и Орловской губерниях, в Уральской области, в Донецком и Кубанском округах Северного Кавказа²⁵.

Угодья совместного пользования в большинстве районов страны занимали меньшую часть общинного надела, однако, для существования земельной общины они являлись обязательным условием. Отметим, что и Кодекс 1922 г. под земельным обществом подразумевал прежде всего, совокупность дворов, связанных общим пользованием полевыми землями или хотя бы одними вспомогательными угодьями (луга, выгоны, леса и т. п.)²⁶. Наличие хотя бы одной для нескольких земельных обществ марки на луга, выгоны или леса, при раздельном пользовании полевыми землями было достаточным для образования сложного по структуре земельного общества. Многоселенная земельная община в двадцатых годах встречалась повсеместно. В особенности же заметна она была в лесистой северной части Европейской России, где ее жизнедеятельность поддерживалась крайней межселенной чересполосицей. В Череповецкой губернии, например, в общем пользовании нескольких селений состояло от 30 до 50% площади крестьянского землепользования. Обычным явлением была связанность разных селений на Урале и в Северо-Восточном районе. В Вятском районе часто встречались земельные общины, состоявшие из нескольких волостей (Козьмодемьянский кантон Марийской автономной области). В Нижегородской, Рязанской и Тульской губерниях было широко распространено общее пользование лугами со стороны ряда селений и волостей²⁷. В 1920 г. земельным органам пришлось разбираться в конфликте между крестьянами Духовичской, Дедковской и Пирогинской волостей Луговского уезда Рязанской губернии

²⁵ См. ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 559, л. 47; д. 633, л. 14; ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 225, л. I; д. 261, л. 7, 60; д. 280, лл. 176, 177; д. 302, лл. 24—25; д. 305, л. 38; д. 526, л. 158.

²⁶ СДЗЗ, стр. 159—160.

²⁷ «НКЗ РСФСР. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства (1928/29—1932/33 гг.)». Ч. 5, М., 1929, стр. 6—9, 11.

по поводу находившихся в их совместном пользовании луговых угодий на правом берегу Оки. Там же располагались Луга общего пользования крестьян Юстинской и Желудовской волостей Рязанского уезда²⁸.

Многоселенная община встречалась и в земледельческих степных и лесостепных районах. В Пензенской губернии 10% земель находилось в нераздельном пользовании нескольких сел. В Сталинградской губернии сложные общины, состоявшие из нескольких селений, пользовались огромными участками земли в десятки тысяч гектаров и периодически переделывали их между собой. Станица Кремневская, например, была центром общины, включавшей 42 селения. Станица Егеровская пользовалась землей совместно с 33 другими селениями, станица Степано-Разинская — с 49 селениями²⁹.

Община прежде всего заботилась о том, чтобы при распределении земли каждый ее член получал одинаковую по качеству и по расположению долю во всех полях принятого севооборота. Распространенной была следующая система распределения земель: каждое из полей севооборота (при трехполье — озимое, яровое и паровое) делилось на «ярусы», в зависимости от расстояния земельного участка от селения. «Ярусы» в свою очередь разбивались на «коны» («гоны») — участки, равные по плодородию. В каждом из этих «конов» член общины получал себе долю («полосу») соответственно количеству причитающихся ему разверсточных единиц. В многодворных общинах поля вначале распределялись на «сотни» или «десятки» дворов, а затем уже делились между ними. Результатом такой системы были мелкополосица и чересполосица, обострявшиеся тем более, чем больше было членов в общине и чем разнообразнее по качеству или разбросаннее по территории были ее угодья (40—60 полос на хозяйство не редкость. Бывало и по 100 полос!)³⁰.

Земельное общество являлось территориальным объединением крестьянских дворов, осуществлявшим непосредственное управление землепользованием и регулирование поземельных отношений своих членов. За правильное и целесообразное использование находящихся в его распоряжении земель оно несло ответственность перед Советским государством, как вер-

²⁸ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 20, д. 11, лл. 135, 137.

²⁹ «Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства», ч. 5, стр. 13, 14.

³⁰ О масштабах мелкополосицы, чересполосицы и дальнотемелья, о их влиянии на экономику крестьянского хозяйства разных районов страны см. В. П. Данилов «Земельные отношения в советской доколхозной деревне» («История СССР», 1958, № 3, стр. 102—108).

ховным и безраздельным собственником земли, но в рамках, установленных законом, было правомочным распорядителем общего земельного надела. Ему принадлежало право избирать форму землепользования и систему севооборота, решать вопросы проведения землеустройства. Оно производило разверстания земли, непосредственно распоряжалось угодьями общего, нераздельного пользования, устанавливало порядок их эксплуатации. Земельные наделы, вымороченные, отобранные на законных основаниях и добровольно оставленные, поступали в ведение общества. В случаях, предусмотренных законом (ведение хищнического хозяйства, оставление земли без хозяйственного использования и т. п.) оно имело право на срок до одного севооборота лишить нарушителя права пользования наделом. Вступление в общество новых дворов со стороны допускалось только с согласия общества. В состав общества входили и в поземельном отношении были ему подчинены крестьянские общества взаимопомощи, мелкие колхозы (до 15 «взрослых трудовых земледельцев»), простейшие производственные кооперативы (машинные, мелиоративные, семеноводческие и т. д.).

Земельные общества имели права юридического лица, т. е. могли приобретать и продавать имущество, заключать договоры, искать и отвечать на суде, ходатайствовать в других учреждениях ³¹.

Кодекс 1922 г. ничего не говорил о допустимости сдачи земли в аренду обществами, и местные земельные органы не имели точных установок об отношении к этому весьма быстро растущему явлению. До 1924 г. Наркомзем разрешал земельным обществам сдачу в аренду даже удобных земель, хотя и с оговоркой, что разрешение дается «лишь в исключительных случаях» по соображениям хозяйственной целесообразности. Однако им же была одобрена «Инструкция о порядке сдачи в аренду земель трудового пользования» Самарского губернского земельного управления от 10 апреля 1924 г., фактически приравнявшая в этом отношении права земельных обществ к правам отдельных землепользователей ³².

В то же время сдача земель в аренду целыми обществами имела место едва ли не повсеместно. На Северном Кавказе, в Нижнем и Среднем Поволжье, во Владимирской и Вологодской губерниях, в Северо-Западной области и на Дальнем Востоке земельные общества сдавали в аренду частями или целиком

³¹ СДЗЗ, стр. 157, 159—161.

³² ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, ед. 633, лл. 15, 26, 46—52.

пустующие земли на срок в 1—3 года и более, а зачастую при переделах отводили участки земель специально для сдачи в аренду отдельным лицам или обществам³³. Доходы от сдачи в аренду земель использовались на общественные надобности (для оплаты землеустроительных работ и т. д.). Сдача земель в аренду стала одним из источников пополнения бюджета многих обществ.

Советское государство, предоставляя право сдачи земли в аренду отдельными трудовыми хозяйствами, имело в виду помощь тем слоям деревни, которые были ослаблены войной и голодом, не могли возобновить свое самостоятельное хозяйство. Для них сдача земли в аренду была одним из источников средств для восстановления хозяйства и только до завершения восстановления. По смыслу законодательства начала 20-х годов предполагалось, что как только крестьянин восстановит производительные силы своего хозяйства и сможет полностью обработать земельный надел, полученный им в трудовое пользование от государства, он должен будет отказаться от сдачи земли в аренду. Право сдачи земли в аренду было обставлено существенными ограничениями, подчеркивающими его временный характер. В частности, была сделана попытка исключить сдачу земли в аренду общинами.

9 июня 1924 г. СНК РСФСР принял постановление «О порядке засвидетельствования доверенностей, выдаваемых трудовыми землепользователями и их объединениями», которое при перечислении случаев выдачи доверенностей на заключение арендных договоров предусматривало сдачу земли в аренду только отдельными землепользователями. Земельные общества имели право только арендовать участки из государственных земельных имуществ³⁴. С этого времени земельные органы стали запрещать общинам сдачу земли в аренду³⁵. Однако это ограничение осуществить на практике оказалось невозможным, поскольку оно ограничивало и без того небольшие источники средств, необходимых для покрытия общественных нужд сел и деревень.

В мае 1925 г. III съезд Советов СССР предложил «устранить ...препятствие» к сдаче в аренду «неиспользованного земельного фонда крестьянских обществ»³⁶. В соответствии с этим решением высшего органа государственной власти 23 июля 1925 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли дополнение к Земель-

³³ Там же, лл. 3, 6—9, 11, 14—15, 22—26, 46—52; д. 554, л. 43.

³⁴ СУ 1924 г., № 60, ст. 586.

³⁵ См. ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 43, лл. 5, 89; д. 554, л. 43.

³⁶ СДЗЗ, стр. 117.

ному кодексу (примечание к статье 28-й), которое гласило: «Земельным обществам разрешается сдача находящихся в общественном запасе земель... в аренду как отдельным землепользователям, так и их объединениям, а равно иным организациям, учреждениям и предприятиям, с направлением доходов от этой аренды на нужды сельского и волостного бюджета» (при строгом соблюдении советских законов об аренде земли)³⁷.

Как показали обследования, проведенные НК РКИ в 1926 г., отдельные общества сдавали в аренду до 18,5% площади удобных земель. А общая площадь земель, сдаваемых обществами в аренду, оценивалась в 5—6 млн. га³⁸.

Участие земельных обществ в арендном обороте в качестве арендаторов было также весьма активным. Общественная аренда земли была более выгодна крестьянину, чем единоличная, удешевляя расходы и облегчая совершение сделки. Земельные общества играли очень заметную роль среди арендаторов государственных земельных имуществ. Даже в «хуторизированной» Смоленской губернии, по данным за 1924/25 г., из сдаваемых в аренду госземелимуществ на долю обществ приходилось 20% пахотных земель, 32,4% луговых угодий и 37,9% подлесных участков³⁹. Значительные участки земли арендовали общества в Гомельской, Вятской и других губерниях⁴⁰.

Высшим распорядительным органом земельного общества является сход (общее собрание) полноправных членов его, какими признавались все землепользователи без различия пола, достигшие 18-летнего возраста⁴¹. Мирской сход был демократизирован: закон включил в его состав не только домохозяев, но и всех членов двора, в том числе и женщин, лишенных права голоса в старой крестьянской общине. Правом голоса на сходе и правом избрания в число уполномоченных общества пользовались все без исключения члены.

Сход решал все вопросы, касающиеся землепользования и поземельных отношений членов общества, руководствуясь нормами советского земельного права и «местными обычаями»⁴². Он регламентировал общественные повинности, определял размеры и назначение денежных сборов, собираемых для оплаты работ по землеустройству и мелиорации, расходов по

³⁷ СДЗЗ, стр. 650—651.

³⁸ «Правда», 28 мая 1928 г.

³⁹ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 26, лл. 57, 82/б.

⁴⁰ Там же, оп. 20, д. 100, лл. 32, 35, 38, 43, 53—54, 86.

⁴¹ СДЗЗ, стр. 160.

⁴² Там же, стр. 161.

судебным делам, на содержание пастуха, общественного быка и т. п.⁴³

Насколько значительными были права общины, показывает, например, «Приговор общества граждан дер. Митяково» (Судогодский уезд Владимирской губернии) от 8 июня 1924 года. Сход принял решение ходатайствовать перед земельными органами о принудительном выселении одного из членов общества с выделом ему в хуторской участок причитавшегося по нормам надела. Причиной столь строгого приговора было невыполнение этим общинником общественных повинностей, неуплата сборов, нарушение распоряжений схода об использовании общих угодий и вообще игнорирование земельного общества и его органов⁴⁴.

Никто не имел права изменить или отменить постановление схода, если оно соответствовало закону. Показательно в этом отношении разбиравшееся в 1924 г. в коллегии Наркомзема РСФСР дело о претесте профсоюза рабочих и служащих Московско-Курской железной дороги против приговора общества крестьян деревни Перепечино о лишении железнодорожников станции Покров права пастьбы коров на выгонах общества. Крестьяне повысили плату за эксплуатацию своих угодий (с 4-х рублей до 10 рублей с коровы в год), что и послужило причиной конфликта. Отказ железнодорожников от уплаты повышенной цены повлек за собою это решение общества. Коллегия Наркомзема не могла отменить постановление схода, хотя об этом ходатайствовала крупная профсоюзная организация⁴⁵.

Сход избирал уполномоченных по земельным делам, которым вменялось в обязанность решение текущих мелких вопросов поземельных отношений, ходатайствование по делам землепользования, представительство и защита интересов общества в земельно-судебных комиссиях и т. д. Только в тех случаях, когда границы земельного общества совпадали с территорией сельского Совета, уполномоченные не избирались сходом, а выполнение их обязанностей поручалось председателю и членам Совета. Но и в этом случае сохранялись и земельное общество, и сход, как учреждения, отличные по своему составу, по своим задачам и функциям от сельских Советов. Закон специально оговаривал, что земельные общества не связаны с существующим административным делением⁴⁶. Как правило, земельные общества территориально были более мелкими, нежели сель-

⁴³ См. ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 502, л. 43; д. 554, лл. 33—37.

⁴⁴ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 678, л. 27.

⁴⁵ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 554, лл. 33—37.

⁴⁶ СДЗЗ, стр. 159—160.

ские Советы. Общее число земельных обществ в 20-х годах превышало 300 тыс., тогда как сельских Советов на момент общенародной переписи 1926 г. насчитывалось 73 584, а волостей, районов и кантонов — 5701⁴⁷.

Сельские и волостные Советы вели контроль за исполнением земельных законов, совместно с земельными учреждениями и агрономами принимали меры к установлению правительных систем землепользования, способствовали внедрению и развитию коллективных форм пользования землей. Ряд важнейших вопросов пользования землей, прямо связанных с классовыми взаимоотношениями или имеющих исключительно важное хозяйственное значение — аренда земли и разделы дворов, могли быть разрешены только после утверждения или регистрации органами Советской власти⁴⁸. Но все мероприятия в области поземельных отношений они осуществляли только с согласия и через посредство земельных обществ⁴⁹. Четкое разграничение функций советов и крестьянских общин в отношении земельных дел было очень последовательно проведено в советском праве на первых этапах нэпа.

Таким образом, земельное общество в русской доколхозной деревне по всем своим чертам представляла собою типичную мирскую организацию крестьян-единоличников. В условиях Советской власти эта поземельная организация значительно обновилась. Реакционные черты (фискальный характер и круговая порука, крепостническая привязанность земледельца к своей общине и т. п.) были аннулированы. Крестьянская община как поземельная соседская организация равноправных мелких непосредственных производителей стала действительно свободным союзом трудящихся крестьян в пользовании национализированной землей. Однако, предоставляя крестьянину возможность несколько дольше продержаться на уровне того «идеализированного капитализма», к которому он столь долго стремился и, наконец, в 1917—1918 гг. достиг, община вместе с тем осуждала его хозяйство на застой.

Жалобы на общинные порядки, при которых «много тратится времени на сходы непроизводительно», на затруднительность обработки земли при узкополосице, на «неустойчивость границ при чересполосном пользовании» и переделах земли, на «страшную потерю времени при мелкополосном пользовании на переезд с полосы на полосу», на развитие пустырей и

⁴⁷ «ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. XVII, М., 1929, стр. 4—5.

⁴⁸ СДЗЗ, стр. 158—159.

⁴⁹ СУ 1922 г., № 10, ст. 92, § 21; ст. 93, § 12.

зарослей среди сенокосных угодий, которые «благодаря ежегодным переделам, не подвергаются никакой очистке и все более и более зарастают», на постоянные поправки, на запахи-вание и закос чужих полос «со стороны более сильных хозяев, успевающих опаживать свою полосу до выезда на работу мало-мощного домохозяина» и т. п., содержатся в заявлениях крестьян и западных, и центральных, и юго-восточных губерний⁵⁰.

Большие работы, проведенные Советским государством по улучшению общинного землепользования (расселение много-дворных общин, переход к «широким полосам» и т. п.), а также меры ограничения хуторского и отрубного, не позво-лили возобладать товарно-капиталистической тенденции к окончательному обособлению крестьянских хозяйств, избави-ли социалистическое преобразование деревни от дополнитель-ных трудностей. И в 1927 г., как и в первые годы нэпа, абсо-лютно преобладающее место среди форм крестьянского земле-пользования принадлежало общине. По РСФСР на ее долю приходилось 95,4% трудового земельного фонда. Площадь коллективного землепользования составляла тогда 1,2%, пло-щадь участкового землепользования — 3,4% (см. таблицу).

Курс партии на коллективизацию сельского хозяйства и усиление наступления на кулачество поставил новые зада-чи перед советской земельной политикой, потребовал более активного вмешательства государства в развитие поземель-ных отношений крестьянства.

XV партсъезд следующим образом определил дальнейший курс в вопросах среди крестьянского землепользования: «Все-мерно содействовать росту таких форм землепользования, ко-торые более благоприятны для развития кооперирования и механизации сельского хозяйства (поселки, выселки и т. п.), ограничив практику выделения на отруба и, особенно, ху-тора и совершенно прекратив их в тех случаях, где они ведут к росту кулацких элементов»⁵¹. В соответствии с новы-ми задачами был разработан общесоюзный земельный закон «Общие начала землепользования и землеустройства», утвер-жденный ЦИК СССР 15 декабря 1928 г. Земельный кодекс не отменялся, но его основные положения существенно допол-нялись и уточнялись. То новое, что вносили «Общие начала»

⁵⁰ См. ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 559, лл. 4, 5, 47, 92, 111, 118; ф. 4085, оп. 9, д. 170, лл. 56—58, 69—70, 104—108, 180—182; д. 195, лл. 2—4; д. 225, л. 1—2; д. 236, л. 3; д. 240, лл. 2—5; д. 302, лл. 22—24; д. 305, лл. 2, 12, 35—38.

⁵¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и плену-мов ЦК», т. 4, М., 1970, стр. 67.

Формы крестьянского землепользования в РСФСР на 1 января 1927 г.*

Р а й о н ы	Общинное		Коллективное		Хуторское		Отрубное		В с е г о	
	тыс. га	уд. вес	тыс. га	уд. вес	тыс. га	уд. вес	тыс. га	уд. вес	тыс. га	уд. вес
Северо-Восточный	6879,1	97,4	18,2	0,25	36,9	0,55	127,7	1,8	7061,8	100,0
Северо-Западный	9315,7	88,7	33,7	0,3	396,7	3,8	761,3	7,2	10507,5	100,0
Западный	5347,4	80,5	28,0	0,4	973,4	14,7	294,1	4,4	6642,8	100,0
Центрально-промышленный	22825,4	94,7	67,5	0,3	244,0	1,0	965,7	4,0	24102,7	100,0
Центрально-земледельческий	16205,0	98,7	130,1	0,7	54,0	0,4	26,1	0,2	16415,2	100,0
Вятско-Ветлужский	7973,0	99,58	21,7	0,27	7,1	0,09	4,7	0,06	8006,5	100,0
Средне-Волжский	17886,2	95,4	830,3	4,5	12,1	0,07	5,3	0,03	18733,9	100,0
Нижне-Волжский	23314,8	98,2	411,0	1,73	—	—	18,5	0,07	23744,3	100,0
Урал	22325,0	98,2	126,8	0,5	—	—	295,7	1,3	22747,5	100,0
Северный Кавказ	22007,3	94,4	478,9	2,1	44,4	0,2	747,0	3,3	23277,6	100,0
Сибирь	52625,2	94,0	220,1	0,3	280,7	0,5	2899,4	5,2	56025,4	100,0
Дальний Восток	15669,6	99,8	20,1	0,13	6,8	0,04	3,6	0,03	15700,0	100,0
По РСФСР	222373,7	95,4	2386,6	1,2	2056,0	0,8	6149,1	2,6	232965,3	100,0

* «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах 1917—1927 гг.». М., 1927, стр. 120—121. Нами исправлены опечатки в источнике.

в поземельные отношения деревни, заключалось, во-первых, в максимальном проведении классового принципа в праве трудового пользования землей и, во-вторых, в создании для коллективных хозяйств преимуществ в области землепользования и землеустройства⁵².

Работы по «усовершенствованию» общины продолжались и даже приобрели характер действительно массового мероприятия. Однако с каждым днем в развитии общины все сильнее проявлялись новые черты, связанные с ростом элементов обобществления в сельском хозяйстве страны. Еще Земельный кодекс предоставил крестьянам право образования участков общественной обработки, которые служили бы дополнением к единоличным хозяйствам. Община обязывалась произвести для этого выдел участка к одному месту и сохранять его при переделах в прежних размерах⁵³. Удельный вес участков общественной обработки земли первоначально не был велик. Чаще всего такие участки вводились для производства продукции, имеющей какое-то целевое назначение (покупка машины, оплата кредита и т. п.) или же для производства новых или особенно трудоемких культур. Однако без этой возможности было бы сильно затруднено возникновение семеноводческих, машинных, мелиоративных товариществ и их перерастание в социалистические, коллективные хозяйства. Заметную роль участки общественной обработки в 1925—1926 гг. начали играть в жизни тех селений Северного Кавказа и Поволжья, где осуществлялась специальная система мер по борьбе с засухой. В так называемых реорганизуемых селениях Северного Кавказа, по данным на 1926 г., общественная запашка составляла 15,5% наделных земель⁵⁴.

Быстрый рост участков общественной запашки в общинах наблюдался в 1928—1929 гг. и был связан, в частности, с интенсивным процессом возникновения простейших производственных объединений и их перерастания в колхозы.

Деятельность земельных обществ продолжала регламентироваться на основе кодекса 1922 г. Однако по новому закону им предоставлялось право по решению большинства членов «проводить мероприятия по производственному кооперированию и коллективизации». Сход мог принимать обязательные для всех членов общества решения о проведении агрикультурных улучшений: переход на многополье, введение

⁵² См. СДЗЗ, стр. 299—307.

⁵³ СДЗЗ, стр. 166—167.

⁵⁴ ЦГАОР, ф. 4085, т. 9, д. 532, л. 60.

улучшений обработки и т. п.⁵⁵. Эти положения закона дали существенный толчок усилению агропроизводственной деятельности земельных обществ. Основой для этого процесса являлась контрактация сельскохозяйственных продуктов. Насколько значительную роль играли общины в контрактации зерновых культур, — показывают следующие данные. В контрактации озимых посевов 1928 г. участвовали 14.238 общин (около 25% объединений и организаций, заключивших договоры о контрактации), в составе которых было 508.548 хозяйств (свыше 40% контрактантов) с посевной площадью в 1.505 тыс. га (45% законтрактованной площади). 1.075 земельных общества в полном составе объединились в посевные товарищества⁵⁶.

В соответствии с договорами о контрактации посевов земельные общества на сходах принимали приговоры о проведении агрономических мероприятий (посев очищенным односортовым зерном, вывоз навоза на поля, ранний сев и т. д.). В ходе весенней посевной кампании 1929 г. в Средне-Волжской области земельными обществами было принято 10.932 приговора (78% общего количества общин) об агроминимуме в целом комплексе мероприятий и 47.433 приговоров по отдельным мероприятиям. Для контроля за осуществлением агромероприятий земельными обществами здесь было избрано 22117, агроуполномоченных. На Северном Кавказе агроминимум был принят в 13.375 общинах из 15.358⁵⁷. По РСФСР в целом за 1929 г. приговоры об агроминимуме были приняты в 125 тыс. земельных обществах, а количество агроуполномоченных превысило 220 тыс. человек⁵⁸. Объединение на почве совместного пользования землею дополняется элементами совместной хозяйственной деятельности.

Революционный переворот в развитии земельных обществ производился организацией тракторных колонн и МТС. Первый же опыт работы тракторных колонн показал рациональность заключения договоров только с сельскими обществами, поскольку последние располагали значительными земельными массивами, представлявшими сложившиеся комплексы сельскохозяйственных угодий.

Тракторные колонны, организованные при совхозе им. Шевченко, весной 1928 г. обрабатывали земли 26 земельных обществ. 13 тракторных колонн, созданные к осени 1928 г.

⁵⁵ СЗ, 1928 г., № 69, ст. 642.

⁵⁶ ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 6, д. 6, лл. 142а—142б, 150—151.

⁵⁷ «Сельскохозяйственная газета», 21 мая и 10 июля 1929 г.

⁵⁸ «СССР. Год работы правительства». М., 1930., стр. 172.

сельскохозяйственной кооперацией РСФСР, обслуживали 86 земельных обществ. К весне 1929 г. число кооперативных тракторных колонн в РСФСР выросло до 45, а число обслуживаемых ими земельных обществ — до 226⁵⁹.

По условиям договоров, заключавшихся тракторными колоннами и обществами, межи между индивидуальными полосами и участками уничтожались. Все обрабатываемые земли соединялись «в один земельный массив для полной общественной тракторной обработки». Всю необходимую работу крестьяне производили сообща. Однако договор предусматривал выполнение каждым двором работы «в размере, пропорциональном числящемуся за ним земельным наделом». Соответственно величине земельных наделов производилось и распределение той части урожая зерна, которая оставалась после расчета с тракторной колонной и засыпки семян⁶⁰. Земельное общество превращалось, таким образом, в посевное товарищество, которое в ходе дальнейшего развития становилось коллективным хозяйством.

Наличие сложившегося комплекса сельскохозяйственных угодий, составлявших единый земельный массив и находившихся в совместном пользовании целого селения или даже группы селений, облегчали развертывание работ тракторных колонн и образование на основе земельных обществ посевных товариществ и колхозов. Характерно, что в случае отказа части односельчан перейти к общественной обработке земли с помощью тракторных колонн общество разделялось. Каждое из вновь образовавшихся обществ получало самостоятельный земельный надел.

В обстановке обостренной классовой борьбы переделы земли превратились в одно из средств ограничения кулацкого землепользования, реализации права бедноты и маломощных середняков на лучшие земли. Еще в конце 1927 г. правительство РСФСР разрешило произвести общий уравнительный передел земли в тех земельных обществах, в которых их не было после аграрной революции и в которых сохранилась значительная неравномерность в землепользовании дворов. В этих случаях общий передел земель мог производиться даже по требованию меньшинства членов общества⁶¹.

---

⁵⁹ В. П. Данилов. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957, стр. 348—350, 358, 434—437.

⁶⁰ «Машина в деревне». 1928, № 4, стр. 16—17.

⁶¹ СУ 1927 г., № 115, ст. 769.

«Общие начала землепользования и землеустройства», сохраняя правовые ограничения против частых бесхозяйственных переделов, расширяли перечень случаев, когда допускалось проведение досрочных переделов земли. По Кодексу 1922 г. они допускались при проведении землеустройства и в случае изъятия земель для государственных и общественных надобностей. Теперь досрочные переделы могли проводиться еще в случаях «перехода к улучшенным формам хозяйства» и «необходимости борьбы с кулачеством»⁶².

Многочисленные факты ожесточенных столкновений между трудящимися крестьянами и кулаками на почве земельных переделов в 1927—1929 гг. зарегистрированы документами, относящимися к нечерноземной полосе Европейской России. В условиях распыленности по мелким деревням, отрезанности бездорожьем от индустриальных и политических центров крестьянская среда в большей мере сохраняла патриархальные устои, пережитки дореволюционной старины.

Кулачеству здесь во многих случаях удалось сохранить земельные наделы в размерах, отнюдь не соответствовавших уравнительным нормам. В отдельных деревнях после революции уравнительного передела совсем не производилось. Так было, например, в деревне Панфилки Ярославского района, где лишь 9 июля 1929 г. собрание бедняков и середняков приняло решение о проведении общего передела земли. В постановлении этого собрания говорилось о крупной кулацкой семье Ивановых (точнее: о группе родственных семей), которые еще до революции «держали в кабале всю деревню», а «после революции... сорвали проведение землеустройства в 1923 году и не дают проведения черногого (т. е. черного, общего — В. Д.) передела в деревне». Собрание утверждало, что «на проведение черного передела с нами все согласны» (кроме, разумеется, Ивановых), и обращалось к райисполкому с просьбой «провести в ближайшее время... общее собрание по деревне с целью проведения черного передела»⁶³. Избиение кулаками 300 крестьян в Лудзинской волости Вотской автономной области (Лудорвайское дело, 1928 г.) имело в своей основе попытку «землю делить» — землю, которая не переделывалась 46 лет⁶⁴. Аналогичные события развернулись в Толшменском районе Вологодского округа летом 1929 года. Там «кулачество выиграло в земельном переделе, получив близкие и луч-

⁶² СДЗЗ, стр. 301.

⁶³ Государственный архив Ярославской области, ф. Р180, оп. 1, д. 1322, лл. 82—84.

⁶⁴ «Правда», 16 сентября 1928 г.

шие земельные участки». Попытка бедноты добиться нового передела послужила поводом физической расправы над 22 крестьянами (двое были убиты), которую учинили местные кулаки. Исполком Вологодского округа в связи с событиями в Толшменском районе предложил земельному управлению: «Там, где проведены земельные переделы в ущерб бедняцко-средняцким массам, провести досрочные земельные переделы, обеспечивающие интересы бедняцко-средняцких масс»⁶⁵.

Принцип: «лучшие по качеству и расположению земли — колхозам и бедноте» — с весны 1928 г. прочно входит в практику землеустройства, сопровождающегося теперь обязательным общим переделом. Широкое распространение получил групповой метод землеустройства общин, сыгравший важную роль в развитии колхозного движения и в борьбе с кулачеством. Земельный надел общины разбивался на отдельные клетки, «жребии», передававшиеся целым группам хозяйств с последующим разверстанием между ними. Бедняцким и бедняцко-средняцким группам отводились лучшие и наиболее выгодно расположенные участки. Это облегчало соединение земельных наделов и образование колхозов для бедноты, означая в то же время отделение кулацких хозяйств и перемещение их на худшие земли. Не удивительно, что кулачество оказало сильнейшее сопротивление новым принципам землеустройства. На Севере, как сообщалось в отчетных материалах Архангельского губернского земельного управления за 1928 г., «отвод лучших земель обыкновенно вызывал споры и недовольство со стороны земельных обществ, преимущественно со стороны кулацкой их части»⁶⁶. В Вологодской губернии осенью 1928 г. на первых шагах коллективизаций Тигины (Огибаловская волость Кадниковского уезда) наиболее острые столкновения произошли из-за «Бродовки» — земельного участка, который отводился («смотря на то, сколько причитается по разверстке») товариществу по общественной обработке земли «Новый пахарь». «Бродовка» всегда служила предметом ожесточенных споров при переделах земли и давно уже практически принадлежала кулакам⁶⁷.

Переделы земли на исходе 20-х годов активизировались не только в Нечерноземье. Подобные факты отмечались повсеместно. Экспедиционное обследование землеустройства в

⁶⁵ «Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927—1937 гг.)». Сб. документов, Вологда, 1964, стр. 168—169, 189.

⁶⁶ Там же, стр. 122.

⁶⁷ Там же, стр. 78—81; «Правда», 7 ноября 1928 г.

Среднем Поволжье летом 1929 г. среди крестьянских свидетельств записало и такое: «стали ежегодно переделы»⁶⁸.

Проходившие под непосредственным контролем партийных и советских организаций переделы земли обеспечили передачу лучших земель возникающим колхозам, беднякам и маломощным середнякам, оттеснение кулаков на непривычные им худшие участки. Это было равносильно новому и более глубокому перераспределению земли в тех деревнях и селениях, где кулачеству удалось сохранить большие позиции и после революции. Переделы земли сами по себе не являются непременным признаком общины, но их наличие, а тем более интенсивность говорят о том, что община играет важнейшую роль в жизни крестьянина, во многом определяет его производственные возможности и социальные отношения.

Накануне коллективизации усилился процесс возвращения крестьян к общинному землепользованию с отрубов и хуторов, также означавший проведение общих переделов и очень часто связанный с борьбой за перераспределение земли. Юридическое равноправие, которым в соответствии с принципами нэпа пользовались все формы крестьянского землепользования, вовсе не означало, что Коммунистическая партия безразлично относится к этому вопросу. Апрельский пленум ЦК ВКП(б) в 1925 г., указывая на необходимость строгого соблюдения «свободы выбора форм землепользования согласно Земельному кодексу», специально подчеркивал, что задачей партии является содействие «росту таких форм землепользования, которые более благоприятны для развития кооперирования и механизации сельского хозяйства (поселки, выселки и т. п.)»⁶⁹. Исходя из этой директивы, органы РКИ, обследовавшее в 1925 г. работу Московского губернского земельного управления, предложили в дальнейшем, наряду с поощрением перехода к коллективным формам землепользования и усовершенствования общины, способствовать сселению хуторов в поселки⁷⁰.

Случаи перехода крестьян от участковых форм землепользования к общинной имели место и на первых этапах нэпа. Выше мы знакомимся с «Приговором» собрания крестьян деревни Иштутино Загаринской волости Муромского уезда (28 апреля 1923 г.) о переделе «как пахотной, так и усадебной» земли. «Приговор» был принят именно в связи с переходом от отрубного к общинному землепользованию. Крестьяне деревни

⁶⁸ «Среднее Поволжье», 1929, № 11, стр. 19.

⁶⁹ «КПСС в резолюциях...», т. 3, М., 1970, стр. 164.

⁷⁰ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 33, лл. 8—9.

Лемеховки Некоузской волости Мологского уезда Ярославской губернии, перешедшие еще в 1911 г. на отруба, в 1925 г. ходатайствовали перед Наркомземом о разрешении восстановить общинное землепользование и произвести общий передел земли. Разрешение это им было дано при условии согласия большинства членов общества (не менее двух третей) с оговоркой, что «члены общества, не согласные на переход к общинному порядку землепользования, могут оставаться при прежнем порядке, выделив свои земли к одному месту»⁷¹.

Рассматривая дела об изменении форм землепользования, советские земельные органы стремились обеспечить интересы бедноты, защитить их от натиска зажиточных слоев деревни. Вот характерный пример. 25 марта 1926 г. земельное общество села Пенники Ораниенбаумской волости (Ленинградская губерния) постановило «перейти от участкового к общинному порядку землепользования». При этом возник спор, из-за которого документы попали на рассмотрение Особой Коллегии Высшего Контроля по земельным спорам и сохранились в его архивах до наших дней. Общество попыталось избавиться от одного из своих членов, ранее имевшего на четырех едков меньше одной десятины земли (вместе с усадьбой), и решило дать ему участок прежнего размера, «где представится возможным». 9 сентября ОКВК отменила это решение как незаконное и записала в своем определении: «Поскольку земельное общество с. Пенники до землеустройства имело участковый порядок землепользования, при котором землеобеспечение каждого двора может быть крайне различным, постольку право членов такого двора на признание их членами земельного общества не может быть поставлено в зависимость от размера его земельного обеспечения. При переходе же к общинному порядку землепользования каждый двор имеет право на долю земли из надела общества по установленной им разверсточной единице на общих основаниях»⁷².

Особенно трудным было сселение хуторов, требовавшее от крестьянина таких материальных и трудовых затрат, на которые могла толкнуть лишь окончательная уверенность в полной невозможности жить изолированными дворами, вне местного, соседского общества. Однако факты сселения хуторов были зарегистрированы и в период до XV съезда партии. Летом 1927 г. в Смоленском уезде по желанию самих крестьян 188 хуторов сселились в 9 поселков⁷³.

⁷¹ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 43, л. 169.

⁷² ЦГАОР, ф. 5201, оп. 6, д. 259, лл. 79—80.

⁷³ «Правда», 5 февраля 1928 г.

Заметные масштабы движение хуторян и отрубников за возврат к общине в 1927—1928 гг. приобрело в Северо-Западном районе. В Ленинградской губернии удельный вес участкового землепользования в 1922 г. составлял 20,5%, в 1925 г. — 23,8%, а в 1928 г. — 19,3%. Общинное же землепользование вначале сократилось с 79,1% в 1922 г. до 75,7% в 1925 г., а затем возросло — до 80% в 1928 году. Колхозное землепользование увеличилось с 0,4% в 1922 г. до 0,5% в 1925 г. и до 0,7% в 1928 году. В Череповецкой губернии участковое землепользование сократилось с 30,3% в 1925 г. до 28,4% в 1928 г., общинное возросло с 69,5% до 71,2%, а коллективное — с 0,2% до 0,4%⁷⁴.

После XV съезда партии свертывание участкового землепользования уже осознавалось местными организациями как очередная практическая задача, непосредственно связанная с курсом на коллективизацию сельского хозяйства. В докладной записке об итогах работы за 1929 г. Костромское земельное управление сообщало: «С целью подготовки почвы для коллективизации при межселенном землеустройстве проводится слияние бывших вотчин и слияние хуторов и отрубков с селениями»⁷⁵. Оргкомитет Западной области, образующейся из Смоленской губернии Великолукского уезда Псковской губернии и Ржевского уезда Тверской губернии, рекомендовал I-й областной партийной конференции и 1-му областному съезду Советов (июль 1929 г.) принять «решительные мероприятия» по свертыванию хуторской и отрубной форм землепользования, поскольку последние являются «весьма серьезным препятствием на пути социальной и технической реконструкции сельского хозяйства»⁷⁶. Отчетные материалы о работе за 1929 г. свидетельствуют, что эти требования тогда же стали претворяться в жизнь⁷⁷.

Участковое землепользование могло быть полностью изжито лишь в ходе социалистического преобразования сельского хозяйства. Но еще до массовой коллективизации крестьянских хозяйств широкие слои бедноты и середнячества стали осознавать невозможность найти для себя выход к новой жизни на пути полного хозяйственного и социального разоб- щения. Поэтому в самой деревне возникло движение за воз-

⁷⁴ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 810, л. 287.

⁷⁵ «Коллективизация сельского хозяйства Центрально-Промышленного района (1927—1937 гг.)». Сб. документов, Рязань, 1971, стр. 289.

⁷⁶ «Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР (1927—1937 гг.)». Сб. документов, Смоленск, 1971, стр. 35—36, 65.

⁷⁷ Там же, стр. 145, 174, 196.

вращение с хуторов и отрубов к общине как такой форме землепользования и расселения, которая в той или иной степени несла на себе печать товарищеского (первоначально соседского) союза.

* * *

История общины, рассматриваемая в целом, была историей все большего и большего отчуждения социально-политических институтов и функций, присущих ей в полном объеме на ранних этапах развития, историей передачи этих институтов и функций возникающим и укрепляющимся надобщинным органам власти, в конечном итоге — государству. Этот длительный и противоречивый процесс завершается обычно вместе с завершением истории самой общины. Русская крестьянская община даже накануне революции оставалась организацией местного самоуправления, интегрированной в систему государственного управления и выполнявшей, в частности, полицейские и фискальные функции на селе. Великой Октябрьской революцией были созданы подлинно демократические органы государственной власти и самоуправления в деревне — сельские и волостные Советы. Функции общины ограничились поземельными делами. Однако традиционность и, главное, нерасчлененность поземельных, хозяйственных и социально-политических отношений, присущая мелкокрестьянской деревне (в этом, в частности, находила выражение ее патриархальность), приводили к тому, что фактическая роль общины и органов ее самоуправления далеко выходили за рамки земельных дел.

Являясь непосредственным и полноправным распорядителем крестьянских земель, община тем самым приобретала большое влияние на все стороны деревенской жизни. Это влияние подкреплялось солидной материальной базой. В 20-х годах большинство сельских Советов не имело своего бюджета, тогда как земельные общества располагали постоянными и довольно значительными источниками доходов: самообложение, сдача земли в аренду и т. д. В 1926/27 гг. на территории РСФСР самостоятельный бюджет имели всего 1815 сельсоветов (3,2%). Общая сумма их бюджетов составляла 15,6 млн. рублей⁷⁸. Бюджет же земельных обществ исчислялся в 70 млн. руб.⁷⁹ (по другим данным, в 80—100 млн. руб. и бо-

⁷⁸ «Финансы и народное хозяйство», 1930, № 6, стр. 14.

⁷⁹ «Правда», 20 мая 1928 г.

лее⁸⁰). Все это позволяло земельному обществу противопоставлять себя сельскому Совету, а подчас и фактически подчинять его.

А. С. Енукидзе — тогда секретарь Президиума ЦИК СССР — в выступлении на XV партсъезде не случайно говорил о «многостепенности» в деревне: «Я мог бы перечислить много примеров, когда земельные общества являлись действительной властью на местах, где они распоряжаются землей, одним из основных объектов жизни и деятельности местных Советов». Он предлагал «законодательным порядком установить такие отношения, чтобы Советы являлись хозяином деревни»⁸¹. Это была назревшая задача, ибо сельские и волостные Советы должны были осуществлять непосредственное государственное руководство процессом социалистического преобразования деревни.

В первой половине 20-х годов состояние самих Советов в деревне не позволяло требовать от них полной меры использования даже тех прав, которые им предоставлял закон. Потребовалась большая работа по укреплению и оживлению Советов, проведенная в 1925—1926 гг., чтобы обеспечить реальное повышение их роли в хозяйственной жизни деревни. На протяжении 1927 г. рядом законодательных актов было усилено участие сельских Советов «в рассмотрении земельных споров отдельных граждан», расширены их прерогативы в области контроля за деятельностью земельных обществ (регистрация распределения усадеб, организация общественной обработки земли, оформление продажи построек «с оставлением на месте» — одна из форм контроля за соблюдением национализации земли)⁸². Особенно важное значение имела передача средств самообложения из рук земельных обществ в руки сельских Советов по постановлению ЦИК и СНК СССР от 24 августа 1927 года. Самообложение являлось важнейшим источником средств на местные хозяйственные и социально-культурные нужды. Правда, средства самообложения не вклю-

⁸⁰ Эти сведения сообщил А. С. Енукидзе на XV съезде ВКП(б), отметив, что они относятся не только к земельным обществам, но и к «другим объединениям крестьянства» (см. «Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет», т. II, М., 1962, стр. 1246). Не уточнено, какие «объединения» имеются в виду, но ясно, что не кооперативные, имевшие очень большие средства. В то же время известно, что по столь же примерной оценке только самообложение давало земельным обществам не менее 100 млн. руб. («Советское строительство», 1928, № 4, стр. 45).

⁸¹ «Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет», т. II, стр. 1245.

⁸² СДЗЗ, стр. 221, 350, 351, 362—363.

чались в бюджет, и Советы были обязаны расходовать их в точном соответствии с постановлением схода (да и решение о самообложении принималось не Советом, а сходом)⁸³. Однако роль Советов резко возрастала, ибо теперь они реализовывали эти средства.

В этом же направлении влиял и интенсивный перевод сельсоветов на самостоятельный бюджет. В 1928/29 г. на территории РСФСР собственный бюджет имели уже 7 697 сельских Советов (14%), а его сумма достигла 54,7 млн. руб., увеличившись за два года в 3,5 раза⁸⁴. XIV Всероссийский съезд Советов (май 1929 г.) принял решение ускорить введение сельских бюджетов, передав сельсоветам все местные доходы, включая доходы земельных обществ⁸⁵. Тем самым земельные общества становились в полную материальную зависимость от сельских Советов. Практически это решение осуществлялось уже в ходе сплошной коллективизации, но принципиально вопрос был решен весной 1929 года.

Юридическое подчинение земельных обществ сельским Советам на Украине было осуществлено «Положением о сельских Советах», принятом республиканским ЦИК 12 октября 1927 года⁸⁶. В конце 1928 г. земельные общества были подчинены сельским Советам повсюду. На Советы было возложено «руководство работой земельных обществ». Сельский Совет должен был утверждать постановления земельных обществ по таким вопросам, как выбор формы землепользования и принятие землеустроительного проекта, установление прав на льготы по землеустройству и т. п. Советам предоставлялось право отменить постановления земельного общества, если оно «нарушает законы и распоряжения высших органов, противоречит задачам кооперирования или нарушает интересы бедноты». Земельное общество, однако, имело возможность обжаловать отмену своего решения в исполком волостного или районного Совета⁸⁷.

Одновременно с изменениями в правовом статусе земельных обществ характерные перемены происходили и в их внутренней структуре и деятельности. Община объединяла и бедняка, и середняка, и кулака, всем им предоставляя формально равные права в решении любых вопросов. Кулак, лишенный

⁸³ СЗ 1927 г., № 51, стр. 509.

⁸⁴ «Финансы и народное хозяйство», 1930, № 6, стр. 14—15.

⁸⁵ «Съезды Советов в документах», т. IV, ч. I, М., 1962, стр. 132.

⁸⁶ «Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет», т. II, стр. 1245.

⁸⁷ СДЗЗ, стр. 306.

права голоса на выборах в Советы, мог избирать и быть избранным в общинные органы управления. Авторитет «хозяйственного мужика», не говоря уже об экономической зависимости маломощного населения, весьма часто давали кулаку возможность верховодить на сходах и вообще в управлении общинными делами.

Переход в наступление против кулачества, провозглашенный на XV съезде, требовал, в частности, оттеснения кулацких элементов от управления в общине. Уже осенью 1927 г. Особая Коллегия Высшего Контроля по земельным спорам признала, что лица, лишённые избирательных прав, т. е. в первую очередь кулаки, не могут быть уполномоченными обществ по земельным делам, председателями и секретарями на сходах⁸⁸. Однако до конца 1928 г. вопрос в полном объёме решен не был. Только общесоюзный земельный закон от 15 декабря 1928 г. лишил права решающего голоса на сходах и права быть избранными в органы общинного самоуправления всех тех, кто не имел права избирать в Советы⁸⁹.

Подчинение общины сельсовету и исключение кулаков из управления общинными делами сыграло важную роль в условиях начинающегося социалистического преобразования сельского хозяйства. В 1928—1929 гг. Советское государство осуществило ряд мер, направленных на подавление кулацкого сопротивления, в частности, лишение права пользоваться землёю тех, кто обрабатывает её исключительно наёмным трудом, или имеет достаточные для существования нетрудовые доходы от других занятий, или умышленно сокращает посеы⁹⁰. В циркулярах и инструкциях по этому поводу, рассылаемых земельными органами на места, содержалось категорическое требование: «Сельсоветам надлежит иметь строгое наблюдение за приговорами земельных обществ по этим вопросам и при несогласии с ними — обжаловать их в РЗК (районные земельные комиссии — В. Д.), а в случае необходимости и самим возбуждать вопрос перед земельным обществом о лишении земли злостных недопосевщиков»⁹¹.

Опасения, что земельные общества окажутся не в состоянии вести активную борьбу с кулачеством не были лишены оснований. Из 182 дел, подвергнутых ревизии Ленинградской областной земельной комиссией, были возбуждены Совета-

⁸⁸ «Вестник землеустройства и переселения», 1927, кн. I, октябрь, стр. 133.

⁸⁹ СДЗЗ, стр. 306.

⁹⁰ См. «История СССР», 1958, № 3, стр. 124—125.

⁹¹ ЦГАОР, ф. 5201, оп. 6, д. 76, л. 12.

ми — 126, земельными обществами — 45, отдельными лицами — 9 и прокуратурой — 2⁹². На Украине за 1928 г. было изъято у кулаков 61.250 га земельных излишков, в том числе 80,4% по инициативе органов Советской власти, 16% по инициативе земельных обществ и 3,6% по инициативе комнезамов⁹³.

Земельные общества не справлялись с новыми задачами. В то же время развертывавшаяся коллективизация сельскохозяйственного производства (а тем самым и землепользования!) устраняла самые условия существования и функционирования крестьянской общины — соседской организации крестьян-единоличников по совместному владению землей. На смену общине шло коллективное хозяйство. Поэтому с переходом к сплошной коллективизации, когда началось массовое обобществление крестьянского землепользования, когда в то же время классовая борьба внутри крестьянства достигла чрезвычайного накала, вплоть до вспышек кулацких мятежей, возникла необходимость ликвидации и системы связанного общинного землепользования единоличных хозяйств и мирской организации, объединявшей всю деревню.

Материалы прессы показывают, как созревало решение вопроса о судьбе общины. 3 января 1930 г. «Сельскохозяйственная газета» публикует статью «Органы диктатуры пролетариата в условиях сплошной коллективизации», в которой подчеркивается «глубокое политико-социальное различие» между земельным обществом и колхозом, решительно отвергается «совершенно неправильная мысль о том, что... взаимоотношения между сельсоветом и колхозом должны быть такие же, как и взаимоотношения между сельсоветом и земельным обществом». Статья вплотную подводила к выводу о ликвидации общины. 21 января в газете появляется статья секретаря ВЦИК А. Киселева «Возглавить колхозное движение и руководить им. К Всесоюзному совещанию по советскому строительству», где этот вывод в предварительном виде уже сформулирован: «Земельные общества в районах сплошной коллективизации, очевидно, ликвидируются». 26 января газета помещает статью «Земельные общества надо ликвидировать». Сообщая о том, что Наркомзем Украины принял «чрезвычайно важное с принципиальной точки зрения постановление о ликвидации земельных обществ» и передаче их функций в сфере самоуправления сельсоветам, а в сфере

⁹² Там же, д. 25а, л. 94.

⁹³ «Правда», 9 декабря 1928 г.

производства — колхозам, автор статьи утверждал, что «земельные общества себя изжили» и играют «лишь роль тормоза социалистической перестройки крестьянского хозяйства», стали «в настоящее время последним прибежищем для кулака». Такими были выводы работников, непосредственно связанных с решением практических вопросов сельской жизни. Именно они нашли отражение в законодательстве.

В начале 1930 г. была проведена перестройка работы сельских Советов в соответствии с задачами развертывавшейся сплошной коллективизации. 3 февраля 1930 г. Президиум ЦИК СССР утвердил «Основные положения об организации сельских Советов в СССР», которыми, в частности, устанавливалось, что «сельские Советы руководят всей деятельностью земельных обществ» и получают «право отмены, изменения и утверждения» их постановлений. «В районах сплошной коллективизации, — говорилось далее, — земельные общества ликвидируются, причем все их права и обязанности полностью передаются сельским Советом»⁹⁴. В развитие этих положений ВЦИК и СНК РСФСР 30 июля 1930 г. приняли постановление «О ликвидации земельных обществ в районах сплошной коллективизации».

Земельные общества должны были ликвидироваться после того, как в его пределах окажется «коллективизировано не менее 75% крестьянских хозяйств». Ликвидация общества и распределение принадлежавших ему угодий и имущества производились решением исполкома. При этом «земли сельскохозяйственного значения общего пользования» (выгоны и т. п.) переходили к колхозам «с сохранением права пользования этими землями за хозяйствами, не вошедшими в колхозы». Напротив, «все угодья несельскохозяйственного значения» (леса местного значения, месторождения общераспространенных ископаемых, озера и пруды, места под общественными зданиями и предприятиями, неудобные земли и т. п.) переходили в распоряжение сельсовета. Аналогичным образом распределялось и имущество ликвидируемых земельных обществ: сельскохозяйственное (общественные быки, сельскохозяйственные машины и орудия, страховые семенные фонды и т. п.) передавалось «в неделимые фонды колхозов, образованных из состава данного земельного общества», а несельскохозяйственное имущество, предприятия (мельницы, крупорушки, маслобойки и т. п.) и общественные здания (избы-читальни, бани и т. п.) переходили «в распоряжение сельсовета, на терри-

⁹⁴ СДЗЗ, стр. 465—466.

тории которого эти имущества, предприятия и здания находятся»⁹⁵.

20 октября 1931 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР необходимый для ликвидации земельного общества уровень коллективизации бедняцко-середняцких хозяйств был понижен до 68—70%⁹⁶. Тем самым было признано, что земельные общества, общины должны прекратить свое существование с завершением сплошной коллективизации «в основном». По стране в целом это произошло, как известно, к лету 1932 года.

* * *

Старый спор между русскими народниками и марксистами об общине и «общинном пути» к социализму история раскулила не только ходом социально-экономического развития России в конце XIX—начале XX века, но и практикой строительства первого социалистического общества. Советский исторический опыт полностью подтвердил правильность марксистско-ленинских взглядов на общину. Сохранявшиеся в среде общинного крестьянства традиции коллективизма и взаимопомощи, простейшие формы трудовой кооперации получили значительное развитие в условиях строительства социализма. Их наличие без всякого сомнения облегчало процесс производственного кооперирования крестьянских хозяйств. Однако сама по себе община не стала исходной формой развития коллективного хозяйства в деревне. Новые черты в развитии общины, которые проявлялись в конце 20-х годов, не изменили ее сущность как соседской организации единоличных крестьянских хозяйств. Ее традиционность и консерватизм вступали в непримиримое противоречие с революционным характером и темпом ломки единоличного крестьянского землепользования. Уже одно это обстоятельство затрудняло возможность органической трансформации крестьянской общины в социалистическую форму хозяйства. Но община, как мы видели, в ряде существенных отношений и противостояла задачам начинавшегося преобразования. Дуализм, составлявший сущность крестьянской общины на протяжении истории, предопределил и характер ее исчезновения в ходе социалистического переустройства сельского хозяйства.

---

⁹⁵ См. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 октября 1931 г. «Об изменении Постановления ВЦИК и СНК от 30 июля 1930 г. «О ликвидации земельных обществ в районах сплошной коллективизации» (СДЗЗ, стр. 517—518).

⁹⁶ СДЗЗ, стр. 504—505.

В. Я. Осокина

К ВОПРОСУ О СУДЬБАХ РУССКОЙ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНЫ
(1920—1929 гг.)

(выдел, его социально-экономическая сущность)

Анализ судеб русской поземельной общины, начатый В. И. Лениным в конце XIX в., был логически продолжен им в условиях диктатуры пролетариата. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что программные положения нашей партии и ее конкретные задачи в отношении крестьянства исходили из учета сложившихся поземельных отношений. Он считал необходимым использовать позитивные возможности общины, учитывая ее социально-экономическую структуру в интересах развития производительных сил сельского хозяйства: «...неверно ставить ставку на старательного хозяина, а надо поставить ставку на сельское общество, на коллективность»¹.

Однако общинный коллективизм В. И. Ленин не ставил в одну плоскость с коллективизмом хозяйств социалистического типа. В «Замечаниях к проекту «Положения об общественной обработке земли» основной смысл ленинских указаний заключался во всемерном поощрении стремлений крестьян-общинников к ведению социалистического хозяйства. При этом он исключал учет традиционных переделов, отстаивал классовый принцип при практической организации дела. Всякой группе хозяйств, желавшей перейти к общественной обработке земли через выдел из земельного общества, оно должно предоставить причитающуюся площадь независимо от расположения земельных участков, от того, производился очередной передел или нет, т. е. безусловно, «во всех случаях»².

Обеспечение возможности выдела из общины являлось одной из важнейших мер социалистического государства, направленных на упорядочение и изменение характера позе-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 186.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 496.

мельных отношений. Выдел играл существенную роль в процессе становления социалистического способа производства, а со второй половины 20-х годов — в развертывании массового колхозного движения.

Разукрупнение старожильческой сибирской общины через выдел, вследствие сложности социально-экономических отношений, приняло разнообразные формы: поселки, выселки — новые земельные общества, «юридические отруба» (групповые обособленные участки внутри многодворной общины). Особое значение приобретал выдел, как форма землеустройства коммун, сельскохозяйственных артелей и ТОЗов.

Заметные сдвиги внутри общины, связанные с советским землеустройством и созданием социалистических хозяйств в деревне, определились уже к 1920 г. Первый Всесибирский съезд представителей земельных отделов, коммун, артелей, рабочих комитетов, совхозов, состоявшийся в июле этого года, прошел под знаком расширения и укрепления коллективных хозяйств, выяснения первых итогов социалистического строительства в деревне. Его лейтмотив — землеустройство коллективных хозяйств и совхозов. В докладе от Енисейской губернии отмечалось, что, несмотря на огромные разрушения, причиненные белогвардейцами и налетами проходящих банд, в 1920 г. «главная забота — отвод земель коллективным хозяйствам»³. То же констатируется в докладе от Томской губ.: «Вне очереди землеустраиваются колхозы и совхозы»⁴.

На съезде возникла дискуссия и об общине. Высказывались взаимоисключающие суждения, в частности, о необходимости добиться, «чтобы она могла перейти к коммунам, артелям и т. д.» Отдельные ораторы делали и нигилистские выводы: «Лучше о ней не говорить, потому что во всех основных законоположениях об общине ничего не говорится». Съезд отверг нигилистское отношение к общине. Он совершенно определенно высказался по вопросу, волновавшему крестьянство: «Как отводить земли коллективным хозяйствам, если в том или ином обществе пожелают выделиться несколько хозяйств?» Нужно учитывать интересы всех: и выделяющихся, и тех, кто оставался в общине⁵.

Ряд исторических источников, в том числе протоколы земельных сходов, общих собраний коммун, отчеты землеустроительных органов, постановления уездных земельных отделов раскрывают начавшийся уже с первых лет Советской власти

³ ГАНО, ф. 13, оп. 1, д. 245, л. 141.

⁴ Там же, л. 136.

⁵ Там же, л. 63.

процесс разукрупнения многодворной старожильческой общины через выдел. Так, Новониколаевский уездный земельный отдел 15 марта 1920 г. рассмотрел протокол общего собрания коммуны им. Ленина от 29 февраля и схода Мотковского сельского общества от 3 марта этого же года и вынес решение: «Принимая во внимание, что члены коммуны единогласно приняли устав и твердо верят в жизненность коллектива, признать ее существующей и фактически, и юридически, зарегистрировать. Отвести коммуне необходимую площадь земли, послав в Мотковское земельное общество представителя от уездного земотдела для окончательной разверстки земли»⁶.

Отчеты губернских земельных отделов также показывают происходивший в 1920 г. выдел коммун и артелей из многодворной общины. В Алтайской губ. значительная часть коммун получила земли из наделов крупных общинных сел: коммуна «Сибиряк» — 553 дес. из надела с. Михайловского, коммуна «Новый мир» — 725 дес. из надела с. Новокопыловского, коммуна «Майское утро» — 631 дес. из надела Верх-Жилинской общины и т. д. Из 60 сельхозартелей и коммун более 30 получили земли из наделов старожильческих общинных сел⁷.

Строительство коллективных хозяйств, выделявшихся из земельных обществ, столкнулось с многочисленными трудностями. Источники свидетельствуют, что сдерживающее влияние оказывали и общинная система землепользования, и неупорядоченность переделов, и сопротивление кулацко-зажиточной части земельных обществ.

Разруха периода гражданской войны усиливала материальные затруднения выделявшихся хозяйств. По Каменскому уезду Енисейской губ. представитель земельного отдела сообщал: «Страшная картина опустошения колчаковцами: сожжено 27 деревень (5000 дворов), увезен инвентарь, скот. Население живет в ямах. Главное внимание подотдела землеустройства — отвод земель объединениям, возникавшим на территории повстанческого движения». Основную массу выделявшихся крестьян-общинников здесь составляли участники партизанского движения. Это подтверждают документы земельных отделов и других губерний Сибири. Так, Алтайский губземотдел делал вывод: «Алтайские крестьяне принимали участие в повстанческом движении и считали, что зем-

⁶ ГАНО, ф. 13, оп. 1, д. 404, л. 2.

⁷ ГАНО, ф. 13, оп. 1, д. 245, л. 102.

ля должна распределяться равномерно, по закону о социализации земли. Землеустройство коммун, совхозов — вне очереди»⁸.

Несмотря на большие трудности, налеты белогвардейско-кулацких банд, малочисленность землеустроительных кадров, отвод земель социалистическим хозяйствам в деревне за 1920 г. составил более 40 тыс. дес.⁹. Кроме отвода земель отдельным колхозам, началась всесторонняя подготовка к землеустройству социалистических хозяйств в целом. Только по Омской губернии намечалось землеустроить коммуны, артели и совхозы на площади более 147 тыс. дес.¹⁰.

Вопросы колхозного строительства и упорядочения земельных отношений рассматривал II Всесибирский съезд представителей земельных отделов, коммун, артелей и рабочих комитетов совхозов, состоявшийся в июле 1921 г. Съезд отметил отрицательное влияние на развитие сельского хозяйства неупорядоченности в землепользовании общин, прежде всего чересполосицы. Представитель Алтайского губернского союза колхозов доложил: «Мешает колхозам чересполосица, не везде могут перейти к улучшенным способам»¹¹. В Томской губернии создание колхозов «...задерживалось из-за отказа в отводе земель. 200 колхозов в тяжелом положении, хотя многие коллективы хорошо организованы, имеют клубы, общественные библиотеки и живут по Уставу. Чересполосица мешает организовать земельные массивы колхозов, так как колхозы пользуются до отвода земель теми участками, которыми они пользовались раньше и которые разбросаны по разным углам надела. Возникают трения»¹².

После съезда на основании Земельного Кодекса 1922 г. землеустроительные работы в Сибири значительно возросли, составив за 1922/23 г. более 3,5 млн. дес., в том числе отвод земель социалистическому сектору — 26782 дес., из них колхозам — 23420.

Тогда же начались работы и по ликвидации чересполосицы. Упорядочение землепользования и переход к широким полосам был произведен на площади в 275,5 тыс. дес.¹³.

Землеустроительные работы по разукрупнению многодворной общины с образованием колхозов нарастали из года

⁸ ГАНО, ф. 13, оп. 1, д. 245, лл. 129, 130.

⁹ ГАНО, ф. 13, оп. 1, д. 260, л. 3.

¹⁰ ГАНО, ф. 13, оп. 1, д. 301, л. 4.

¹¹ ГАНО, ф. 13, оп. 1, д. 65, л. 39.

¹² ГАНО, ф. 13, оп. 1, д. 65, л. 38.

¹³ ГАНО, ф. 13, оп. 1, д. 274, л. 8.

в год. Если за пять лет, с 1920 по 1925 г., площадь колхозов, выделившихся из общины, составляла 47,3 тыс. га, то за два последующих года — 1926 и 1927 гг. — 137,5 тыс. га. В результате разукрупнения многодворной общины в 1925/26 г. возникло 109 колхозов, в следующем 1926/27 г. — уже 136¹⁴.

Одновременно усиливался выдел из многодворной общины земельных групп («юридических отрубков»). Земельные группы создавали выселки, часто они при этом создавали семенные, машинные или мелиоративные товарищества. В этом отношении интересны постановления собраний земельных групп («юридических отрубков») и выводы «Политико-экономических обзоров» окружных исполкомов, сделанные на основе специальных обследований. Собрание одной из групп многодворной общины деревни Кураковой Мариинского уезда Томской губ. 23 июля 1925 г. приняло решение: «Единоголосно постановили ходатайствовать о разрешении выйти на выселок с землей, примыкая к вновь организуемой артели из 27 домохозяев»¹⁵.

Создание товариществ простейшего типа происходило путем внутреннего выдела без расселения, выдела с расселением, с образованием выселков и поселков, а также без обособления участков. Например, Никоновское машинное товарищество (Новосибирский округ), возникшее в 1926 г. и объединившее 33 хозяйства, как свидетельствовал окрисполком, «обособленного участка земли не имеет. Посев производился каждым членом отдельно. Имеется стремление к получению отдельного земельного участка, главным образом в целях удобного использования имеющихся машин». По другому было в Ульяновском семенном товариществе Новосибирского же округа: «Живут на отдельном участке. Произведена разбивка на многополье. Посев чистосортными семенами на одном поле, но отдельно каждым хозяйством. Уборка производилась коллективно, простейшей супрягой»¹⁶.

С переходом в реконструктивный период землеустроительные работы по выделам производственных кооперативов стали быстро нарастать. Для простейших производственных товариществ в целом по краю в 1926 г. было выделено 8860 га, а в 1929 г. — 30371 га. При этом содержание землеустроительных работ Сибирское земельное управление характеризовало следующим образом: «Для простейших объединений (без общественной обработки земли) производились выделы земель

¹⁴ «Сибирская Советская Энциклопедия», 1931, т. 2, стб. 141, 142; ГАНО, ф. 1072, оп. 1, д. 377, л. 7.

¹⁵ ГАНО, ф. р—197, оп. 3, д. 2, л. 70.

¹⁶ ПАНО, ф. 18, оп. 1, д. 403, лл. 104—105.

в выборочном порядке и, если выделяется или переходит к правильному севообороту, — без землеустройства для остальной части земельного общества»¹⁷.

В сентябре 1927 г. бюро крайкома партии приняло постановление «О состоянии землеустройства». Крайком партии, учитывая развертывавшееся в Сибири кооперирование крестьянства, поставил задачу подчинить землеустроительные работы по разукрупнению многодворной общины колхозному строительству: «...при образовании из многодворных земельных обществ выселков и группового землепользования без расселения, стремиться объединить бедняцкие и бедняцко-средняцкие хозяйства в самостоятельные земельные объединения, с целью облегчения дальнейшей работы по их кооперированию и организационно-хозяйственному обслуживанию»¹⁸.

Ломка общинных поземельных отношений сопровождалась острой классовой борьбой. Трудовое крестьянство, организуясь и сплачиваясь, преодолевало консерватизм общины при организации колхозов и товариществ. Большим препятствием являлись длительность срока переделов, дальноземелье и чересполосица. Земельные общества, за редким исключением, не соглашались на обмен полос, чтобы пашни товариществ и колхозов слить в один участок. На земельном сходе обычно постановляли: «Ждите, когда будет новый передел, тогда, может быть, дадим». Делегат бедняцкой конференции Новосибирского округа так охарактеризовал препятствия колхозному строительству, которые существовали из-за неупорядоченности поземельных отношений: «Беднота хочет коллективно работать, но беда — не сосредоточены участки. Участок от участка состоит на 15 верст и больше, одним плугом работать нельзя. Если с одного участка поехать на другой, то весь день будет потрачен на переезд».

Рост выделов из многодворной общины был неизбежным. Краевые органы рабоче-крестьянской инспекции свидетельствовали: «Колхозники как более энергичный и сознательный элемент стремятся избавиться от общины и выселяются на отдельный участок — выселок»¹⁹.

Новые качественные изменения в поземельные отношения старожильческой общины внесло советское землеустройство в годы подготовки массового колхозного движения на основе решений XV съезда партии. По вопросу о землеустройстве

¹⁷ ПАНО, ф. 1072, оп. 1, д. 377, л. 5.

¹⁸ ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2185, л. 52.

¹⁹ ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2740, л. 239.

съезд принял решение: «Всемерно содействовать росту таких форм землепользования, которые более благоприятны для развития кооперирования и механизации сельского хозяйства (поселки, выселки и т. п.)»²⁰.

В результате землеустройства первой половины 20-х годов началось разукрупнение общины, сократились чересполосица и дальн^оземелье, росла организация колхозов. Однако эти изменения в системе поземельных отношений были недостаточны, чтобы обеспечить необходимые условия для колхозного строительства в действительно широких масштабах. Половина выделявшихся из общины колхозников, как свидетельствует краевое земельное управление, переселялась, что требовало дополнительных затрат на устройство. СибРКИ в докладной записке «О землеустройстве в Сибири» делала вывод, что это «чрезвычайно понижало хозяйственный эффект первых лет работы колхозов (переселение) и удерживало середняка от вхождения в колхозы»²¹.

В письме крайкома партии «О коллективизации в деревне», опубликованном 27 апреля 1928 г., была поставлена задача в течение года добиться укрупнения колхозов и их наделов: «...средний состав колхозов (12 семей) не обеспечивает возможности организации действительно крупного хозяйства, таким образом преимущества его остаются (для окрестного крестьянства) далеко не проявленными. Это тормозит возникновение новых колхозов»²².

На основе решений партии президиум краевого исполнительного комитета разработал и в мае 1928 г. разослал «Директиву о землеустройстве», в которой большое внимание уделялось упорядочению общинного землепользования, чтобы ускорить кооперирование трудового крестьянства и укрупнение колхозов. Большое значение приобретал подбор социально-однородных групп при оформлении «юридических отруб^{ов}» и выселков, а также увеличение их земельных участ^{ков}²³.

Многочисленные акты обследований колхозов и земельных обществ, протоколы заседаний групп бедноты, сельских Советов, производственных совещаний, решения краевых партийных и советских органов, съездов Советов свидетельствуют, что перелом в землеустройстве начался со времени значи-

²⁰ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов», т. 4, М., 1970, стр. 67.

²¹ ГАНО, ф. 288, оп. 1, д. 535, лл. 10, 11.

²² «За четкую классовую линию». Новосибирск, 1929, стр. 213.

²³ ГАНО, ф. 1072, оп. 1, д. 377, л. 46.

тельного расширения прав Советов и усиления их роли в хозяйственно-политической жизни деревни.

В конце 1927 г. разворачивается упорная борьба сельских Советов и организованных при них групп бедноты и сельскохозяйственных секций за классовый принцип при землеустройстве. Значительная часть бедноты и батрачества стала обслуживаться на льготных условиях. Уже в 1928 г. кредиты на землеустройство распределяли сельские Советы. В связи с разукрупнением многодворной общины расселились 12 573 бедняцких хозяйства. Из них около половины (6058 хозяйств) выделялись из общины, уже объединившись в колхозы. Только из местных фондов на финансирование землеустройства бедноты было выделено 254 468 руб. Ассигнования из госбюджета на землеустройство колхозов и бедноты составили 1 123 155 руб., из местного бюджета — 60 704 руб. Кроме того, бедняки и середняки получили кредит в сумме 189 615 руб. По спискам сельских Советов, с 1 октября 1927 г. по 1 октября 1928 г. бесплатно были землеустроены 30 тыс. из 94 тыс. бедняцких хозяйств на площади 1 004 259 га²⁴. Особенно быстро росли земельные площади коллективных хозяйств. К концу 1928 г. они составляли 1 313 тыс. га²⁵. Укрупнялись колхозы, созданные на основе выделявшихся из общин выселков. Во время расселения хозяйств общественные массивы увеличивались за счет крестьян, вышедших из обществ, земли которых присоединялись к пашням колхозов. В связи с этим отмечался рост среднего размера земельных участков хозяйств социалистического сектора. Если в 1926 г. площадь среднего отвода для коммун составляла 611 га, то в 1928 г. — 756. Земельные наделы сельхозартелей за это время увеличились с 472 до 635 га²⁶.

Площадь выдела из многодворной общины с образованием первичных кооперативных объединений за 1927—1928 гг. увеличилась в 10 раз, составив 306 тыс. га²⁷. Специализированные товарищества переходили на уставы тозов, сельскохозяйственных артелей и коммун. В остальных товариществах усилился процесс обобществления посевов.

Не изжитые в земельных обществах круговая порука и влияние экономически сильной кулацкой верхушки нередко приводили к традиционному общинному способу распределе-

²⁴ ГАНО, ф. 1072, оп. 1, д. 377, лл. 15, 16.

²⁵ ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 3826, л. 26.

²⁶ ГАНО, ф. 1072, оп. 1, д. 377, лл. 15, 16.

²⁷ Там же, л. 5.

ния наделов по мужским долям с анонимной жеребьевкой. Классовый принцип там, где не было сильных партячек и групп бедноты, земельные общества обходили, отказывая в преимуществах бедноте и даже колхозам. В Омском округе некоторые колхозы имели землю в 40—50 местах, в ряде земельных обществ Славгородского округа беднота получала солончаки и кустарники, в Ачинском округе были отмечены случаи, когда коммуна земельные общества выделяли гористые или болотистые участки²⁸.

Вопрос об отношении к общине в связи с коллективизацией нашел отражение в работе окружных конференций групп бедноты, проходивших в 1928 году. Крестьяне-бедняки настаивали на более целесообразном «дроблении общины». Характерны вопросы, заданные на конференции: «Может ли тоз отрезать участок, если общество не согласно проводить землеустройство?». «Будет ли проводиться землеустройство в деревне Воданово, где взаимоотношения в обществе чрезвычайно запутаны?». «Как быть беднякам села Баксинского, которые организовали колхоз уже после землеустройства, проведенного обществом?»^{28а}. В отчете о совещании бедноты в Коченевском районе Новосибирского округа сообщалось: «Большинство выступавших высказалось за коллективное землепользование, за выход из общины на поселки и выселки и расширение сети и улучшение работы сельскохозяйственной кооперации»²⁹.

Несмотря на сопротивление кулаков и зажиточных, в Ачинском, Красноярском, Рубцовском и Канском округах на протяжении 1928 г. были проведены внеочередные переделы земель в 322 старожильческих земельных обществах. При этом возникло 22 коммуны, 74 сельскохозяйственных артели, 135 тозов, 108 простейших объединений (семеноводческих, машинных, полеводческих) и более 100 выселков³⁰.

В 1927/28 г. коллективное землепользование за счет выдела из многодворной общины возросло на 776 201 га. За 1928/29 г. в связи с созданием новых колхозов площадь выделов увеличилась более чем в два раза. В постановлении крайисполкома по итогам 1927/28 хозяйственного года отмечался сдвиг в работе по землеустройству, однако указывалось, что «вопрос о целесообразных размерах землепользова-

²⁸ ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 3589, л. 179.

^{28а} ПАНО, ф. 18, оп. 1, д. 1225, л. 80.

²⁹ «Сельская правда», 18 января 1928 г.

³⁰ ГАНО, ф. 1072, оп. 1, д. 377, л. 6.

ния колхозов не разработан». Здесь же ставилась задача «...при дроблении многодворных селений на выселки — способствовать кооперированию»³¹.

Более последовательное проведение классового принципа при землеустройстве способствовало консолидации трудового крестьянства. Краевое земельное управление в отчетных материалах исполкому Советов прямо указывало, что землеустройство «по разбивке многодворной общины на части — выселки, части селений и групповые участки оказывает содействие коллективизации». Удельный вес этих землеустроительных работ, как свидетельствует тот же источник, нарастал. В 1927 г. они составляли 50,6%, в 1929 г. — 56,3%³².

Образование колхозов в период подготовки массового колхозного движения происходило главным образом путем выдела из многодворной общины. Возникавшие колхозы состояли из членов разных земельных обществ. Об этом свидетельствуют и выводы СибРКИ, окружкомов и окрисполкомов. Например, в справке о землеустройстве в Славгородском округе указывалось: «За 1929 год все землеустраиваемые колхозы, как правило, состояли из членов разных земельных обществ».

Колхозники проводили большую политическую и культурно-просветительную работу среди крестьян, оставшихся в общине. Об артелях и коммунах в «Докладных записках» сообщалось: «...в массе своей они выселились из больших сел на отдельные земельные участки и имеют свои избы-читальни... Колхозники ставят спектакли в селах и избах-читальнях... Устраивают демонстрации. Впереди — особой колонной —

Роль выделов из многодворной общины в росте колхозного землепользования на территории Сибири за 1925/26—1928/29 гг. *

Г о д ы	Площадь в га	% к общей площади
1925/26	57906	1,4
1926/27	79612	1,4
1927/28	875813	10,9
1928/29	2604600	25,4

* ГАНО, ф. 1072, оп. 1, д. 377, лл. 7, 14; ССЭ, т. 2, стб. 141—142.

³¹ Там же, лл. 7, 46.

³² ГАНО, ф. 288, оп. 1, д. 355, л. 8.

тракторы». Эта работа усилила рост выделов из общины, «... вокруг колхозов вырос ряд мелких поселков. Примечательна и такая сторона положительного влияния колхозов на общину: агрикультурному воздействию окружающие единоличные хозяйства поддаются туго, но под влиянием колхозов идет протравливание семян формалином и очистка их»³⁴.

Коллективизация не приостановила процесс разукрупнения общины, а наоборот, ускоряла его. Как показывает доклад крайкома ЦК партии в октябре 1929 г., важной задачей оставалось: «Дробление многодворной общины на оптимальные земельные объединения с одновременным кооперированием и коллективизацией процессов в этих объединениях и с переводом на правильные севообороты»³⁵.

К концу 1929 г. землеустроительные работы были проведены почти на 26 млн. га. В результате выделов с образованием колхозов и первичных производственных объединений из общинного землепользования было исключено свыше 4 млн. га (колхозы — 3669,3 тыс. га, специализированные товарищества — 440,6 тыс. га). На выселки выделились новые земельные общества с общей площадью в 4500,4 тыс. га³⁶.

Таким образом, переход к сплошной коллективизации был во многом связан с усилением роли в социально-экономических отношениях советской деревни выделов из старожильской общины. Если в социально-политической эволюции русской поземельной общины решающее значение приобретала передача ее прав сельским Советам, то в социально-экономической — выдел. И прежде всего — выдел с образованием социалистических форм хозяйства. Это — характерная закономерность разложения общины, как формы мелкотоварного уклада, в котором процесс классовой дифференциации и социальной полярности зашел далеко.

³⁴ ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2740, лл. 239, 240.

³⁵ ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 3826, л. 28.

³⁶ ГАНО, ф. 1072, оп. 1, д. 377, лл. 4, 7, 8, 13, 18; ССЭ, т. 2, стб. 141, 142.

**БОРЬБА ЗА ОВЛАДЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫМИ ОБЩЕСТВАМИ
В КАЗАЧЬИХ РАЙОНАХ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ
НАКАНУНЕ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ**

По вопросу о развитии русской поземельной общины после Великой Октябрьской социалистической революции и ее роли в подготовке коллективизации в советской литературе сложилось две точки зрения, в основном совпадающие при характеристике развития общины в 1917—1929 гг., но по-разному оценивающие ее роль в социалистическом преобразовании сельского хозяйства¹. Согласно одной из них, изменения в характере земельных обществ не изменили природы общины, не превратили ее в переходную ступень к сплошной коллективизации, в связи с этим возникла необходимость ликвидации земельных обществ, и они были ликвидированы². В соответствии с другой точкой зрения, за 1917—1929 гг. партийные и советские организации овладели земельными обществами, превратили их в подлинно социалистические объединения, в опорные пункты социалистического преобразования сельского хозяйства³. В. М. Селунская, стремясь проложить путь к сближению этих точек зрения, подчеркнула глубокий смысл изучения исторического опыта овладения земельными обществами и их использования в целях социалистического преобразования российской деревни. Вместе с тем В. М. Селунская спра-

¹ См. В. П. Данилов. Основные итоги и направления изучения истории советского крестьянства.—«Проблемы аграрной истории советского общества. Материалы научной конференции 9—12 июня 1969 г.» М., 1971, стр. 233.

² В. П. Данилов. Земельные отношения в советской доколхозной деревне.—«История СССР», 1958, № 3, стр. 118—128; В. Е. Муравьев. Земельные отношения в Уральской деревне накануне коллективизации.—«Вопросы истории Урала. Материалы 2-й научной сессии вузов Уральской зоны в г. Перми 20—22 апреля 1965 г.» Пермь, 1966, стр. 330—335.

³ С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. т. 2, М., 1974, стр. 75—85; М. М. Широков. Работа Коммунистической партии по овладению земельными обществами и переводу их на социалистический путь развития (1927—1929).—«Вестник Московского университета». Серия IX, История, 1966, № 4, стр. 37—55.

ведливо отметила, что «не следует упрощать этот сложный процесс и представлять его как непосредственный переход земельного общества к коллективному хозяйству»⁴.

Дальнейшее изучение вопроса об эволюции крестьянской поземельной общины в 1917—1929 гг. и о ее роли в социалистическом преобразовании сельского хозяйства будет успешным при условии комплексного рассмотрения развития земельных отношений внутри общины, изменений в соотношении сил различных социальных групп крестьян в земельных обществах и изменений в положении общины в системе остальных государственных и общественных организаций в деревне.

Представляет интерес изучение указанных изменений в крестьянских и казачьих земельных обществах Дона, Кубани, Терека и Ставрополя. Здесь после окончательного восстановления в 1920 г. Советской власти в руках земельных обществ сосредоточилось 95,4% удобных земель⁵. В характерных для этих районов крупных земельных обществах ярко проявлялись многие типичные черты российской поземельной крестьянской общины. Сохранявшаяся в первые годы Советской власти сословная замкнутость казачьей общины способствовала консервации внутриобщинных отношений, тормозивших развитие сельскохозяйственного производства и классовое расслоение. Известно, что царизм стремился сохранить казачью общину как условие существования своей важной опоры — военного казачьего сословия. Поэтому процесс разрушения капитализмом общинных отношений казачью общину затронул в меньшей степени, чем крестьянскую. Это послужило одним из оснований для характеристики В. И. Лениным осенью 1917 г. казачьих районов России как «...сохранивших особенно много средневековых черт жизни, хозяйства, быта»⁶.

После установления Советской власти на Дону, Кубани и Тереке казачья община, утратившая черты военной организации, сохранилась как поземельная община. Ее отличали от крестьянской общины относительно большая обеспеченность землей, менее глубокая классовая дифференциация, более мощные кулацкая верхушка и середняцкий слой, пережитки психологии казачьего «единства» и сословной обособленности

⁴ В. М. Селунская. Ленинский кооперативный план в советской историографии. М., 1974, стр. 41.

⁵ И. В. Чернышев. Сельское хозяйство довоенной России и СССР. М.-Л., 1926, стр. 50.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 219.

от крестьян. Преодоление в казачьей общинной организации всего консервативного и реакционного оказалось более трудным делом, чем в крестьянской общине. Борьба Коммунистической партии и Советского государства за овладение земельными обществами в казачьих районах носила ярко выраженный классовый характер. Изучение истории этой борьбы дополняет наши представления об эволюции общины в годы Советской власти, методах овладения земельными обществами и их роли в коллективизации сельского хозяйства.

Казачье паевое землепользование и хозяйство в рамках станичного юрта было лишь одной из форм уравнительного землепользования и соответствующего ему мелкотоварного производства. В годы, предшествовавшие Великой Октябрьской социалистической революции, развивавшиеся в деревне капиталистические отношения сопровождалась классовой дифференциацией крестьян-общинников и в несколько меньшей степени казаков-станичников, постепенным разрушением общины. В советской исторической литературе уже отмечалось, что Великая Октябрьская социалистическая революция и осуществленные в нашей стране на основе национализации земли аграрные преобразования возродили и обновили крестьянскую общину⁷. Сохранившаяся казачья община была освобождена от функций военно-феодальной организации, были сделаны первые шаги к ликвидации ее сословной замкнутости. Однако эти преобразования не коснулись принципа уравнительного землепользования, определявшего природу внутриобщинных отношений, суть которых не изменилась.

На Дону, Кубани, Тереке и Ставрополье, так же как и в других районах страны, в рамках поземельной крестьянской и казачьей общин развивалось единоличное частнособственное хозяйство. Вместе с тем в государстве диктатуры пролетариата стихийный процесс развития мелкого крестьянского и казачьего хозяйства к капитализму ограничивался политическими и экономическими мерами, сопровождался осереднячиванием деревни. Изучение процессов дифференциации крестьянства в условиях новой экономической политики позволило XV конференции ВКП(б) сформулировать вывод о том, что в советской деревне «наряду с ростом кулацких элементов... и пролетаризацией некоторой части бедняц-

---

⁷ В. П. Данилов. Земельные отношения в советской доколхозной деревне. — «История СССР», 1958, № 3, стр. 99—100; С. П. Трапезников. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. М., 1959, стр. 65—66; М. М. Широков. Указ. соч., — «Вестник Московского университета». Серия IX, История, 1966, № 4, стр. 40—42.

ких хозяйств происходит экономический подъем другой части бедняцких хозяйств.

Средняцкая масса деревни, пополняясь экономически поднимающимися бедняцкими хозяйствами, остается по-прежнему главной силой земледелия»⁸.

Уравнительное землепользование и основанное на нем единое частнособственническое хозяйство определяли характер социально-экономических отношений внутри общины, направляли их развитие по капиталистическому пути. Внутриобщинные отношения, будучи разновидностью частнособственнических отношений, не могли эволюционировать к социализму, а крестьянская поземельная община сама по себе не могла стать переходной ступенькой к социалистическим отношениям. Возрожденная Октябрем община объединяла крестьян — мелких собственников, уже дифференцированных на бедноту, середнячество и кулачество, разделенных острыми классовыми противоречиями между беднотой и кулачеством. Поэтому перед Коммунистической партией и Советским государством стояла задача овладения земельными обществами, то есть превращения их в одну из организаций трудящихся бедняцко-середняцких масс крестьянства. В отношении казачьей общины одновременно необходимо было полностью преодолеть остатки ее сословной замкнутости и связанные с ней пережитки сословности.

Основными направлениями борьбы за овладение земельными обществами были: 1) землеустройство; 2) ограничение влияния кулачества в земельных обществах и подчинение земельных обществ сельским Советом; 3) развитие и укрепление всех существовавших в деревне организаций бедняцко-середняцких масс крестьянства.

Многие исследователи отмечают, что землеустройство и связанное с ним разукрупнение земельных обществ позволяли частично преодолеть дальнотемелье, узкополосицу и многополосицу, от которых страдали крестьяне-общинники, а также создавали более благоприятные условия для коллективизации бедняцко-середняцких хозяйств. На Дону, Кубани и в Ставрополе положительные результаты землеустройства выявились очень ярко, так как земельные общества здесь были крупнее, чем во многих других районах страны, и присущие общинному землепользованию недостатки особенно осложняли положение бедняцко-середняцких слоев крестьянства и казачества.

⁸ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 3, М., 1970, стр. 371.

В районах Кубани в 1920 г. земельное общество стан. Новопокровской насчитывало 18,5 тыс. жителей и имело в пользовании 55,5 тыс. дес. земли, стан. Уманской — 21,7 тыс. жителей и 53,2 тыс. дес., стан. Николаевской — 12,9 тыс. жителей и 43,3 тыс. дес. Средние размеры землепользования 67 обследованных в 1922 г. сельских общин Кубанско-Черноморской области составляли более 10,8 тыс. десятин⁹. Даже после развернувшихся с 1923 г. землеустроительных работ, в ходе которых многие общины были разукрупнены, в станицах и селах Северо-Кавказского края в начале 1927 г. из 7826 земельных обществ 1293 (16,5%) насчитывали по 100—500 дворов и 463 (5,9%) — более 500 дворов. Составляя лишь 22,4% всех земельных обществ, крупные общины объединяли 837,0 тыс., то есть 81,4% крестьянских и казачьих хозяйств, и держали в своих руках 15,5 млн. десятин (78,8%) земель трудового пользования¹⁰. В руках крупных земельных обществ Кубанского округа, насчитывавших по 1250 и более едоков, было сосредоточено 72% земель трудового пользования¹¹. В Терском округе в пользовании земельных обществ с количеством едоков от 2000 и более находилось 79,4% земель¹².

В столь крупных земельных обществах крестьянство и казачество особенно страдало от дальноземелья, так как по краю среднее расстояние до полей превышало 10 км у 54% земельных обществ, 15 км — у 33,5% и 20 км — у 15,7%¹³⁻¹⁴. В. П. Данилов обратил внимание, что крестьянин, поля которого были расположены на расстоянии 9—10 км от двора, непроизводительно затрачивал труда и средств почти столько же, сколько он затрачивал на обработку самих полей¹⁵. Естественно, непроизводительные затраты крестьян и казаков, поля которых были удалены от двора более чем на 10 км и даже 20 км, существенно возрастали. Поэтому разукрупнение общин в Северо-Кавказском крае было одной из важней-

⁹ «Население и хозяйство Кубано-Черноморской области. Стат. сборник за 1922/23 гг.», Краснодар, 1924, стр. 165—167, 170, 246—257, 282, 292.

¹⁰ С. С. Одинцов. Очередные задачи землеустройства, «Советский Юг», 9 января 1927. Собств. подсчет. Е. О.

¹¹ «Коллективизация сельского хозяйства на Кубани». Сб. док. и мат., т. 1, 1918—27 гг. Краснодар, 1959, стр. 181.

¹² «Терский округ. Очерки по истории, экономике и советскому строительству округа», ч. 1, Пятигорск, 1927, стр. 103.

¹³⁻¹⁴ А. А. Андреев. На путях подъема и социалистической реконструкции сельского хозяйства. Ростов-на-Дону, 1930, стр. 71.

¹⁵ В. П. Данилов. Указн. соч.—«История СССР», 1958, № 3, стр. 107.

ших задач. В Кубанском округе к октябрю 1927 г. дробление многодворных общин было проведено на 49,5% площади трудового землепользования¹⁶. По краю к началу 1927 г. разукрупнение общин было произведено на 3,8 млн. га, то есть на 14,6% земель трудового пользования, к началу 1928 г. — на 5,2 млн. га (22,2%), к началу 1929 г. — на 7,8 млн. га (33,1%) и к началу 1930 г. — на 10,7 млн. га (45,6%)¹⁷⁻¹⁹. В результате в Сальском округе расстояние от усадьбы до поля сократилось в среднем с 20 до 6 верст, в Донецком — с 15 до 2—3 и Таганрогском — с 10 до 2,6 верст. Вместе с тем в важнейших сельскохозяйственных округах края — Донском, Кубанском, Ставропольском и Терском, где основная масса сельского населения была сосредоточена в крупных селениях, а дробление земельных обществ из-за нехватки средств в большинстве случаев не сопровождалось расселением крестьян и казаков, существенных успехов в преодолении дальnozемья добиться не удалось. Разукрупнение земельных обществ давало определенный экономический выигрыш бедняцко-средняцким массам крестьян и казаков. Однако более важными были социально-политические последствия разукрупнения земельных обществ.

В крупной крестьянской и казачьей общине беднота и маломощное середнячество, экономически зависевшие от зажиточных середняков и кулаков, часто не оказывали своего влияния на решение вопросов, подлежащих ведению земельных обществ. Кулаки, опираясь на верхушку середняков, использовали земельные общества в своих классовых целях. В казачьей общине кулаки стремились сохранить ее сословную замкнутость и объединить вокруг себя всех казаков по сословному признаку. Казаки-кулаки задавали тон в станичном кругу, подавляли и подчиняли себе казаков-средняков и бедняков. Этому способствовали сохранившиеся пережитки сословной психологии и быта.

Предпринятое в начале 1924 г. обследование кубанских станиц Выселки и Платнировской показало, что постоянными и активными участниками станичных сходов были зажиточные, крепкие сельские хозяева. Пользуясь авторитетом в станицах, разобщенностью, неорганизованностью и пассивностью бедноты и маломощных середняков, а также отсут-

¹⁶ «Коллективизация сельского хозяйства на Кубани», т. I, стр. 188, ¹⁷⁻¹⁹ В. П. Данилов. Указ. соч.—«История СССР», 1958, № 3, стр. 113. «На критику III Северо-Кавказского краевого съезда Советов», Ростов-на-Дону, 1929, стр. 37; «Итоги и перспективы социалистического строительства Северо-Кавказского края». Ростов-на-Дону, 1931, стр. 88.

ствием установленной нормы участников схода, при которой его решения были бы законны, кулаки часто успешно проводили нужные им постановления. При этом подчас по важнейшим вопросам жизни станицы решения принимались одной десятой и даже меньшей частью населения²⁰. Ряд обследований, осуществленных по инициативе партийных и советских органов в 1926—1927 гг., показал, что во многих земельных обществах Дона, Кубани, Терека казаки-кулаки являлись весьма активной силой и умело навязывали свою волю станичным сходам. Для этого кулаки использовали наряду с экономической зависимостью и неорганизованностью бедноты ее темноту, безграмотность, невежество. В крупных земельных обществах, объединявших иногда до десятка селений, на сходы подчас собирались лишь кулаки и зажиточные середняки, которые и выносили решения от имени всего общества²¹. Казачьими земельными обществами во многих случаях руководили бывшие атаманы и другие члены ликвидированных органов войскового самоуправления²².

Разукрупнение земельных обществ до 50—100 дворов создавало благоприятные условия для участия бедняцко-средняцкой части крестьян и казаков в решении всех возникавших внутри общины вопросов, способствовало усилению их влияния на развитие общины и одновременно подрывало влияние кулака.

В ходе землеустройства, получившего в Северо-Кавказском крае широкий размах после 1922 г., было осуществлено коренное перераспределение земли, которое привело к принципиальному изменению в соотношении классовых сил в земельных обществах. В силу особенностей исторического развития края здесь землеустройство явилось не только хозяйственной мерой, но и средством воплощения в жизнь принципов землепользования, провозглашенных в Декрете о земле. До 1923 г. в крае перераспределения общинных земель не производилось, если не считать сдававшихся общинниками в аренду участков, оставленных в 1920 г. в безвозмездном пользовании арендаторов. Начиная с 1923 г., в крае в ходе межселенного и внутриселенного землеустройства происходило коренное перераспределение земель. С 1925 г. внутриселенное землеустройство

²⁰ И. Клейнер. Действительность Кубанской станицы. Краснодар, 1924, стр. 22—23.

²¹ Государственный архив Ростовской области (ГАРО), ф. 1185, оп. 2, д. 198, лл. 4, 12, 27, 33, 44, 50, 63.

²² Партийный архив Ростовского обкома КПСС (ПАРО), ф. 7, оп. 1, д. 595, лл. 458—459.

стало приобретать все больший размах и к началу 1927 г. оно было завершено на 11,7% земель трудового пользования, к началу 1928 г. — на 24% и к началу 1929 г. — на 40,9%²³. Уже к концу 1927 г. площадь трудового землепользования по краю увеличилась на 15%, а средний размер земельного надела на душу сельского населения возрос с 2,5 до 3,5 дес.²⁴. Землей было наделено 2100 тыс. человек, или 470,5 тыс. безземельных и малоземельных хозяйств иногородних и коренных крестьян, которые составили 34% всех казачьих и крестьянских хозяйств края²⁵.

В ходе землеустройства ликвидировалось подорванное после установления Советской власти, но не сразу уничтоженное неравенство в землепользовании крестьянства и казачества, которое и составляло экономическую основу сословных различий и розни. Так, до 1917 г. в Донской области приходилось в среднем на душу казачьего населения 3,74 дес., а крестьянского — 1,0 дес., в Кубанской области соответственно 3,25 и 1,19 дес., в Терской области — 7,39 и 4,36 дес. К концу 1927 г. различия в размерах душевых наделов земли казаков и крестьян в основном были преодолены. Средний размер душевого надела в Донском округе составил 3,18 дес., Шахтинско-Донецком — более 4 дес., Кубанском — 2,3, Терском — 4,62 дес.²⁶. Во всех округах края бедняцко-средняцкие слои крестьянства, казачья беднота и часть казаков-средняков расширили свое землепользование. Экономическое положение всех указанных слоев укрепилось, возросла их роль в земельных обществах. Бывшие иногородние крестьяне, получив землю в казачьих станицах, пополнили ряды бедняцких и маломощных средняцких хозяйств, противостоявших кулачеству. Вступление этих хозяйств в казачьи земельные общества, окончательное поравнение иногородних с казаками полностью ликвидировало сословную замкнутость казачьих общин. В земельных обществах сложились более благоприятные условия для дальнейшего размежевания казачества и крестьянства по классовому признаку.

Кулачество, и в частности, казачье кулачество, которое располагало значительными земельными излишками и умело использовало в своих целях неудобства общинного землеполь-

²³ «На критику III Северо-Кавказского краевого съезда Советов», Ростов-на-Дону, 1929, стр. 36.

²⁴ «Известия Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета», 1927, № 11, стр. 3, 11.

²⁵ Е. Н. Осколков. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1973, стр. 52.

²⁶ Там же, стр. 50.

зования, оказывало ожесточенное сопротивление землеустройству. Так как аграрные преобразования в казачьих районах подрезали землепользование не только кулачества, но и части казаков-середняков, кулаки ловко использовали в выступлениях против землеустройства недовольство этой части середняков. Кубанский окружком ВКП(б) отмечал, что в ходе землеустройства 21,5% казачьих хозяйств, в которых было 32% казачьего населения округа, потеряли часть земли²⁷. В Донском округе удельный вес земель, находившихся в пользовании у казачества, уменьшился с 67 до 42,4%, то есть на одну треть²⁸. В Терском округе фактическое обеспечение земель казаков уменьшились с 6,37 до 5,51 дес. на душу²⁹. Землепользование среднего казачьего хозяйства в крае сократилось с 38—49 га в дореволюционные годы до 13—16 га³⁰. Часть зажиточных середняков-казаков была недовольна землеустройством. Казак-кулак использовал это в своих интересах, разжигая у середняков сословные предрассудки и поднимая их против землеустройства. Кулаки-казаки, которых в ряде случаев поддерживала часть середняков, а иногда и бедняков, не желали наделять иногородних земель и допускать их в состав земельных обществ. Землеустройство сопровождалось вспышками сословной розни между кулачеством и иногородними в станицах Кубанского, Армавирского, Терского, Донского, Шахтинско-Донецкого и других округов.

Партийным и советским организациям края удалось преодолеть обострившуюся сословную рознь путем осуществления землеустроительных работ, которые велись на основе последовательного классового подхода. В ходе землеустройства Советское государство оказывало всестороннюю экономическую помощь бедноте и поддерживало середняка.

Государство приняло на себя часть расходов по землеустройству бедноты. В Северо-Кавказском округе из средств госбюджета с 1924 по 1927 г. бедноте было отпущено безвозмездно на землеустройство 1128,5 тыс. руб. За эти же годы бедноте был предоставлен кредит на землеустройство в размере 854,6 тыс. руб. На отпущенные средства были землеустроены 582,8 тыс. (то есть почти все) бедняцкие хозяйства³¹. Среднякам хозяйствам на землеустройство предоставлялся

²⁷ «Год работы. Материалы к IV Кубанской окружной конференции ВКП(б).» Краснодар, 1927, стр. 19—20.

²⁸ ГАРО, ф. 1390, оп. 6, д. 83, лл. 18, 116—117.

²⁹ «Терский округ», ч. I, стр. 101—102.

³⁰ А. А. Андреев. На путях подъема и социалистической реконструкции сельского хозяйства, стр. 71.

³¹ Е. Н. Осколков. Указ. соч., стр. 55.

кредит. Бедняцкие и маломощные середняцкие хозяйства получали лучшие земли вблизи от станиц и сел.

Партийные и советские организации вели систематическую политико-массовую и организационную работу по сплочению крестьянско-казацкой бедноты и середнячества для борьбы с кулачеством. Спротивление кулачества землеустройству было сломлено.

Политика землеустройства и классового размежевания крестьянства и казачества в земельных обществах не только обеспечивала изоляцию кулачества, но помогала преодолевать остатки сословной отчужденности между трудящимися крестьянами и казаками. Донской окружком ВКП(б) в мае 1927 г. отметил, что мероприятия по разрешению земельного вопроса «способствовали заметному ослаблению сословной розни и более яркому выявлению классового расслоения внутри казачества»³². В ноябре 1927 г. Кубанский окружком ВКП(б) подытожил результаты землеустройства в следующей формулировке: «Мы изменили земельные отношения не только между казаками и иногородними, но и отношения внутри казачьего населения, т. е. между казаками-бедняками и казаками зажиточными. Этим самым мы внутри казачества отслоили беднейшую часть, связав ее с общим середняцко-бедняцким движением, а кулацкую группу изолировали вместе с общей изоляцией кулачества»³³. Жизнь подтвердила определение А. И. Микояном землеустройства в Северо-Кавказском крае как «могилы сословной розни».

В ходе землеустройства создавались более благоприятные условия для развития коллективных форм земледелия. Было достигнуто сплочение бедняцко-середняцких слоев крестьян и казаков и определенный успех в изоляции кулачества. Земельные общества постепенно утрачивали характер общекрестьянской организации, находившейся под сильным влиянием кулачества, и становились организацией бедняцко-середняцких масс крестьянства и казачества.

Земельные общества, распорядившиеся землями, имели общественные запашки, сдавали земельные участки в аренду, получали доход, за счет которого строили и содержали школы. Хозяйственная деятельность земельных обществ создавала им известный авторитет среди трудящихся деревни. Сельские Советы, большинство которых в середине 20-х годов не имели самостоятельных бюджетов, оказывались по сравнению

³² «Революция 3-го пленума Донского окружного комитета ВКП(б)». Ростов-на-Дону, 1927, стр. 25.

³³ «Красное знамя», 24 ноября 1927.

с земельными обществами в невыгодном положении. Учитывая это, используя свое легальное положение и право голоса в общине, кулаки во многих случаях подчиняли земельные общества своему влиянию и противопоставляли их Советам. На XII Донской окружной конференции ВКП(б) в начале февраля 1927 г. один из делегатов — секретарь Кисляковской ячейки ВКП(б) Куцевского района (в настоящее время этот район входит в Краснодарский край) в своей речи привел убедительные факты о борьбе кулаков за влияние в земельных обществах, об их попытках превратить земельное общество в кулацкую организацию, которая противостояла бы Совету с целью «постепенно ликвидировать по частям Совет»³⁴.

3. Вопрос о взаимоотношениях сельсоветов с земельными обществами и о лишении кулака влияния в общине имел общесоюзное значение. Первыми его решили партийные и советские организации Украины. Летом 1927 г. ЦК КП(б)У и СНК УССР приняли постановление о подчинении земельных обществ сельским Советам и о лишении кулаков права голоса в земельных обществах. На XV съезде ВКП(б) указывалось, что инициатива КП(б)У соответствовала интересам партии и ее задачам³⁵. Еще до съезда в «Директивных указаниях для выработки союзного закона о землеустройстве и землепользовании» ЦК ВКП(б) высказался за повсеместное подчинение земельных обществ сельским Советам и за лишение кулака права голоса в земельных обществах³⁶. XV съезд партии подтвердил эту директиву³⁷.

Северо-Кавказский крайком, изучив летом 1927 г. вопрос о взаимоотношениях сельских Советов и земельных обществ и о попытках кулака укрепиться в общине, занял такую же позицию, как и партийная организация Украины, и осенью 1927 г. высказался перед ЦК партии за лишение кулачества права голоса в земельных обществах. Об этом сообщил в ноябре того же года делегатам IV Кубанской окружной конференции ВКП(б) председатель Северо-Кавказского крайисполкома П. А. Богданов³⁸. Позицию крайкома поддержали делегаты окружных и IV краевой конференции ВКП(б) накануне XV съезда.

³⁴ ПАРО, ф. 5, оп. I, д. 124, л. 93.

³⁵ «Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет», т. 2, М., 1962, стр. 1380.

³⁶ Справочник партийного работника. Вып. 7, ч. I, М.-Л., 1930, стр. 376.

³⁷ «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 4, М., 1970, стр. 69.

³⁸ Партийный архив Краснодарского крайкома КПСС (ПАКК), ф. 8, оп. I, д. 502, лл. 66, 174.

Обострение классовой борьбы в начале 1928 г., в частности, выразилось в усилившихся попытках кулачества укрепиться в земельных обществах и поднять их против всех хозяйственно-политических кампаний Советского государства. Проверка в шести населенных пунктах Терского округа земельных обществ показала, что только в одном из них уполномоченные в какой-то мере способствовали проведению мероприятий Советской власти, а в остальных, будучи ставленниками кулаков, относились к ним враждебно и всячески тормозили их³⁹. В земельных обществах кулачество пыталось сколотить вокруг себя середняков и даже бедноту, чтобы организованно выступить против хлебозаготовок, контрактации посевов, самообложения, создания колхозов. Иногда им это удавалось. Так, земельное общество в с. Сергеевском Майкопского округа пошло за кулаками и выступило против контрактации посевов⁴⁰. Однако все чаще кулак наталкивался на сопротивление бедноты и середняков. Батрачество, беднота и середняки там, где они выступали совместно, изгоняли кулаков из руководства земельными обществами.

20 апреля 1928 г., по предложению отдела по работе в деревне, Северо-Кавказский крайком ВКП(б) рассмотрел вопрос о взаимоотношениях земельных обществ и сельсоветов и принял принципиально важное решение, которым определил направление практической работы партийных и советских организаций края в этой области. В имеющихся исследованиях указанное постановление упоминается главным образом как факт постановки крупной местной партийной организацией перед ЦК ВКП(б) вопроса об ускорении проведения в советском порядке закона о лишении кулачества права голоса в земобществах и подчинении земобществ Советам⁴¹. Следует обратить внимание на другую важную сторону этого постановления крайкома. Отметив недостаточное влияние Советов на земобщества и усиление попыток кулака превратить земобщества в параллельные Советам органы, а также слабое руководство земобществами со стороны партийных организаций, крайком ВКП(б) наметил ряд мер по изоляции кулацких элементов и подчинению земобществ Советам. В частности, было принято решение о предоставлении права решающего голоса в земобществах батракам, пастухам и другим лицам, участвовавшим своим трудом в сельском хозяйстве.

³⁹ «Ленинский путь», 1929, № 1, стр. 31—32.

⁴⁰ ГАРО, ф. 2287, оп. 3, д. 35/52, л. 183.

⁴¹ См. М. М. Широков. Указ. соч., стр. 74; Ю. С. Кукушкин. Сельские Советы и классовая борьба в деревне. М., 1968, стр. 182—183.

Крайком предоставил сельсоветам право утверждения решений земобществ и поручил им наблюдение за выполнением земельными обществами принятых решений. Крайком также наметил меры по усилению работы сельскохозяйственных секций Советов, обязав их участвовать в предварительной подготовке вопросов, подлежащих разрешению земобществами⁴².

Осуществление намеченных крайкомом партии мер проходило в классовой борьбе с кулаком. Партийные и советские организации районов и округов края вновь и вновь поднимали вопрос о необходимости полного подчинения всей работы земельных обществ сельским Советам и пересмотре соответствующих законодательных актов⁴³. Это было тем более необходимо, что с ускорением темпа коллективизации сельского хозяйства выявилось стремление кулачества использовать земельные общества для противодействия колхозному строительству, в частности, путем отказа колхозам в выделении земельных участков для обобществленных посевов. В постановлении Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) от 21 августа 1928 г. отмечалось, что земельные общества, «благодаря своей громоздкости и противодействию со стороны зажиточной части членов, не только задерживают производственное кооперирование крестьянских хозяйств, но и препятствуют вообще росту сельского хозяйства, тормозя переход к интенсивным формам его ведения, и часто служат прикрытием эксплуататорских стремлений кулацких элементов деревни»⁴⁴.

Огромную роль в развернувшейся борьбе с кулачеством в земельных обществах сыграли утвержденные ЦИК СССР 15 декабря 1928 г. «Общие начала землепользования и землеустройства». В этом законодательном акте было юридически закреплено подчинение земельных обществ Советам, предоставление в земельных обществах права голоса батракам и сельхозрабочим, а также лишение права голоса кулака⁴⁵.

Принятыми мерами фактически был сделан еще один шаг к превращению земельных обществ в организацию трудящихся крестьян и казаков, функционирующую под контролем Советов. В начале 1929 г. в Северо-Кавказском крае районные и сельские Советы направляли деятельность 15368 земельных

---

⁴² ПАРО, ф. 7, оп. 1, д. 633, лл. 10—12.

⁴³ См., например, «Итоги Донского окружного совещания по советскому строительству (5—8 июля 1928 г.)». Ростов-на-Дону, 1928, стр. 8—9.

⁴⁴ «Известия Северо-Кавказского крайкома ВКП(б)», 1928, № 19, стр. 16.

⁴⁵ СЗ СССР, 1928, № 69, ст. 642.

обществ, использовали их в качестве одного из каналов своего влияния на трудящееся крестьянство и казачество⁴⁶.

Одним из направлений борьбы партийных и советских организаций за овладение земельными обществами было развитие и укрепление существовавших в деревне организаций бедняцко-середняцких масс крестьянства. При этом Коммунистическая партия последовательно проводила в жизнь ленинскую политическую линию опоры на бедноту, соглашения с середняком и борьбы с кулаком. Усилиями партийных и советских организаций Северо-Кавказского края к весне 1929 г. был создан невиданный прежде многочисленный бедняцко-середняцкий крестьянско-казачий актив, насчитывавший более 250 тыс. человек и сплоченный в различных организациях (Советы, группы бедноты, сельскохозяйственные производственные совещания, собрания женщин-делегаток и др.), разветвленная сеть которых охватывала все станицы и села. В результате всей этой работы земельные общества утратили свое прежнее значение, оказались в одном ряду с другими организациями трудящегося крестьянства и казачества.

Партийные организации были направляющей силой, определившей деятельность всех организаций бедняцко-середняцких масс деревни по развертыванию в крае коллективизации сельского хозяйства. Естественно, что в этих условиях в ряде станиц и сел края земельные общества принимали решения об организованном вступлении всем миром (без кулака!) в колхоз.

Таким образом, развитие крестьянской поземельной общины в государстве диктатуры пролетариата не сопровождалось изменением природы внутриобщинных отношений, основу которых вплоть до начала сплошной коллективизации составляло уравнительное землепользование и соответствующее ему частнособственническое мелкотоварное производство.

Однако борьба Коммунистической партии и Советского государства за овладение земельными обществами привела к превращению их из общекрестьянской в организацию батрацко-бедняцко-середняцких масс, которая в составе других организаций трудящихся крестьян в деревне под руководством сельских Советов внесла свой вклад в коллективизацию сельского хозяйства.

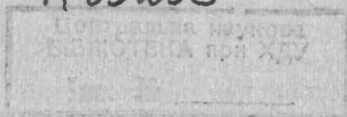
⁴⁶ «Известия Северо-Кавказского крайисполкома», 1929, № 7—8, стр. 15. Данные на 10 апреля 1929 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

П. А. Колесников. Основные этапы развития северной общины	3
А. Л. Шапиро. Проблемы генезиса и характера русской общины в свете новых изысканий советских историков	36
В. Н. Дарьенко. Община на Яике в XVII—первой четверти XVIII в.	47
А. М. Шабанова. Частновладельческая крестьянская община Северо-Запада в 1-й половине XVIII в.	59
Л. С. Прокофьева. Поземельные отношения в крепостной общине во второй половине XVIII в.	69
Т. С. Мамсик. Взаимоотношения сельских общин приписных крестьян с администрацией Колывано-Воскресенских горных заводов в 50—80-х годах XVIII в.	79
П. Н. Зырянов. Обычное гражданское право в пореформенной общине	91
В. П. Данилов. Об исторических судьбах крестьянской общины в России	102
В. Я. Осокина. К вопросу о судьбах русской поземельной общины (1920—1929 гг.)	135
Е. Н. Осолков. Борьба за овладение земельными обществами в казачьих районах Северо-Кавказского края накануне сплошной коллективизации	146

M 85255

ЕЖЕГОДНИК ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ

Сдано в набор 10. 10. 1975 г. Подписано к печати 15. 1. 1976 г. ГЕ00129.
 Формат 60×84/16. (Бум. газетн.). Печ. л. 10. Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 9,69.
 Тираж 1000 экз. Цена 80 коп. Заказ 6471.

Вологодский государственный педагогический институт
 ул. Маяковского, 6.
 Областная типография, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.